

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

УДК 821.161.1

Бурдин Иван Валерьевич

КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Специальность 5.9.1 – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации**

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Борис Вадимович Кондаков

Пермь – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ	16
1.1. Понятие «концепт» в литературоведении	16
1.2. Путь чая в русской культуре: между Востоком и Западом	29
1.3. Выводы	40
ГЛАВА II. КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.	42
2.1. Н.М. Карамзин: чай как атрибут диалога с Европой	47
2.2. «Пушкинский период»: чай как знак русского быта	52
2.3. Н.В. Гоголь: чай как характеристика национального уклада	63
2.4. Выводы	75
ГЛАВА III. КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.	78
3.1. Русская литература 1850 – 1870-х гг.: чай как спутник делового общения	81
3.2. И.А. Гончаров: чай как способ межкультурной коммуникации	106
3.3. Ф.М. Достоевский: чай как показатель дисгармонии мира	120
3.4. Русская литература 1880 – 1890-х гг.: чай как товар	143
3.5. Выводы	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	177

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию концепта «чай» в русской литературе XIX в.

В XX в. в гуманитарных науках (философии, культурологии, логике, искусствознании, лингвистике, литературоведении и др.) стало широко использоваться понятие «концепт». Это междисциплинарное понятие, возникшее на пересечении разных наук, позволяет раскрывать преемственность смыслов, многообразные межкультурные связи, на базе которых формируются символические значения образов. Ассоциативный потенциал концептов культуры способствует выявлению различных аспектов и уровней художественной реальности, их связей с художественными мирами других исторических эпох и национальных культур.

Академик Д.С. Лихачев увидел в термине «концепт» «алгебраическое выражение значения во всей его сложности», которое любой адресат эстетической информации «интерпретирует в зависимости от образования, личного опыта, принадлежности к определённой среде, профессии и т. п.», создавая таким образом «концептосферу» культуры, представляющую культуру в «сжатом», концентрированном виде [Лихачев 1997: 241]. Ю.С. Степанов определяет концепт следующим образом: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2001: 40]. Концепт же литературный «представляет набор культурных кодов, констант культуры» [Пушкарева 2019: 6].

Изучение художественного концепта содержится в ряде работ. В частности, различия лингвистического и литературоведческого подходов к изучению текста и пути преодоления возникающих противоречий показаны в труде И.А. Тарасовой «Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения» [Тарасова 2010]. В 2010 г. исследователь предложила

использовать понятие «концепт» при изучении связей произведения с «контекстом культуры» [Там же: 744], а также определила данный термин как индивидуально-авторское психическое образование, аналогичное понятию «образ» [Там же]. В том же году идеи И.А. Тарасовой получили поддержку других ученых. Так, С.В. Манджиева изучила художественные концепты в прозе О. Генри [Манджиева 2010]. Материалом исследования, посвященного реконструкции языковой личности писателя, стал художественный текст, а методологической основой – принцип лингвокультурологического анализа. Концепты были исследованы через призму художественных антиномий («богатство – бедность», «надежда – уныние» и др.).

К анализу художественных концептов обращается Ю.А. Дрейзис, изучая эволюцию ключевых концептов в творчестве современного китайского писателя Юй Хуа [Дрейзис 2014]. Реконструкция системы концептов помогла исследователю осмыслить творчество Юй Хуа как «определенный “макротекст”, позволяющий реконструировать эстетически значимый фрагмент художественной картины мира автора» [Дрейзис 2014: 5].

Художественный концепт стал предметом изучения и в диссертации Ю.Ю. Дмитриевой «Концепт пути в творчестве Н.С. Гумилева». Автором выявлен «древесный», «кумулятивный» характер художественного концепта: «концепт как бы растет, подобно дереву» [Дмитриева 2018: 11]. Избранный исследователем комплексный метод концептуального анализа позволил рассмотреть концепт «путь» не только как стержень творчества Н.В. Гумилева, но и как знаковый концепт русской языковой картины мира, а также выявить влияние творчества поэта на национальную концептосферу.

Подлинную глубину интегративного подхода к изучению художественного концепта показала С.В. Пушкарева в диссертации «Онтологические и аксиологические концепты в творчестве Н.В. Гумилева». Предметом

исследования здесь являются не только отдельные концепты, ключевые для творчества поэта («Град Божий», «Путь», «Слово», «Память», «Любовь»), но и вся концептосфера его поэзии. Более того, С.В. Пушкаревой была выявлена и описана связь между языковой картиной мира Н.В. Гумилева и национальной концептосферой. В ходе исследования автор приходит к выводу, что изучаемые концепты в творчестве поэта выступают в качестве «этнокультурных кодов» и «ориентированы на теургическую эстетику Серебряного века» [Пушкарева 2019: 5].

Однако, несмотря на имеющиеся работы, масштабного исследования эволюции художественного концепта в русской национальной культуре на материале литературных произведений целой эпохи – XIX столетия – ранее не предпринималось. В настоящей диссертации художественный концепт впервые соотнесен не только с языковой картиной мира народа, но и с национальной культурой, философией, международными отношениями.

Среди множества концептов русской культуры «классической» эпохи для исследования выбран концепт ЧАЙ. Этот выбор объясняется рядом причин: во-первых, данный концепт имеет богатую предысторию в других национальных культурах (как Европы, так и Азии), которая – вместе с концептом – так или иначе вошла в русское культурное сознание; во-вторых, на материале русской литературы XIX в. можно увидеть процесс интеграции в культуру его многочисленных *репрезентаций* и определить *функции* концепта в *художественном* тексте.

Чай как особый продукт, как предмет торговли и как специфическая часть жизни русского человека и неотъемлемая составляющая русской культуры на протяжении XIX в. оказывал воздействие на разнообразные аспекты существования страны, которые отразились в национальной литературе.

Концепт «чай» неоднократно становился предметом лингвистического исследования. Масштабное изучение данного концепта в русском и китайских языках осуществил Цзоу Сюецян [Цзоу Сюецян 2007 а, б]. Китайский ученый предлагает рассматривать лингвистический анализ значимых для национальной культуры концептов в качестве составляющей обучения студентов иностранному языку; при этом методология подхода представлена на примере концепта «чай». В лингвистическом и культурологическом аспектах к данному концепту обращались такие исследователи, как Цай Ванифань, У Тин, А.Г. Иванникова, У.В. Хорченко и др., причем интерес к его изучению проявился именно в последнее десятилетие [Цай Ванифань 2019; У Тин 2016; Иванникова, Хорченко 2014]. Особенно важным для настоящей диссертации представляется тот факт, что «чай» рассматривается этими учеными как универсальный концепт, наделенный амбивалентной природой; при этом подчеркивается, что чай «имеет национальную специфику, в том числе в России и в Китае» [У Тин 2016: 138]. Значимой для гипотезы работы оказывается и мысль о том, что ключевые репрезентации изучаемого концепта связаны с духовной составляющей чайной церемонии [Цай Ванифань 2019: 134].

Концепт реализуется в культуре через систему *репрезентаций*, каждая из которых является актуализацией концепта в художественном тексте. Под *репрезентацией* в диссертации – в соответствии с традицией, сложившейся в гуманитарных науках – понимаются разнообразные «вторичные» (опосредованные) представления в культуре, раскрывающие иной культурный объект, обретающие в результате этого процесса новые интерпретации, смыслы и связи.

Взгляд на историю русской литературы сквозь призму концепта «чай», с нашей точки зрения, позволяет понять в исторической перспективе, как отдельная деталь предметной изобразительности – «концепт», соотнесённый с богатым

культурным контекстом, – связана с *художественным целым произведения*: его идеями, позицией автора, системой образов, особенностями стиля и композиции, способами выражения в тексте специфических признаков тех или иных литературных направлений или художественных систем.

В этом плане концепт «чай» оказывается особенно продуктивным для исследования не только потому, что он соотнесен с социокультурным контекстом разных цивилизаций, но и по причине того, что он вошел в русскую культуру относительно недавно – в конце XVII – начале XVIII в., что позволяет проследить историю вхождения рассматриваемого концепта в русскую литературу практически с самого начала. Концепт «чай» интересен для исследования и еще по одной причине: в русской культуре он изначально рассматривался в контексте межкультурной коммуникации, в *диалоге культур*, и изначально был связан с размышлениями о месте русской цивилизации в окружающем её мире.

Своеобразие концепта «чай» определено двумя различными культурными традициями. Одна из них – «азиатская» – была связана, в первую очередь, с Китаем, откуда этот напиток в конце XVII – XVIII вв. и пришел в Россию. В китайских традиционных представлениях чай имел многочисленные функции: он рассматривался не только как «полезный» для человека напиток, но и как средство получения *эстетического наслаждения и активизации творческих способностей*. Другая традиция была связана с культурой Великобритании, для которой чай выступал как специфический *товар* и как повод для *экономического и политического* воздействия.

Изучение истории концепта «чай» в русской литературе позволяет понять процесс его вхождения в конкретную национальную культуру и развитие связей концепта с содержанием и формой художественного произведения, а также историко-культурным процессом в целом.

Актуальность исследования определяется вниманием современных ученых к феномену художественной картины мира (опорными структурными единицами которой являются *концепты*) и специфике национальных концептосфер, а также острой потребностью как научного сообщества, так и общества в целом в расшифровке русского культурного кода. Не менее значимой в этой связи представляется и ориентация исследования на исторический контекст интенсивного межкультурного диалога.

Научная новизна диссертации связана с тем, что специального исследования художественного концепта «чай» на материале русской литературы ранее не проводилось.

В диссертации впервые:

- предпринята попытка рассмотреть «чай» как одну из констант русской культуры через призму художественного текста;
- выявлены репрезентации концепта «чай» в русской литературе XIX в.;
- определены художественные функции рассматриваемого концепта, его связь с сюжетом и системой образов в произведениях XIX столетия;
- показана эволюция репрезентаций концепта на протяжении классической эпохи развития русской литературы.

Гипотеза исследования заключается в том, что концепт «чай» в русской литературе XIX в. связан с содержанием художественных произведений и способствует раскрытию позиции автора; изучение истории репрезентаций концепта и его художественных функций позволяет реконструировать один из векторов русской культуры, связанный с представлениями о межкультурной коммуникации.

Объект исследования – художественный концепт «чай».

Предмет исследования – репрезентации данного концепта в русской литературе XIX в.

Материалом диссертационной работы служат тексты художественных произведений русских писателей (проза, поэзия и драма), написанные в период с 1792 по 1900 гг. Выбор периода определяется следующим: 1792 г. ознаменовался написанием Н.М. Карамзиным «Писем русского путешественника» – первого произведения русской литературы, в котором представлен концепт «чай» и с которого началась история русского «литературного чаепития»; 1900 г., соответствующий календарному окончанию века, стал годом публикации пьесы А.П. Чехова «Три сестры», ностальгически завершившей эпоху русской классики, в которой изображение «литературного чаепития» соединило несколько вариантов репрезентации концепта, развивавшихся на протяжении XIX в., а также предвосхитило следующие этапы его эволюции. В диссертации исследуются произведения Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, А.Н. Островского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, В.А. Гиляровского и других писателей.

Цель работы – выявить особенности художественных репрезентаций концепта «чай» в русской литературе XIX в.

Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

- выявить и описать имеющиеся научные подходы к изучению художественного концепта;
- рассмотреть сложившиеся в разных культурах эстетические представления, связанные с чаем;
- исследовать процесс формирования концепта «чай» в русской литературе XIX в.;
- провести анализ репрезентаций концепта «чай» в русской литературе XIX в.;
- показать историю развития концепта «чай» в русском литературном процессе XIX в.;

– установить функции концепта «чай» в художественной системе произведения.

В диссертации использован комплексный **методологический подход**, объединяющий как литературоведческие методы анализа историко-литературного процесса и конкретного текста (*историко-типологический, культурно-контекстуальный*), так и методы, заимствованные из смежных дисциплин – лингвистики и культурологии. Многоаспектность поставленной проблемы обусловила применение следующих специальных методов: *концептуального анализа*, являющегося ключевым в различных гуманитарных дисциплинах; *культурно-исторического анализа*, обращение к которому связано с необходимостью сопоставления изучаемого концепта с историческим контекстом; *герменевтико-феноменологического анализа* как инструмента интерпретации художественных концептов.

Методологическую основу исследования составляют работы Р. Барта, Г.Г. Шпета, А.А. Потебни, Д.С. Лихачева, М.М. Бахтина, С.А. Аскольдова-Алексеева, В.П. Нерознака – в части теории концепта; М.Ю. Лотмана, В.Г. Белинского, В.И. Коровина, Е.Н. Куприяновой, Л.Н. Назарова – в части исследования истории русской литературы; В.В. Похлебкина, П.Л. Вайля, А.А. Гениса, Ю.С. Степанова, С. Цзоу – в части изучения истории концепта «чай» в русской культуре.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в ней уточняется литературоведческое понимание терминов «концепт» и «репрезентация», анализируется связь репрезентаций концепта с поэтикой художественного произведения и историей его развития в русском литературном процессе XIX в. Проведенное исследование позволяет уточнить способы реализации художественного концепта в текстах писателей XIX в., а также углубить представления об особенностях литературного творчества с

применением методик литературоведческого и лингвокультурологического анализа.

Практическая значимость работы связана с возможностью применения полученных результатов и выводов в дальнейшем изучении ключевых концептов русской литературы и отработке методики литературоведческого анализа концептов и их репрезентаций. Материалы диссертации также могут быть использованы в практике преподавания вузовских курсов «История русской литературы» (XIX век), «История русской культуры», «Основы межкультурной коммуникации». Кроме того, результаты исследования могут быть востребованы в рамках преподавания русского языка как иностранного и в переводческой практике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Понятие концепта как единицы когнитивной деятельности предполагает наличие не только общекультурных, но и *индивидуальных* концептов (или *индивидуальных репрезентаций* концепта), а отдельным видом индивидуального концепта (или производным от него) можно считать концепт *авторский*. Русская литература XIX в. продемонстрировала множество «авторских» концептов, соотнесенных с представлениями о чае, которые способствовали обогащению содержания и формы художественных произведений.

2. В русской культуре концепт «чай», с одной стороны, обогащается репрезентациями, связанными с *восточной* культурой (*чаепитие как процесс получения эстетического удовольствия; чаепитие как процесс укрепления здоровья* и др.); с другой стороны, он соотносится с *западной* традицией, пришедшей из Великобритании, в которой чай был прежде всего *товаром*, средством реализации *экономической политики*.

3. Репрезентации концепта «чай» в русской литературе XIX в. тесно связаны с национальным историко-литературным процессом и отражают

формирование у этого концепта новых смыслов. Концепт «чай» входит в *концептосферу* русской культуры и взаимодействует с другими концептами (*дом, дружба, общение* и др.).

4. Художественный концепт «чай» ассоциируется в первую очередь с *бытовым* аспектом жизни русских людей и с ритмом обыденной жизни. Одновременно концепт «чай» в русской литературе связывается с рядом культурных контекстов: чаепитие как часть домашней обстановки, семейного застолья и важная составляющая дружеского общения; чаепитие как элемент продуктивного диалога, способ решения принципиальных насущных и философских вопросов и др. Функционирование «чая» в этих контекстах обусловило формирование концептуальных полей, взаимодействующих с другими важнейшими концептами русской литературы – «дом», «дорога», «сон», «дружба», «баня», и др., в том числе с глобальными концептами «Россия» и «Китай». В сферу концепта втягиваются «знаковые» детали предметной изобразительности – самовар, чайник, чайный сервиз и др., использовавшиеся для создания образа русского литературного чаепития.

5. В русской культуре XIX в. сформировалась традиция *литературного чаепития*. Художественный концепт «чай», изначально ассоциировавшийся с культурами других стран и диалогом национальных культур, актуализировал в культурном сознании читателя представления как о Востоке, так и о Западе. Стержнем, организующим такой диалог, стал *сюжет путешествия* («Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина; «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова).

6. В первой половине XIX в. репрезентации концепта «чай» соотносятся главным образом с бытовым аспектом повседневной жизни русских людей: чай как *часть домашней обстановки* (роман «Евгений Онегин»), *составляющая*

дружеского общения (И.И. Козлов, М.П. Погодин), *продуктивного диалога* (О.М. Сомов), *способ решения важных вопросов* (В.Т. Нарежный, М.П. Погодин).

7. Во второй половине XIX в. репрезентации концепта «чай» обогащаются новым содержанием. Чай воспринимается в литературе этого периода как *элемент делового общения* (Н.В. Гоголь, Г.И. Успенский, А.Н. Островский), *характеристика жизни определённого сословия* (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.Н. Островский), *экономическая категория – особый товар* (И.А. Гончаров, В.А. Гиляровский), *атрибут гостеприимства* (Н.В. Гоголь, П.Д. Боборыкин, А.Ф. Вельтман и др.), а чаепитие рассматривается как способ решения важных вопросов и как особый национальный ритуал, соотнесенный с различными аспектами жизни общества.

8. Чай и чаепитие в литературе второй половины XIX в. становятся «фоном» развития конфликта и способом раскрытия системы образов. Одна из важнейших особенностей концепта «чай» в рассматриваемый период – использование его репрезентаций в качестве *особого художественного приема*, применяемого для организации *сюжета* произведения (например, в качестве маркера особо значимых эпизодов), способа выражения эмоционального состояния героя, средства опосредованного раскрытия *основной идеи* произведения и *позиции автора*. Возрастает символическая составляющая концепта «чай», выразившаяся в появлении религиозно-философских и морально-этических вариантов репрезентаций.

9. На протяжении XIX в. концепт «чай» становится *культурной константой* и важной частью концептосферы национальной культуры и одновременно средством познания *чужой* культуры; его репрезентации в художественных текстах создают феномен «русского литературного чаепития».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в докладе на заседании кафедры русской

литературы Пермского государственного национального исследовательского университета 12 декабря 2022 г., а также в докладе на V Международной научно-практической конференции «Диалог культур: Россия и Китай на новом шелковом пути» (сентябрь 2020, г. Пермь).

Результаты исследования изложены в 8 публикациях, 4 из них – в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования.

Работа состоит из *введения, трех глав, заключения и библиографического списка*. Во **Введении** обосновывается *актуальность* исследования, определяется *объект* и *предмет* диссертации, ставятся *цель* и *задачи* работы. В *первой главе «Теоретические основы исследования»* рассматривается история формирования и содержание понятия «концепт» в современных гуманитарных науках, в том числе в литературоведении; анализируются подходы к концептуальному анализу литературного произведения; определяются теоретические принципы реконструкции концепта «чай» в русской литературе XIX в. Отдельный раздел посвящен эстетическим представлениям, связанным с чаем и чаепитием в русской и китайской культуре, которые помогают понять культурный контекст, оказывающий воздействие на литературные произведения; в разделе обобщается опыт научного исследования культуры чаепития в культурологии и литературоведении. *Вторая глава «Концепт “чай” в русской литературе конца XVIII – первой половины XIX вв.»* посвящена исследованию концепта «чай» в произведениях русской литературы первой половины XIX в. В *третьей главе «Концепт “чай” в русской литературе второй половины XIX вв.»* исследуется концепт «чай» в русской литературе середины и последней трети XIX в. В качестве названий разделов второй и третьей глав использованы формулировки репрезентаций концепта «чай»,

являющиеся, с нашей точки зрения, *ключевыми* для рассматриваемого периода русской литературы или творчества конкретного писателя. Каждая глава завершается *выводами*. В **Заключении** подводятся общие *итоги* проведенного исследования и определяются его *перспективы*. **Библиографический список** включает 194 наименования, в том числе 12 – на иностранных языках.

Общий объем диссертации – 194 страницы.

ГЛАВА I. КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

1.1. Понятие «концепт» в литературоведении

В начале 1990-х гг. понятие «концепт» закрепились в отечественной и зарубежной гуманитарной науке. Междисциплинарность как одна из ключевых тенденций науки этого периода потребовала выработки единой для разных гуманитарных исследований системы терминов. Поэтому термин «концепт», обозначающий основную единицу когнитивной деятельности, нашел широкое применение не только в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, но и в других гуманитарных дисциплинах. Исследуя концепт, мы рассматриваем явления «на стыке целого ряда гуманитарных отраслей знания – лингвистики, литературоведения, логики, философии, искусствоведения и культурологии» [Нерознак 1997: 8].

Слово «концепт» пришло в русский язык из переводной научной литературы по философии в начале XX в.; в русскую научную речь это слово было введено в 1928 г. А.С. Аскольдовым-Алексеевым, который определил данное понятие следующим образом: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает в процессе мысли определенное количество предметов одного рода» [Аскольдов-Алексеев 1997: 267]. Этот ученый также впервые ввел термин «художественный концепт» и заявил о необходимости исследования литературных текстов через призму концептов.

Концепт является предметом изучения прежде всего когнитивной лингвистики, одно из направлений которой – изучение концептосферы. Гипотеза лингвистической относительности, сформулированная Э. Сепиром и Б. Уорфом, служит толчком для открытия новых областей науки – лингвистической концептологии и когнитивной лингвистики. Рассматривая язык как фактор, определяющий когнитивные процессы, ученые ввели в употребление термин

«языковая картина мира», тождественный «концептосфере». Концепт рассматривается лингвистами как минимальная единица языковой картины мира, из которой складывается представление об окружающей действительности как отдельного человека, так и целых народов. В этом плане слово «концепт» близко к слову «понятие», однако если последнее включает в себя лишь значимые составляющие какого-либо явления, то концепт – это совокупность абсолютно всех его характеристик.

Концепт определяет «современное понимание языковой картины мира как продукта языкового сознания, внедряющего в действительность структурно-семантическое членение, уникальное для каждого языка, а также понимание языковой картины мира как особой категоризации действительности при помощи языка» [Плотникова 2012: 194]. То есть предметом концептуального анализа в лингвистике являются все люди, говорящие на определенном языке.

З.Д. Попова и И.А. Стернин интерпретировали концепт как «глобальную мыслительную единицу», отметив в качестве специфической особенности этого феномена культуры наличие как субъективных, так и объективных причин его формирования. При таком понимании концепта источниками его формирования становятся как чувственный опыт человека и его предметная деятельность, так и культурные традиции, а также многообразные мыслительные операции с другими концептами, которые приводят к возникновению на их основе новых концептов и соотнесенных с ним смыслов и культурных ассоциаций [Попова 2001: 57–59].

Таким образом, мы можем констатировать, что, в современном понимании, концепт – это «ячейка» духовного мира отдельного человека и ментального мира культуры в целом, воплощение через культуру «коллективного бессознательного», одновременно соединенного с «коллективным

сознательным» – то есть тем, при помощи чего человек входит в культуру, а в ряде случаев и воздействует на нее» [Мелихов 2002: 67–69].

Концепт является ключевым понятием лингвистической науки. Однако, как уже было отмечено, термин «концепт» используется сегодня и в других гуманитарных науках в силу возрастания усиления междисциплинарных тенденций. И здесь ряд терминологических вопросов до сих пор остается открытым.

Рассмотрим применение термина «концепт» в различных областях гуманитарного знания. Некоторые отечественные ученые отождествляли термины «концепт» и «понятие» [Кондаков 1975: 263] или считали этот термин избыточным иностранным заимствованием, бесполезным для отечественной гуманитарной науки [Зусман 2003: 3].

В.З. Демьянков, исследовавший историю формирования значения слова «концепт» в русском узусе, пришел к выводу, что термины «концепт» и «понятие» до сих пор строго не дифференцированы и нередко они обозначают одно и то же: «Иногда референты у терминов “концепт” и “понятие” совпадают» [Демьянков 2001: 47]. Как полагает исследователь, разница между этими понятиями обусловлена контекстом. Обсуждая одни и те же явления, в одном случае мы будем говорить о понятии, а в другом – о концепте: «Итак, по-русски, мы договариваемся о понятиях, но реконструируем концепты» [Там же: 43].

Несколько другую точку зрения высказывала Л.Е. Адясова, которая пришла к выводу, что эти термины принципиально различаются: «Понятие – это категория логики, в то время как природа концепта сублогическая» [Адясова 2015: 19]. Под «сублогической природой» в данном случае понимается одна из трех составляющих концепта – подсознательная, определяющая его внутреннюю форму. «Выделяются три компонента, или три “слоя”, концепта: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный, или несколько дополнительных,

“пассивных” признаков, являющихся уже неактуальными, “историческими”;

3) внутренняя форма, обычно вовсе не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме. Концепты существуют по-разному в разных своих слоях для разных людей – носителей культуры» [Постникова 2014: 148].

Понятие «концепт», изначально использовавшееся когнитивной лингвистикой, сегодня стало широко применяться в других областях гуманитарного знания, в частности в литературоведении.

«Концепт» как единица когнитивной деятельности предполагает наличие не только общекультурных, но и индивидуальных концептов. Несмотря на то что предметом изучения лингвистов является прежде всего язык как таковой, концептуальный анализ позволяет взглянуть не только на отражение социального интеллекта определенной нации, но и реконструировать личные и авторские концепты, которые, в свою очередь, могут стать основой для художественного концепта. Возможность изучения индивидуальных концептов говорит о возможности применения этого понятия к художественному творчеству.

Согласно точке зрения Р. Барта, слово не имеет определенного значения и наделяется им лишь в контексте, при этом и автор, и читатель создают новые смыслы. «Причина в том, что любой читатель находится в ситуации своеобразного “диалога” по отношению к произведению: он обладает определенным культурным кругозором, системой культурных координат, в которые произведение включается как в свой контекст и в зависимости от контекста позволяет выявлять такие аспекты смысла, которые интенционально никак не фокализированы» [Барт 1989: 33]. В любом произведении искусства концепт является многоуровневым, при этом изменение части уровней концепта неподвластно автору, так как они возникают уже в сознании читателя. Таким образом, изучение художественного концепта становится предметом научного

интереса не только в литературоведческом, но и в лингвистическом и ряде других аспектов.

Понимание художественного концепта связано непосредственно с лингвистическими исследованиями *концептосферы*. Концептосфера, по определению Д.С. Лихачева, – это «совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа» [Лихачев 1993: 5].

Д.С. Лихачев предложил использовать и термин «*концептоноситель*» – в ситуациях, когда имеются в виду концепты, представленные в сознании отдельного человека [Там же: 3]. Таким образом, становится возможным говорить об *авторских* концептах в художественной литературе. В сознании писателя языковой концепт трансформируется, в него включаются смыслы, актуальные для этой конкретной личности. «На наш взгляд, именно на этом этапе концепт языка и культуры становится индивидуально-авторским (но еще не художественным)» [Адамова 2011: 654].

Введение термина «концепт» в терминологический аппарат литературоведения стало предметом дискуссий. В.Г. Зусман предполагал, что исследование концептов в художественной литературе может оказаться плодотворным, поскольку позволяет глубоко и разносторонне анализировать художественный текст. «Литературный концепт – такой образ, символ или мотив, который имеет “выход” на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [Зусман 2003: 14]. Ученый также выявил принципиальную разницу между лингвокультурологическим и литературоведческим исследованием концепта, показав невозможность использования художественного произведения как материала для сугубо лингвистического анализа на примере реконструкции

концепта «дом» в русском языке в сравнении с концептом «дом» в произведениях классиков. Так, оказалось, что если в сознании носителя русской культуры в концепт «дом» входят такие составляющие, как «уют», «семья», «свое», то в концептосфере поэзии В. Маяковского «дом» совершенно не связан с этими положительно эмоционально окрашенными понятиями. В этом случае закономерно возникает другая ассоциация: «дом – гроб». А это уже совершенно новый художественный концепт, который не только не соотносится с концептом лингвокультурным, но и наделен диаметрально противоположными коннотациями. Лингвистическое исследование концепта в национальных культурах позволяет выделить так называемый «индивидуальный» концепт, что, в свою очередь, дает возможность говорить о концепте *художественном*. В каждой из составляющих частей цепочки *актуальное общество – автор – текст* концепты отличаются друг от друга. Концепт становится художественным, когда автор как творец вкладывает в него совершенно новые, ранее не присущие ему смыслы; при этом концепт продолжает включать в себя как общеязыковые, так и личные авторские смыслы, а также те, которые может вложить в него читатель. Художественные концепты формируют художественное пространство – концептосферу произведения.

Среди работ современных отечественных литературоведов, исследующих концепт как категорию литературоведения, представляется необходимым выделить работы Ю.Н. Кольцовой, посвятившей изучению художественного концепта ряд научных трудов. В работе «Художественный концепт и художественный образ» [Кольцова 2001a] рассматриваются теоретические принципы концептуального анализа; последний при этом представляется в качестве принципиально нового, более глубокого по сравнению с другими традиционными подходами, метода литературоведения, который позволяет раскрыть связь образа, мотива, понятия с определённым культурным контекстом.

Практическое применение принципов исследования художественного концепта Ю.Н. Кольцова продемонстрировала и в диссертации «Концепт пути в мировоззрении Н.С. Лескова» [Кольцова 2001]. В более позднем труде того же ученого «Концепт как категория семантической теории перевода» [Кольцова 2008] были показаны способы использования результатов анализа художественного концепта в филологической практике, – например, в процессе переводческой деятельности. Это связано с тем, что важнейшей составляющей предпереводческого анализа является описание языковой картины мира реципиента, важнейшей структурной единицей которой является концепт, в частности *концепт художественный*.

Анализ концептов (концептуальной структуры) художественного текста предполагает использование принципов лингвистического анализа текста. Поскольку эти «две традиционно выделяемые составляющие части филологии – литературоведение и лингвистика – в разные периоды развития стояли в разном отношении к тексту как объекту изучения» [Кривошапова 2019: 94], среди исследователей закономерно возник ряд разногласий, в результате чего новаторский подход не сразу был принят научным сообществом и потребовалось уточнение процедуры объединения методов анализа текста, разработанных в рамках двух разных областей филологии. Завершением дискуссии стала работа И.А. Тарасовой «Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения» [Тарасова 2010]. Исследователь с разных позиций рассмотрел предмет разногласий и выявил точки соприкосновения, которые в перспективе позволят устранить противоречия между оппонентами. И.А. Тарасова предложила использовать понятие «концепт» при изучении связей произведения с «контекстом культуры» [Тарасова 2010: 744], а также определила понятие как индивидуально-авторское психическое образование, аналогичное понятию «образ» [Там же]. Исследователь обозначил применение

концептуального анализа в литературоведении в качестве «непосредственной задачи» филологических наук [Там же: 745].

В том же 2010 г. были предложены и первые решения поставленной проблемы. Так, С.В. Манджиева изучила художественные концепты в прозе О. Генри [Манджиева 2010]. В дальнейшем исследование художественных концептов в творчестве современного китайского писателя Юй Хуа было представлено Ю.А. Дрейзис [Дрейзис 2013]. Наконец, в 2019 г. было опубликовано исследование Н.А. Беловой концепта «северные народы» в травелоге И.А. Гончарова «Фрегат Паллада» [Белова 2019].

Художественные *концепты* следует отличать от художественных *образов*. Разграничению этих понятий были посвящены работы Ю.Н. Кольцовой. Согласно её точке зрения, «использование культурологической категории концепта для анализа литературного творчества представляется достаточно перспективным, так как позволяет расширить поле зрения исследователя и обратить внимание на некоторые факторы, не изучающиеся обычно традиционным литературоведением» [Кольцова 2008: 166]. Образы отражают прежде всего образное восприятие человеком реальности и ее воплощение в художественном тексте (и соответственно понятие «образ» в литературоведении чаще всего используется применительно к *человеку* – герою, персонажу произведения). Концепт можно рассматривать как вербализированный образ – это явление, оперирующее образами, которые связывают воображение человека с языковой картиной мира.

Понятие «концепт» шире, чем понятие «образ». «Понятия художественного концепта и художественного образа находятся в тесной связи между собой, при этом концепт является гиперонимом, так как способен фиксировать в себе образ» [Постникова 2014: 147]; то есть «образ» и «концепт» являются разными «единицами» авторского сознания: «Информация кодируется образно на одном

уровне обработки, тогда как на другом, вероятно, более глубинном, она кодируется концептуально... Образ как аналоговая репрезентация предполагает синтетичность, концепт – аналитизм» [Тарасова 2010: 743].

В литературоведении используются и другие понятия, близкие по значению к термину «концепт», – «архетип», «миф», «мифологема».

Символ и миф, элементом структуры которых является мифологема, являются способами выражения в литературе коллективного сознания, однако «...мифологема не связаны непосредственно с денотатом, который является ядром концепта, а лишь репродуцируют известный в мировой литературе сюжет» [Новокрещенова 2007: 25].

Понятие «концепт» отличается и от понятия «архетип». А.Ю. Большакова замечает: «...Что касается архетипов, то в литературе выделяют несколько их видов:

1. писательская индивидуальность (например, о Пушкине ученые говорят как об «архаическом архетипе поэта»);
2. «вечные образы» (Гамлет, Дон Жуан, Дон Кихот);
3. типы героев («матери», «дитяти» и т. д.);
4. образы-символы, часто природные (цветок, море)».

[Большакова 2001: 171].

Все эти разновидности архетипических образов тоже не могут быть отождествлены с концептами. Архетипы выходят далеко за пределы отдельного текста, авторского сознания, актуального коллективного сознания. Понятие «архетип» в этом плане значительно шире, чем «концепт», а потому его реконструкция невозможна в пределах одного или даже нескольких текстов. Художественный концепт реконструируется на материале *конкретных произведений*, архетип же находится в постоянном диалоге с *историей*.

Одной из причин того, что в отечественной науке термин «концепт» до сих пор используется не столь активно, – сложность определения границ этого понятия. Перспективы применения данного термина в литературоведческих исследованиях достаточно широки, что обусловлено междисциплинарными тенденциями, характерными для современной науки. Использование для анализа художественного текста такого понятия, как «концепт», позволит углубить исследования историко-литературного процесса с помощью анализа лингвокультурных составляющих литературного произведения.

На протяжении XIX в. русская культура создала множество концептов, совокупность которых – *концептосфера культуры* – составила ее духовное ядро, ассоциирующееся в нашем сознании с представлениями о «классической», «золотой» эпохе. Концептосфера соотнесена множеством связей и ассоциаций с культурами предшествующих эпох и, в свою очередь, воздействует на культуру последующих периодов. Однако концептосфера русской культуры – как в целом, так и через ее отдельные составляющие, концепты, – до сих пор остается исследованной не в полной мере.

Исследование отдельных художественных концептов и концептосферы культуры в целом способствовало формированию принципов *концептуального анализа* текста.

Существуют работы, в которых концептуальный анализ становится основным методом исследования. В качестве примера сошлемся на диссертацию Ю.А. Дрейзис «Художественные концепты прозы Юй Хуа», в которой специальный раздел теоретической главы посвящен понятию «концепт» и принципам анализа концептов в литературоведении. Исследователь подчеркивает, что новый метод можно применять в сочетании с герменевтическим подходом и отмечает неоспоримые преимущества такого сочетания: «Подобный путь анализа позволяет существенно расширить рамки

традиционного литературоведческого исследования за счёт погружения его в широкий историко-культурный и литературный контекст» [Дрейзис 2013: 13]. Аналогичный подход можно встретить и в других исследованиях. С.В. Манджиева при изучении ключевых концептов в рассказах О. Генри в качестве центральной использовала категорию «индивидуально-авторский концепт», а саму методику изучения текста назвала «лингвокультурным анализом». Иной подход исследователь считает неэффективным для реконструкции концептов, так как О. Генри практиковал «комплексное использование языковых средств» [Манджиева 2010: 7].

Несмотря на наличие более или менее сформировавшейся методологии концептуального анализа, для любого исследования, предпринятого на стыке литературоведения, лингвистики, истории, культурологии, философии, требуется уточнение **терминологического аппарата**.

Определим значения некоторых основных терминов, которые будут использоваться в дальнейшем.

Концепт – структурно-содержательная единица сознания, отражающая совокупность знаний, представлений, мнений об объекте мысли [Арутюнова 2002: 389].

Художественный концепт – структурно-содержательная единица художественного текста.

Принципиально важным для диссертации является и понятие *репрезентации*. Данное понятие первоначально широко использовалось в христианской теологии как характеристика *отображения первообраза*. В феноменологии Э. Гуссерля [Гуссерль 2005] понятие «репрезентация» обрело методологический аспект, а в дальнейшем оно стало широко использоваться в *социальном конструктивизме* П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман 1995], которые интерпретировали это понятие как ментальное образование, имеющее

социальное происхождение, – как результат межличностного символического взаимодействия, а социальную реальность рассматривали как систему, сконструированную посредством репрезентаций. В современной философии под репрезентацией обычно понимают «представление одного в другом и посредством другого». Репрезентация, являясь «конститутивной функцией знака», «задает знак и сама предстает как знаковый феномен» [А.А. Грицанов 2002: 834].

В дальнейшем в диссертации *репрезентация* будет рассматриваться как актуализация концепта в тексте художественного произведения. В соответствии с традицией, сложившейся в литературоведении, под «*репрезентацией*» будут пониматься разнообразные «вторичные» (опосредованные) представления в культуре, раскрывающие иной культурный объект, обретающий в результате этого процесса новые интерпретации, смыслы и культурные связи.

Концептосфера – свод знаний об окружающей действительности, состоящий из концептов; совокупность концептов нации (концептосфера языка). По определению Д.С. Лихачева, «концептосфера – это совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка» [Лихачёв, 1993: 280–287].

Реконструкция концепта – метод исследования концепта на основании восстановления культурных и языковых данных, позволяющий выявить составляющие концепт элементы и их взаимосвязи [Титова 2010: 16].

Мотив (в литературном произведении) – простейшая составная часть сюжета [Борев 2003: 257]. Концепт в художественном произведении выражается через совокупность определенных мотивов.

В то же время можно отметить, что методика анализа художественных концептов представляется еще не полностью отработанной. В связи с этим Д.С. Лихачев писал: «Исследование методов анализа художественных концептов

все еще можно считать открытым, т. к. единой методики анализа художественного текста и авторского стиля с точки зрения семантических отношений еще не выработано, и это связано с уникальностью авторского видения мира, с неповторимым восприятием окружающей действительности» [Лихачев 1993: 282].

Исследование концепта в литературном художественном тексте предполагает выделение следующих этапов:

- выявление культурных контекстов, соотнесенных с изучаемым концептом, и вариантов его репрезентаций;
- определение связанного с ним *культурного содержания* образов и мотивов;
- исследование смыслов концепта в анализируемом произведении и сопоставление их с *идеями* произведения;
- анализ художественных *форм*, выражающих концепт, и его *функций* в художественном тексте.

Для исследования концепта «чай» в русской литературе XIX в. в диссертации применяется методика, включающая такие процедуры, как:

- составление корпуса цитат литературного текста, содержащих лексему «чай», а также однокоренных слов («чайник», «чаепитие и т. п.) и связанных с ними *мотивов* (самовар, чашка и т. п.);
- выявление репрезентаций концепта «чай», характерных для исследуемого произведения;
- определение смежных концептов в концептосфере произведения;
- выявление общих особенностей функционирования концепта «чай» в русской литературе изучаемого периода.

1.2. Путь чая в русской культуре: между Востоком и Западом

Исследования термина «художественный концепт» свидетельствуют о том, что это явление, в котором соединяются лингвокультурные и авторские репрезентации концепта: новые «авторские» смыслы делают концепт *художественным*, при этом в тексте концепт включает в себя как общеязыковые, так и «личные» значения, вкладываемые в него писателем и читателем.

Исследователи концепта «чай» в русском языке приходят к выводу, что активное взаимодействие художественной и лингвокультурной концептосфер в этом случае шло в обратном направлении, то есть художественная культура, в том числе литературные произведения, влияли на формирование данного концепта наряду с культурой бытовой. «Аккумулируя знания из различных научных и предметных областей (истории, философии, эстетики, медицины, культуры повседневности, кулинарии, психологии, агротехники, художественного творчества и т.д.), концепт “чай” представляет национальную культуру и ментальность в концентрированном виде и имеет высокую ценностную маркированность» [Цзоу Сюецян 2007: 437]. В наибольшей степени подобная тенденция проявляется в тех концептах, которые, обозначая материальные предметы, одновременно содержат в себе существенный пласт *духовного содержания* (каковым, в частности, и является изучаемый нами концепт «чай»).

Сложный и многогранный концепт «чай» в концептосфере русского языка формировался под воздействием концепта художественного: «Самовар превратился в образ жизни. Без него невозможно представить пьесу А.Н. Островского или А.П. Чехова – чаепитие сформировало особый русский быт – долгие разговоры о смысле жизни, дача, соловьи. Странное действие чая, не правда ли? В Англии пристрастие к нему позволило создать вселенскую империю, а в России – долгие разговоры о смысле жизни» [Вайль, Генис 2002: 7].

Концепт «чай» включил в свою концептосферу ряд мотивов, соотнесенных с этим напитком и процессом его употребления, а также с определенными сюжетными ситуациями и окружающей обстановкой (пространством). Все эти «сопутствующие характеристики» концепта и определили своеобразие его репрезентаций в русской культуре.

Концепт «чай» в русской культуре изначально был соотнесен с двумя разными культурными традициями. Одна из них – «азиатская» – была связана, в первую очередь, с Китаем, откуда этот напиток в XVII в. пришел в Россию: «При рассмотрении культурных предпосылок развития концепта “чай” в исследуемых нами странах представляется очевидным, что без “китайского чая” не было бы и “чая русского”, так как появление чая в России обусловлено его завозом из Китая» [У Вэйсинь 2005: 138].

Чай стал одним из главных *символов* китайской культуры, в рамках которой он рассматривался как особый *эстетический* объект, использование которого приносит человеку уникальное наслаждение. В китайской жизни чай имеет множество функций: он рассматривается как уникальный *продукт* сельскохозяйственного производства (процесс выращивания которого и подготовки к употреблению отличается особой сложностью), как хороший *подарок* другу или вышестоящему начальнику, как *награда* подчиненному, как *заменитель денег* (за определенное количество плиток чая можно было купить наложницу) и как *лекарство*, освобождающее человека от многих болезней, как средство, способствующее продуктивному *общению* людей, как способ *получения радости* и неизменный *атрибут праздничного быта* и оригинальная забава, как косвенный показатель высокого социального *статуса* человека, как *способ самопознания*, *источник вдохновения* ученых и часть *похоронного обряда* [Ван Линь 2003; У Шаохуэй 2017].

Утонченная культура чаепития была важнейшей частью духовной жизни китайцев, поскольку «дух “чайного искусства”, сближающего человека с природой и воплощающего в себе естественные жизненные ценности, сродни таким почитаемым в Китае качествам человеческих отношений, как теплота и добродушие» [У Вэйсинь 2005: 17].

Живший в XVI в. китайский поэт Лу Шушэн писал: «Приготовление чая – занятие не из обыденных. Для этого потребен подходящий человек, который достоинством своим был бы равен достоинству чая. Такой человек должен обладать душой возвышенного отшельника, хранящего в себе красоту туманной дымки, горных ключей и могучих скал» [Там же: 117].

Чай в Китае считался предметом, «наполненным культурным и духовным содержанием» [Ван Линь 2003: 19], и для человека с хорошим художественным вкусом «чайная среда дает особое ощущение времени и пространства», позволяющее встретиться с людьми из прошлого и обрести уникальное душевное спокойствие [Пань Сянли 2019: 98, 99–100]. Представления об особых «духовных» свойствах чая и чайной церемонии глубоко проникли в китайскую культуру. «Культура и эстетика чайной традиции Китая связаны с конфуцианской легендой неспешного течения времени жизни мудрого и благородного человека, который медитирует в полумраке на берегу озера. Спешке в жизни мудреца нет места. Философ должен думать, созерцая старинные свитки, наслаждаясь таинством природы, заложенным в каждом иероглифе, любуясь красотой формы чайной чашки или вазы, в которой стоит сухая ветка готовой к первому цветению сливы» [Малевич 2008: 96].

В древнейших китайских манускриптах можно прочесть: «Чай усиливает дух, смягчает сердце, удаляет усталость, пробуждает мысль и не позволяет поселиться лени, облегчает и освежает тело и проясняет восприимчивость... Сладкий покой, который ты обретешь от употребления этого напитка, можно

ощущать, но описать его невозможно... Пей медленно этот чудесный напиток, и ты почувствуешь себя в силах бороться с теми заботами, которые обыкновенно удручают нашу жизнь» [У Вэйсинь 2005: 12–13].

Процесс чаепития в Китае обычно сопровождается насыщенной глубокими смыслами философской беседой, созерцанием картин окружающей природы, любованием творениями каллиграфов и художников, а чайный домик, в котором протекает чаепитие, становится местом распространения новостей и обсуждения торговых сделок, территорией примирения спорящих и плетения политических заговоров, пространством культурных диспутов [Малевич 2008: 100, 104]. Китайские мыслители считали, что чай «тесно связан с духом философии и искусства, как если бы он сам по себе обладал мудростью» [Ван Линь 2003: 12]. Китайский поэт Сюй Цзышу, живший в XVII в., писал: «Лунная ночь и хороший чай всегда кстати. Гостям подносят чай, дабы в сердцах воцарилось согласие, между людьми окрепла приязнь, ученая беседа раскрывала глубокие истины, и все вокруг забыли о мирском» [У Вэйсинь 2005: 10].

Описание процедуры приготовления чая, связанных с ней чайной церемонии и особой «чайной философии» содержится во множестве китайских книг¹, среди которых наиболее известным являлся трактат эпохи династии Тан «Ча Цзин» [茶經] – «Чайный канон» (758), создателем которого был «чайный мудрец» Лу Юй (733–804), ставший после смерти Богом Чае [Лу Юй 2007].

В китайском искусстве чай интерпретируется как Дух Вселенной – источник мировой гармонии; чай рассматривается и как особый *вид искусства*. Процесс выращивания и приготовления чая должен был приносить человеку эстетическое наслаждение – такое же, какое он испытывает, слушая музыку или

¹ Перечень древних китайских книг, в которых раскрывается чайная церемония см. в книге: Чай – символ китайской культуры / пер. с кит. М.: Наука – Восточная литература, 2017. С. 179–182. Наиболее известные из этих книг – «Ча Шу» («Разъяснения о чае») Сюй Цзышу (XVI в.), «Цзянь ча шуй цзы» («Записки о воде для варки чая») Чжан Юсиня (IX в.) и др.

чтение стихов [Ван Линь 2003: 29–30]. В эпоху династии Сун проводились особые соревнования по завариванию чая, которые были описаны, например, в «Песне о байховом чае» знаменитого политического деятеля и поэта Фань Чжунъяня (989 – 1052).

Практику чаепития активно пропагандировали *буддисты* (в частности в процессе медитации), для которых оно было частью процесса самопознания и средством постижения истины, приближающим человека к Небу. С точки зрения *конфуцианцев*, чай воплощал в себе идею «золотой середины», лежащую в основе учения, поскольку процесс приготовления чая объединяет противоположные начала – воду и огонь, – а сама процедура чаепития дает человеку вдохновение, сближает его с природой и способствует гармоничному общению с окружающими людьми, которые в это время стремятся быть максимально терпимыми и понимать друг друга. С точки зрения *даосов*, чай содержит в себе лучшие качества, проистекающие от природы, и указывает на связь человека с окружающим его миром: заваривание чая демонстрирует процесс взаимопроникновения разных начал, которые, соединившись, изменяют целое, а процесс чаепития позволяет людям постигать законы природы и ощущать себя ее частью; помимо этого, употребление чая способствует очищению сосудов, улучшению пищеварения, достижению гармонии между душой и телом и в конечном итоге продлению жизни.

Сам чай и процесс чаепития нередко оказывался источником ряда мифологических, фольклорных и литературных сюжетов, а также источником вдохновения поэтов и музыкантов (композиторов). В книге называется множество литературных произведений, в которых описывается процесс чаепития, изображаются персонажи, отличившиеся в процессе заваривания чая или его дегустации, – классический роман «Сон в Красном тереме» Цао Сюэциня, «Воспоминания о снах Таоаня» Чжан Дая (глава «Чай старика Миня»), «Три

промаха поэта» Фэн Мэнлуна, многочисленные поэмы (например, «Посылаю чай Чжоу Аньчжу» Су Дунпо, «Прекрасные дамы» Цзо Су, «Поднимаясь на башню в Чен Ту» Чен Меняня и др.) и стихотворения (поэты Бо Цзюйи, Лу Тун, Лю Юйси, Су Дунпо, Сюн Пи, Хань Юй, Хуан Шу, Цай Сян и др.) [Пянь Сянли 2019: 243–284].

В рамках китайской культуры чай является также и предметом изображения художников, на картинах которых нередко изображались сцены из жизни ученых: «...Возле журчащих горных источников и бурных рек; внутри древних павильонов они играли на цитре и пили чай, излагая свои чаяния зеленым склонам гор и белым облакам и собирая силы отстаивать свою целостность перед лицом врагов (известные картины “Чайная церемония на горе Хуэйшань”, “Лу Юй и его чай”, “Дегустация чая” Вэнь Чжэнмина, а также “Приготовление чая, игра на цитре и дегустация чая” и “Аромат зеленого чая” Тан Иня)» [Ван Линь 2003: 26]. Особой отраслью национального декоративно-прикладного искусства стало в Китае создание предметов, необходимых для проведения чайной церемонии, сделанных из металла, фарфора, дерева и лака [Пянь Сянли 2019].

Конечно, в рамках китайской культуры чай всегда существовал и как *товар*, который можно было покупать и продавать, однако это был *товар особый*, реальную стоимость его определяли не деньги, а *эстетические* и *этические* качества. Чай не должен был сочетаться с другими товарами и продавался в отдельных лавках; покупатель чая не должен был торговаться и покупал чай всегда по цене, обозначенной продавцом; с другой стороны, продавец не имел морального права завышать цену на продукт, а если он это делал, то его в дальнейшем постигало справедливое возмездие (такие сюжеты представлены в китайской новеллистике). Следует отметить, что качество чая как напитка, по традиционным китайским представлениям, зависит не только от листьев

растения, но и – в не меньшей степени – от воды, используемой для заварки, – а хорошую воду можно было либо добыть самому, либо получить в дар от близких людей или от друзей (сюжет получения хорошей воды для заварки чая также представлен в китайской литературе).

Вторая культурная традиция, с которой связано употребление чая в России, берет свое начало в Великобритании, куда напиток проник в XVI или XVII в., и вскоре стал признаком «роскоши» и «благородия» [Павленко 2018: 212].

Английская традиция чаепития, естественно, не включала в себя китайской «чайной философии» и являлась прежде всего частью *повседневной жизни*, связанной с ритуалом приема гостей: «В Англии принято пить чай по 6–7 раз за день. <...> *Второй завтрак* или *одиннадцатичасовой чай* <...> является закуской и может состоять из торта, печенья, чашки чая <...>. *Послеобеденный чай* <...> чаще всего служил приемом для гостей. Обычно на данное мероприятие приходили дамы, чтобы поделиться свежими новостями и сплетнями, а также чтобы обсудить последние модные тенденции. *Поздний* или «*высокий*» чай <...> является ужином...» [Земсков 2019: 46].

Уже в XVIII в. Великобритания стала крупнейшим потребителем чая. Торговля этим напитком явилась важным аспектом экономической жизни страны, а также особым направлением ее политики. На протяжении XIX в. Россия неоднократно делала попытки перехватить у Великобритании роль основного поставщика чая для Европы и сделать этот товар одним из важных инструментов своей внешней политики.

Путь чая из Китая в Россию, по свидетельству Н. Ржанова, стал первой точкой соприкосновения двух культур, поэтому не удивительно, что импорт этого наделенного «духовными свойствами» напитка способствовал импорту связанных с ним этических представлений, традиционных для Китая: «Въ Россіи, въ первый разъ, явился чай при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1638 году, когда

посоль Василій Старковъ, возвращаясь отъ Алтынскаго хана, привезъ Царю въ подарокъ 200 пачекъ Китайскаго чаю» [Ржанов 1856: 32].

Примечательно, что сам нелегкий и полный опасностей маршрут, которым чай доставлялся в Россию, нередко символизировал путь как метафизическую категорию: «Главной дорогой, по которой чай пришел в Тибет и другие регионы, был древний Чайный Путь Китая. Более сложного и опасного торгового пути в истории не существовало. Хребты гор Хэндуань, казалось, абсолютно надежно защитили первые чайные плантации от посторонних глаз. И даже сегодня, когда на месте древнего труднопроходимого пути проложена современная асфальтированная дорога, немногие осмеливаются, особенно в межсезонье, пройти здесь» [Малевич 2008: 8].

Первой книгой, из которой русские читатели узнали о чае, его производстве и процессе правильного приготовления, стала книга, подготовленная одним из первых российских синологов и переводчиков с китайского языка А.Л. Леонтьевым², – «Уведомление о чае и шелке Из Китайской книги Ван боу Кюань называемой» (1775); именно она заложила в сознание российских читателей комплекс основных ассоциаций, ранее соотнесенных с чаем в китайской культуре [Леонтьев 1775].

«В книге “Уведомление о чае и шелке” помимо того, что дается первое описание возделывания культур, в то время почти неизвестных в России, подробнейшим образом описываются сельскохозяйственные процессы» [Кирмасов 2015: 238]. В трактате, являвшемся, скорее всего, свободным переложением китайского текста³ на русский язык, подробно, в художественной

² А.Л. Леонтьев (1716–1786) считается основателем российского китаеведения.

³ Точный китайский источник этого издания нам пока установить не удалось. Скорее всего, это было свободное переложение (перевод) одной (или нескольких) из многочисленных китайских книг о чае и (или) шелке, которые на протяжении XVII – XVIII вв. публиковались в разных регионах Китая. Труд А. Леонтьева мог быть компиляцией нескольких таких изданий.

форме, описывается процесс возделывания и приготовления чая: «По трёх сутках (что уже в чае природа возобновилась) высыпав чай из лукошка в тот же котёл, на самом малом жару вновь поджаривать, чтоб очень сух был» [Леонтьев 1775: 8]. В книге уделяется внимание даже таким деталям, как отличие кипящей «кипучей» воды от просто «горячей» (правильное приготовление воды, с китайской точки зрения, – важнейшая часть процесса заварки): «По виду: когда на воде появились пузырьки, подобныя рыбьим или раковым глазам» [Леонтьев 1775: 10].

Помимо производства чая, в книге рассматривается производство шелка (другой ключевой для европейских читателей константой китайской культуры) и хлеба, причем весь процесс показывается в стиховой форме – через переводы китайских стихов (хотя сам чай в стихах не упоминался). Таким образом, представления о чае в рамках *русской* культуры также становились частью обширной художественной картины мира, соотнесенной с Китаем и китайской культурой.

В первую очередь русская культура восприняла из китайской философии информацию об оздоровительных свойствах чая, однако целебные качества напитка не ограничивались одним лишь воздействием на физическое здоровье. Такой подход брал свое начало в даосизме: «...Стремление благородной личности к эротическому наслаждению и бессмертию души всегда связано с мистическими древними растениями» [Малевич 2008: 21], и одним из таких растений как раз оказывался чай. В китайской культуре напиток воспринимается как «лучший способ очиститься с моральной стороны» [Кукина 2018: 25].

Уже в первые годы проникновения чая в Россию, задолго до появления его в русской литературе, потребители отметили подобные свойства напитка: «Питье горячаго чаю почиталось предохранительнымъ средствомъ отъ дѣйствія

Возможно, слова «Ван», «Боу» и «Кюань» («Куань») составляли фамилию и имя китайского автора (составителя) этой книги.

нездорового воздуха и лекарствомъ отъ дурныхъ послѣдствій пьянства» [Ржанов 1856: 32]. В дальнейшем чай уже не наделялся свойствами исцеляющего пьянство напитка, однако постоянно конкурировал с вином [Похлебкин 1995]⁴.

Примечательно, что чай соотносился с вином не только в культуре русской, но и в китайской: «Чай и вино играли значительную роль в жизни людей эпохи Тан, когда все слои населения – императорский двор, монашество и простой народ – придавали большое значение этим напиткам. Вино как более плотский, чувственный напиток и чай как более духовный напиток становятся двумя важнейшими источниками вдохновения в художественном и литературном творчестве» [Войтишек, Осипов 2018: 76]⁵.

Интересно отметить, что довольно быстро чай начал рассматриваться в России не только как лекарство; чаепитие, проникнув в русский повседневный национальный быт и культуру, стало неотъемлемой частью популярного в XVIII в. среди дворян стиля жизни *шинуазери* (*chinoiserie*), включавшего широкое использование китайских бытовых предметов и произведений искусства (например, чайных сервизов), а вскоре чай стал предметом *литературного изображения*.

«Западная» (прежде всего английская) традиция употребления чая проникла в русскую культуру практически в то же самое время, что и китайская, – в XVIII в. В результате реформ Государя Петра I в стране появились

⁴ Следует дополнительно отметить, что первоначально в России чай воспринимался весьма неоднозначно: его нередко воспринимали как «дьявольский» напиток – то есть как средство, способствующее общению с нечистой силой и «потусторонними» силами. Это приводило к тому, что употребление чая рассматривалось в качестве подходящего «фона» для гадания. См.: Утреннее времяпровождение за чаем, или в стихах новое, полное и по возможности достоверное истолкование снов по Астрономии. М.: Университетская типография, 1791. Интересно отметить, что «сонник» был издан в то же самое десятилетие, когда издавались «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина.

⁵ Соотнесение чая в ряде «духовных» аспектов с *вином* проводится, например, в известном тексте «Ча цзю лунь» [茶酒论] («Спор Ча и Вина»), созданном ученым-книжником Ван Фу (X в.), который был обнаружен французским синологом Полем Пельо в 1908 г.

«английские обеденные клубы», в которых, в частности, пили чай [Имукова 2020: 105]. В соответствии с английскими представлениями чай был прежде всего частью полезного дружеского общения, а также важным предметом *коммерции* и связанной с ней *внешней политики*, а все остальные смыслы, соотнесенные с этим напитком, отходили на второй план.

Быстрое вхождение концепта «чай» в национальную картину мира и в национальное сознание подтверждается его появлением в русском фольклоре. Так, например, в книге В.И. Даля «Пословицы русского народа» (1862), материал которой собирался в середине XIX в., приведен ряд выражений, связанных с чаем и чаепитием: «Чаем на Руси никто не подавился», «Чай не хмельное, не разберет», «Кяхтинский чай да муромский калач, – полдничает богач», «Такой чай, что Москву насквозь видно» [Даль 2000: 510]. В «Толковом словаре живого великорусского языка», материал для которого собирался начиная с 1819 г., в статье «Чай» были приведены другие аналогичные устойчивые выражения, содержащие слово «чай», которые подтверждают, что изучаемый концепт в рассмотренный период уже достаточно глубоко вошел в национальную картину мира и впитал в себя разнообразные смыслы и эмоциональные оттенки: «Ныне уже нет сбитню, а все чаек», «Не просят на водку, а просят на чай», «Чай внакладку», «Чай вприлизку», «Чай вприглядку», «Вместе чай пить» (в значении «заклЮчить обязательство»), «Этот чай – ай, ай, ай!», «По чаям ходит, добру не быть», «По-купецки чай пьет, да не по-купецки расплачивается», «Хлебца купить не на что: с горя чаек попиваем», «Где нам дуракам чай пить!» [Даль 1991: 580].

В российском употреблении концепт «чай» втягивал в свое интертекстуальное поле разные смыслы, идущие от концептосферы как культуры Китая, так и культуры Великобритании. Одновременно в русской культуре стали активно развиваться собственные варианты репрезентаций этого концепта.

«Концепт чая в литературе представляется не только напитком, его культурный образ выходит далеко за рамки пищи» [Цай Ванифань 2018].

1.3. Выводы

«Вхождение» в русскую культуру и литературу концепта «чай» и связанных с ним мотивов и контекстов заняло примерно одно столетие. Изучение этого процесса помогает понять, как концепт, пришедший из одной национальной культуры в другую культуру, существенно отличающуюся от культуры «первичной», «приживается» на новой почве, как через него выражаются тенденции, характерные для традиционных стилей и направлений.

Близкие тенденции, проявившиеся в текстах литературы разных стран, были обусловлены, с одной стороны, универсальной природой рассматриваемого концепта, с другой – особым местом, которое чай стал занимать в европейской и азиатской культурах: «С одной стороны, мы можем определить исследуемый концепт “чай” как универсальный концепт, так как он является составной частью культуры. С другой стороны, концепт имеет национальную специфику, в том числе в России и в Китае» [У Тин 2016: 138].

Рассмотрение истории и теории использования в российской гуманитаристике понятия «концепт», а также совокупности представлений (контекстов), соотнесённых в русской культуре с концептом «чай», позволяет прийти к следующим **выводам**:

1. Понятие «концепт», характеризующее *картину мира* (в том числе и *художественную картину мира*), лучше всего подходит для описания «устойчивых мыслительных единиц», раскрывающих в том или ином аспекте культуру нации, показывая ее связь с различными геополитическими, историческими, социальными, культурными и иными моментами, составляющими *контекст* произведения искусства.

2. В художественных произведениях концепт реализуется через варианты *репрезентаций*, каждая из которых актуализирует концепт и соотносит его с определенным контекстом, раскрывающим его отношения с культурой определенного исторического периода.

3. Художественные репрезентации концепта выражаются через детали предметной изобразительности и систему мотивов произведения; они могут быть тесно связаны с его *содержанием* (идеей) и *формой*, воздействовать на сюжет и композицию текста.

4. Появление концепта «чай» в русской культуре XVIII в. было обусловлено воздействием как «азиатской» (в первую очередь *китайской*), так и «европейской» (прежде всего *английской*) традиции, которые оказали влияние на национальный *быт* и русскую *литературу*.

5. Концепт «чай», генетически связанный с китайской культурой, имел множество ассоциированных с ним философских, морально-этических и эстетических смыслов, часть из которых была привнесена в русскую культуру.

6. В русской культуре XVIII в. стали формироваться первые репрезентации концепта «чай», также генетически связанные с китайской культурой: *чай как результат тяжелого труда* (этот концепт явно не мог получить развития в русской культуре, поскольку чай был «привозным» товаром), *чай как лекарство*, *чай как подарок*, *чай как часть трапезы*, *чай как атрибут дружеского общения*. Одновременно стали формироваться и репрезентации, обусловленные воздействием английской культуры: *чай как товар*, *чай как основа уюта и домашнего хозяйства*, *чай как часть ритуала приема полезных гостей*. Общей для обеих культур стала репрезентация *чай как атрибут общения*.

ГЛАВА II. КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.

Культура чаепития в России формировалась на протяжении нескольких веков. Чай – напиток, ввозимый из Китая, – прежде чем сделаться традиционным для России, прошёл долгий путь «освоения», став частью национального культурного сознания. Совокупность представлений о чае сформировала в русской культуре особый лингвокультурный и художественный концепт «чай», соотнесённый как с обыденными (бытовыми) представлениями, так и со знаниями о «чужих» национальных культурах (как «западных», так и «восточных») и о собственных культурных традициях.

Освоение «чая» в качестве особого культурного объекта происходило постепенно. Уже в первой половине XIX в. без чаепития было невозможно «представить себе повседневную жизнь русского человека, а также русскую культуру в целом» [Лаврентьева 2005: 508–517]. «Главное в русском чаепитии – это атмосфера душевности, веселья, покоя и радости, возможность испить чаю в приятной компании. Не зря в России за чаем прочно закрепилась слава напитка, согревающего не только тело, но и душу. За русским чайным столом не принято молчать, как, например, в японской традиции, или же разыгрывать “чайное представление”, как в Англии. <...> За чайным столом происходит объединение людей, людей разных поколений и разных интересов. Чаепитие в России – это больше, чем прием пищи. Чаепитие – важная часть социальной жизни человека» [Русское чаепитие: электронный ресурс].

История русской литературы последнего десятилетия XVIII – первой половины XIX вв. наглядно демонстрирует процесс вхождения чая и чаепития в национальную культуру. В литературных текстах выявляются разнообразные *аспекты* лингвокультурного концепта «чай», которые на разных этапах развития литературы актуализировались в концепте *художественном*. Атрибуты русского

чаепития находят отражение в литературе: «С помощью языковых средств концепт получает возможность выражения вне сознания, вербальными способами, иначе говоря, обретает языковую репрезентацию» [Яловая 2016: 58].

Крупнейший исследователь чайной культуры в России, кулинар, автор научно-популярных книг о питании В. Похлебкин, отмечает, что в XIX в. чай прочно утвердился в России в качестве одного из основных национальных напитков: «Уже к середине XIX века Россия занимала первое место в мире по объёму общего ввоза и потребления чая и второе место в мире (после Англии) по потреблению чая на душу населения <...>. Во всяком случае, простые русские люди, не ведавшие ничего о чае и его истории, а привыкшие, как и их деды и отцы, просто покупать его у купцов в лавчонках, простодушно считали чай “русским товаром”, хотя и слыхали, что привезён он издалека, через Сибирь» [Похлебкин 1995: 8]. В этот же период «чай» стал формироваться как художественный концепт и как один из мотивов многих произведений русской литературы.

Выбор хронологических границ исследуемого в настоящей главе *периода* обусловлен тем, что, с одной стороны, это было время, когда быстро расширялись контакты России с окружающим миром, – период ускоренного литературного развития, когда происходило активное взаимодействие различных направлений (классицизм, просвещение, сентиментализм, романтизм, реализм), что способствовало возникновению новых художественных форм; с другой стороны, это была эпоха переосмысления культурных традиций, в том числе и традиции чаепития, которое стало восприниматься в качестве органичной части национальной культуры и способствовало возникновению *литературного чаепития*, воспроизведённого в художественных произведениях русских писателей.

Начало рассматриваемого периода мы связываем с последним десятилетием XVIII в., на протяжении которого происходила публикация «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина (в полном виде впервые опубликованном в 1801 г.) – произведения, открывшего новый этап развития русской литературы и познакомившего российских читателей с Европой.

Центральным событием обозначенного периода можно считать публикацию в 1833 г. полного варианта романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», выход которого, с одной стороны, завершал предшествующий период, связанный с поисками нового художественного языка и принципов воспроизведения действительности, с другой же – ознаменовал наступление новой литературной эпохи – времени зрелого *реализма*.

Завершается рассматриваемый период в 1848 г. началом так называемого «мрачного семилетия».

На протяжении рассматриваемого в данной главе периода мы сталкиваемся с постоянным присутствием в русской литературе «чайной темы» и художественного концепта «чай», особенности репрезентации и художественные функции которого изменяются в зависимости от связанного с ним литературного и культурного контекста, а также задач, ставившихся писателями на каждом из выделенных этапов.

В рамках данного литературного периода можно выделить несколько *этапов*, соотнесённых с общей периодизацией русского литературного процесса.

Первый этап начался в 1791 г. и закончился в 1812 г. В 1791 г. закончилась русско-турецкая война, а Екатерина II издала указ о направлении в Синод рукописей исторического содержания для снятия с них копий с целью выявления новых фактов российской истории (что стало стимулом для возникновения в российском обществе усиленного интереса к национальной истории). Завершение этапа ознаменовалось победой в Отечественной войне:

«Патриотический подъем, возникший во время военных событий 1812 года, осознание особой роли народа в жизни государства, усиливающееся осуждение существующих порядков и распространение свободлюбивых идей способствовали политизации общественной жизни и литературы. Позднее И.И. Пущин назвал этот период “политической эпохой русской жизни”» [Яковкина 2002: 69].

Исторические события, происходившие как в Европе, так и внутри России, нашли отражение и в литературе. Тексты художественных произведений окончательно стали «светскими», сформировались и стали активно использоваться новые литературные жанры (такие, как «роман-путешествие» или «роман в письмах»). Основным литературным направлением в этот период стал сентиментализм, одновременно начал развиваться «просветительский реализм», зарождался романтизм. «В русской прозе начала XIX в. уживаются едва ли не на равных правах просветительские, нравоописательные и сентиментальные произведения» [Коровин, Скибин, Прокофьева, 2005 а: 17].

«Знаковыми» (в рамках исследуемого аспекта развития русской литературы) стали «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина – произведение, повлиявшее на развитие русской литературы 1790–1820-х гг. и оказавшее воздействие на формирование вкусов русских читателей того времени.

Второй этап, начавшийся после событий 1812 г., завершился публикацией романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и началом так называемой «николаевской реакции». На это время приходится наиболее интенсивное развитие русской литературы, когда происходило активное взаимодействие новых литературных направлений – *романтизма* и *реализма* – с просветительскими тенденциями и литературными направлениями XVIII в. – *классицизмом* и *сентиментализмом*. Именно на этом этапе национальный *быт*

стал постоянным *предметом художественного изображения*, а это повлекло и формирование новых репрезентаций концепта «чай».

Начавшийся в 1830-е гг. *третий этап* исключил из сферы литературы политический дискурс (одно из последствий выступления декабристов). В этот период началось активное развитие *реализма* как особой системы ценностных ориентиров, исходивших не из постулировавшихся романтизмом «идеалов», а из непосредственных контактов с *действительностью* автора и читателя. На этом этапе реализм стал массовым явлением русской культуры; резко возросла в это время и роль художественных деталей.

Значимым для данного этапа стало творчество Н.В. Гоголя, прежде всего его «Петербургские повести» и «поэма» «Мертвые души».

В соответствии с указанными тремя этапами развития русской литературы первой половины XIX в. были выделены *три раздела* главы. *Первый раздел* посвящен «Письмам русского путешественника» Н.М. Карамзина – произведению, в котором сформировались основные репрезентации концепта «чай». Во *втором разделе* анализируются репрезентации концепта в произведениях писателей «эпохи Пушкина» (1810–1820-х гг.) – В.Т. Нарезного, М.П. Погодина, О.М. Сомова, И.И. Козлова, «крестьянского» писателя Е.И. Алипанова.

Выбор указанных авторов связан с тем, что в их творчестве, с нашей точки зрения, ярче всего выразились репрезентации рассматриваемого в диссертации концепта (что не исключает того, что аналогичные репрезентации появлялись и в других произведениях, созданных в это время). Среди исследованных авторов – как писатели «первого ряда» (Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь), так и их «литературные спутники» – В.Т. Нарезный, М.П. Погодин, О.М. Сомов, И.И. Козлов, а также писатель – выходец из крестьянского сословия прасол Е.И. Алипанов. Указанные авторы представляют различные литературные

направления конца XVIII – первой половины XIX в. – *сентиментализм* (Н.М. Карамзин), *романтизм* (О.М. Сомов и И.И. Козлов), *ранний реализм* (с отдельными приемами *романтизма*) (В.Т. Нарезный, М.П. Погодин) и *зрелый реализм* (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь).

В *третьем разделе* главы основное внимание уделено анализу творчества Н.В. Гоголя, в произведениях которого произошло обобщение всех уже сформированных репрезентаций концепта «чай» и – репрезентаций новых, которые стали активно развиваться уже в творчестве писателей следующего периода развития русской литературы – во второй половине XIX в.

2.1. Н.М. Карамзин: чай как атрибут диалога с Европой

Одним из первых текстов, развернуто отразивших чайную культуру в литературе России⁶, являются «Письма русского путешественника» **Н.М. Карамзина**. Это произведение познакомило российских читателей с традициями европейского (прежде всего *английского*) чаепития.

В предисловии к «Письмам...» автор приглашает читателя взглянуть на европейские страны глазами русского путешественника. «Это своего рода “окно”, прорубленное Карамзиным для русского читателя в культурно-историческую жизнь западноевропейских стран», – писала об этом произведении Е.Н. Куприянова [Куприянова 1962: 68]. Эта мысль указывает на значимость данного текста в процессе диалога культур России и Европы, а место, которое в произведении занимает описание чаепития, – на значимость чая в этом диалоге. В тексте Н.М. Карамзина чай упоминался более 60 раз, и это позволяет предположить, что одним из «окон», через которые в Россию пришла чайная

⁶ Впервые чай в русской литературе упоминается в сатире Антиоха Кантемира «На зависть и гордость дворян злонаравных» (1729). Примечательно, что чай в данном произведении назван не напрямую, а обозначен уничижительным словом «пойло»:

Тянешься уж час-другой, нежишься, ожидая
Пойло, что шлют с Индии или везут с Китая [Кантемир 1729: 4].

культура и соотнесённый с ней концепт «чай», является именно исследуемое произведение.

Автор сразу помещает описание чаепития в литературный контекст, при этом чай оказывается не только значимым *атрибутом путешествия*, но связующим звеном в диалоге культур: «Много неважного, мелочи – соглашаюсь; но если в Ричардсоновых, Фильдинговых романах без скуки читаем мы, например, что Грандисон всякий день пил два раза чай с любезною мисс Бирон; что Том Джонес спал ровно семь часов в таком-то сельском трактире, то для чего же и путешественнику не простить некоторых бездельных подробностей?» [Карамзин 1983: 27]. Как видим, в этом фрагменте «Писем русского путешественника» речь идет о чае не столько как о части бытовой культуры, но и как об определённом соотнесённом с ним социокультурном контексте, на что указывает прямая отсылка к английской литературе. *Чай*, уже сформировавшийся в английской культуре как художественный концепт, пришел в литературу России, а следовательно, и в концептосферу русской культуры.

Чтобы понять, какие репрезентации содержит концепт «чай» в зарубежной литературе, не обязательно обращаться к первоисточнику, на который ссылался писатель, так как ключевые репрезентации отражены уже в самой отсылке. В данном примере чай выступает как *атрибут общения* («с любезною мисс Бирон»), *элемент повседневности* («всякий день»), а также как художественная *деталь*, значимость которой трудно определить («без скуки читаем», но без этих «бездельных подробностей»).

Следующее упоминание чая возникает уже в самом начале пути повествователя – по дороге в Ригу: «Мы взяли за руки и побежали бегом в большой каменный дом, где в зале первого этажа нашел я многочисленную семью, сидящую вокруг стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли так ласково, потчевали так сердечно, что я забыл все свое горе. Хозяин, пожилой

человек, у которого добродушие на лице написано, с видом искреннего участия расспрашивал меня о моем путешествии» [Карамзин 1983: 31]. В этом отрывке чай также выступает как *атрибут общения* (хозяин расспрашивает о путешествии, молодой человек дает советы по дальнейшему пути). Здесь добавились и новые репрезентации концепта: поскольку данной сцене предшествовало описание тягот дороги на перекладных, чаепитие в доме приветливого хозяина, находящееся в контрасте с предшествующими сценами, стало отождествляться с *комфортом* и *уютом*.

В нескольких последующих эпизодах, в которых упоминается чай, описывались встречи Путешественника с иностранцами в корчмах, где одновременно с чаем подавался кофе, пришедший в Россию с Запада, что еще больше усиливало репрезентацию *чай как средство межкультурной коммуникации*. «Лишь только расположились мы в корчме, где теперь ночуем, услышали лошадиный топот, и через полминуты вошел человек в темном фраке, в пребольшей шляпе и с длинным хлыстом; подошел к столу, взглянул на нас, – на француженку, занятую вечерним туалетом; на италиянца, рассматривавшего мою дорожную ландкарту, и на меня, пившего чай, – скинул шляпу, пожелал нам доброго вечера и, оборотясь к хозяйке, которая лишь только показала лоб из другой горницы, сказал: “Здравствуй, Лиза! Как поживаешь?”» [Там же: 40].

Далее появляется репрезентация концепта «чай», в дальнейшем ставшая для русской литературы одной из основных: «Лишь только я в своей комнате расположился пить чай, пожаловал ко мне г. Блум с бумажкою в руках» [Там же: 90]. Чай становится здесь не только *атрибутом общения*, но и средством достижения справедливого решения вопросов. «В одном трактире со мною живет молодой доктор медицины, который вчера пришел ко мне пить чай и просидел у меня весь вечер. По его мнению, все зло в мире происходит оттого, что люди не берегут своего желудка» [Там же]. Автор отмечает, что времяпрепровождение за

чаем может быть дополнено другими атрибутами «иноземной культуры» – табаком и кофе: «В полдень обедают, а ввечеру прогуливаются или в приятельских беседах курят табак, пьют чай и кофе – купцы говорят о торговых, ученые об ученых делах, и таким образом проводят время. Честные швейцары курили табак и пили чай, а Лафатер рассказывал им о свидании своем с Неккером» [Там же: 111].

Описывая свою жизнь в Женеве, Путешественник также особое внимание уделяет чаю: «За десять рублей в месяц я нанял себе большую, светлую, изрядно прибранную комнату в доме, завел свой чай и кофе; а обедаю в пансионе, платя за то рубли четыре в неделю. Вы не можете вообразить себе, как приятен мне теперь новый образ жизни и маленькое заведенное мною хозяйство!» [Там же: 207].

Чай здесь выступает не только как *атрибут домашнего уюта*, но и как напоминание о родном, собственном доме. Фактически автор связывает чай и кофе с *домохозяйством*, поскольку именно владение неким запасом чая и кофе (а не каких-то иных продуктов) делает обладателя, с точки зрения автора «Писем», хозяином.

Несмотря на то что чай интерпретируется в произведении Н.М. Карамзина как часть *европейской* культуры, чаще всего он все же выступает как *способ диалога культур*, привычный как русскому путешественнику, так и коренному жителю Европы. В описании пребывания героя-повествователя в Великобритании (глава «Лондон») чаепитие приобретает национальный колорит: «В Кантербури, главном городе Кентской провинции, пили мы чай, в первый раз по-английски, то есть крепкий и густой, почти без сливок, и с маслом, намазанным на ломтики белого хлеба» [Там же: 411]. Концепт «чай» здесь дополняется репрезентацией «чай по-английски».

Исследуемое произведение является хронологически *одним из первых* текстов, описывающих чаепитие в русской литературе (первое – сатира Кантемира Антиоха «На зависть и гордость дворян злонравных»). Ключевой репрезентацией данного концепта в произведении Н.М. Карамзина «Записки русского путешественника» является *чай как способ международной коммуникации*. Первое упоминание чая в произведении привлекает интертекстуальное поле концепта «чай» из литературы Великобритании, где данный художественный концепт является устойчивой единицей концептосферы.

Таким образом, репрезентации чая, существующие в английской литературе, автор переносит в литературу России, ссылаясь не столько на конкретный источник, сколько на хорошо знакомые русскому читателю того времени функции чая в европейской литературе: *чай как деталь литературного текста, чай как атрибут общения, чай как часть повседневной трапезы*. В дальнейшем автор развивает данные репрезентации, добавляя к ним новые: *чай как средство достижения справедливого решения вопросов, чай как основа уюта и домашнего хозяйства», чай как часть национальной культуры» (в данном случае английской)*. В значительной степени все эти репрезентации можно объединить в рамках одной главной (которая и была наиболее важной для Н.М. Карамзина) – *средство межкультурной коммуникации*.

Все сказанное позволяют сделать вывод о том, что репрезентации концепта «чай» в данном произведении могли служить основой как для формирования данного лингвокультурного концепта в концептосфере современного русского языка, так и для формирования художественного концепта «чай» в русской литературе последующего периода.

2.2. «Пушкинский период»: чай как знак русского быта

Одним из ключевых произведений *второго этапа*, раскрывающих особенности функционирования концепта «чай» в 1810-е гг., можно назвать плутовской роман **В.Т. Нарезного** «Российский жилбаз, или похождения главы Гаврилы Семеновича Чистякова», завершённый в 1813 г. и опубликованный в 1814 г. Роман В. Нарезного в жанровом, сюжетном и стилевом плане был связан с произведением французского писателя А.Р. Лесажа «История Жиль Блаза из Сантьяны», получившим широкую известность в России благодаря нескольким переводам и вольным переложениям этого произведения, опубликованным во второй половине XVIII – начале XIX в. Исторический период, в который роман был написан, а также сам жанр плутовского романа, берущий своё начало в Испании, его изначальная связь с французской литературной традицией позволяют предположить, что концепт «чай» в произведении должен быть представлен в традициях «просветительского» «европейского» чаепития, – несмотря на то что описанные события принадлежат современной автору эпохе.

Изображение художественного мира в романе В.Т. Нарезного оказалось созвучно общим тенденциям европейской литературы, однако одновременно было непосредственно связано с российскими традициями и политической действительностью, то есть вписывало характерные для европейской литературы мотивы и ситуации в российский контекст.

В историю русской литературы роман В.Т. Нарезного вошёл не в качестве подражания западным источникам, а как первый русский *бытовой роман*, в котором были отражены обстоятельства русской общественной жизни, показанные через многочисленные подробности, детали быта того времени, сохранённые в тексте произведения. Литературоведы не связывают творчество В. Нарезного с каким-то принципиально новым этапом развития русской литературы, однако в ряде аспектов писатель выступал как новатор, впервые

освоивший в художественном плане новые пласты российской действительности, указав на них как на особый предмет изображения литературы. Среди выразительных деталей, выхваченных автором из тогдашней жизни, присутствовало и неоднократно упоминаемое в его произведении чаепитие.

В романе В. Нарезного чаепитие выполняло функции *хронометра*, который, в частности, определял расписание приёмов пищи: «Теперь время, когда люди чай пьют: поди, ты верно застанешь его дома» [Нарежный 1983: 188]; «Все вместе пили чай, проводили время до обеда, обедали и так далее» [Там же: 56]. Сам этот факт косвенно свидетельствовал о том, что чаепитие стало частью повседневной *русской* культуры, превратившись в некий обязательный (по крайней мере, для некоторых сословий российского общества, в частности купечества) *ритуал*. В то же время чаепитие – в соответствии с формирующейся в начале XIX в. русской традицией – оказывалось не самоценной процедурой, особой «церемонией», какой оно было в рамках традиционной китайской культуры⁷, а выразительной *деталью, характеризующей* тогдашний *быт* («Вели пораньше истопить баню, а чай будем все вместе пить» [Там же]) – важной составляющей приёма пищи, сопровождаемой обеденными блюдами: «Марья развела на очаге огонь, чтобы вскипятить воды (я не знал тогда, на что бы это купцу, но через несколько лет открылся свет в глазах моих: это значило пить чай) и разогреть жаркое» [Там же: 125]. Из приведённого фрагмента становится очевиден и социально-исторический *контекст* формирования традиций русского чаепития: в начале века чай пользовался спросом преимущественно у купечества, для которого он был доступен по цене.

Ритуал чаепития, описанный в романе В. Нарезного, выполнял и иные функции, которые сформировали классические «русские» варианты

⁷ «...В китайских литературных источниках мы наблюдаем подробное описание сложной китайской церемонии чаепития, а в русских источниках – традиции застольного чаепития» [Иванникова, Хорченко 2014: 376].

репрезентации концепта «чай» (ранее уже представленные в «Письмах русского путешественника») – *часть трапезы и атрибут общения, символ дружбы*. В романе, кстати, упоминается и другой «современный» напиток – кофе: «Узнал я от одного из учеников, что первостатейный член ратуши, человек пожилой и семьянистый, пробыв в Москве месяца с два за нужными покупками, возвратился домой с заморскими гостинцами: сахаром, кофеем, ванилью и такою хворостью, которая в то время ужасала и самых молодых людей» [Нарежный 1983: 163]. Однако этот напиток интерпретируется в романе исключительно как «иностраный».

Традиция, заложенная в романе «Российский жилбаз...», была развита в литературе периода конца 1820 – начала 1830-х гг., на протяжении которого в русской литературе активно развивались принципы реализма, а романтическое построение сюжета и соответствующие образы сопровождалось многочисленными реалистическими деталями и ситуациями.

Так, например, упоминания чаепития не раз встречается в повести писателя-историка **М.П. Погодина** «Чёрная немочь молодого человека» (1829). Повесть вызвала много позитивных откликов современников, обусловленных тем, что в ней, по словам В.Г. Белинского, была раскрыта «полная картина одной из главных сторон русской жизни, с её положительным и её исключениями» [Белинский 1953: 277].

В литературоведении жанр этого произведения обычно определяется как «бытовая повесть»: «В этой повести бытовой материал наделён функциональностью совсем иного рода. Он составляет одну из сторон конфликта <...>. Главное в изображении Погодиным купеческого мира в “Чёрной немочи” заключается в том, что перед читателем предстаёт раз и навсегда сложившийся уклад жизни, утомительное повторение одних и тех же событий» [Коровин, Скибин, Прокофьева 2005а: 85]. Описание сложившегося купеческого быта, для

которого было характерно строгое соблюдение формировавшихся веками традиций, показано в столкновении с «новой», современной культурой, связанной с системой научных представлений, которые влекут главного героя произведения, подталкивая его к конфликту с представителями «старого мира».

В повести М. Погодина чаепитие (и связанная с ним атрибутика, – например, упоминаемый несколько раз *самовар*) становятся знаковой деталью, характеризующей традиционный купеческий уклад, выполняют функцию *показателя социального положения / статуса*. Чаепитие делается *фоном* для развивающегося сюжета, соотнесённым с завязкой, кульминацией и развязкой текста, подчёркивающим антитезу противостояния романтического героя и консервативных семейных традиций. «Кулёк», в котором находилось «пять фунтов чаю» – наряду с «шубой енотовой» и «шапкой бобровой» – в результате сложившихся обстоятельств оказывается ценой жизни молодого человека, не желавшего жить по установившимся правилам. Соотнесение совместных чаепитий героев с определённым традиционным жизненным укладом подчёркивается тем, что все они – так же, как и в романе В. Нарезного – были привязаны к определённым временным вехам – но уже не к суточным ориентирам, а к праздничным календарным датам, относительно которых появление незапланированных гостей оказывалось событием из ряда вон выходящим: «Нет, Марья Петровна, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. К тому же вы у нас редкая гостья: вы кушали чай на Святой в воскресенье после вечерни, а после того, кажись, и глаз не показывали. – Помилуйте, батюшко, да в Духов день мы гостили у вас долго и с сожителем» [Погодин 1865: 11]⁸.

⁸ Следует отметить, что репрезентация концепта «чай» в повести М. Погодина не была связана однозначно с европейской или восточной чайной культурой: гостям, скорее всего, предлагались чай, традиционные для России: «Самовар скорее, Феня, да спросила ли ты Марью Петровну, монастырским или полынным?» [Погодин 1865: 11]. При этом можно предположить, что «пять

Аналогичные функции выполняют описания чаепития и в других произведениях, создававшихся в это время. В творчестве **О.М. Сомова**, в котором – так же, как и у М. Погодина, – романтические тенденции тесно переплетаются с многочисленными «этнографическими» деталями, упоминание «чая» и «чаепития» оказывается знаком традиционного бытового уклада.

В рассказе «Сватовство» (1931) чаепитие соотнесено с кульминацией сюжета – несостоявшейся помолвкой: «Я думал, что теперь-то увижу Настусю; напрасно. Через полчаса времени чай, разлитый по чашкам, был принесён тою же босоногою служанкой, которая встретила нас у дверей» [Сомов 1984: 65]. В этом же произведении впервые появляется новый вариант репрезентации чая – *часть русской алкогольной культуры*, впоследствии также ставшей для русской литературы традиционной⁹. В рассказе О. Сомова героя угощают чаем с водкой: «Матрона Якимовна и меня потчевала кушать чай с водкой; но я не дотрагивался до графина, хотя, признаться, настойка из какой-то травы, названной как бы в насмешку чаем и смешанной с шафраном, почти не шла мне в горло. Что касается до самой хозяйки дома, то она кушала этот чай с водкой весьма охотно» [Сомов 1984: 153].

Употребление такого варианта «чая» в рассказе связывается как с традиционным «шумливым весельем» окружавших, так и с «безмолвной печалью» главного героя, отказавшегося от употребления этого напитка: «Сваты мои ревностно поддерживали свою двойную славу: записных гуляк и весельчаков малороссийских, исправно осушали чашку за чашкой, делая при каждой умышленное “ух!”, т. е. подливая водки вдвое против чайной воды и сопровождая сию затейливую неловкость шутками и побасенками» [Сомов 1984: 153]. Таким

фунтов чаю», находившихся в подаренном ... «кульке», было не чем иным, как более дорогим *китайским* чаем.

⁹ Об употреблении чая с ромом говорится, например, в словаре В.И. Даля в статье «чай»: «Чай с позолотой – с ромом» [Даль 2000: 705].

образом формировалась еще одна репрезентация концепта – *средство характеристики внутреннего мира героя*.

На этом же этапе развития русской литературы формировались и представления о чае как о неотъемлемой части дружеской встречи (это был новый вариант появившейся ранее репрезентации *чай как атрибут общения*). В 1832 г. русский поэт и переводчик И.И. Козлов написал стихотворение «И.А. Тургеневу», в котором есть строки, описывающие именно такой момент:

Из края в край судьбой носимый,
Бесценный друг и гость любимый,
Приедешь ты в мой уголок;
Родными окружён сердцами,
Найдёшь ты с теми же друзьями
Душистый чай и огонёк;
И наш Жуковский будет с нами.
Друг, без него, ты знаешь сам,
Полна ли жизнь обоим нам!

[Козлов 1855: 140]

Упоминание в стихотворении чая не только указывает на ситуацию «дружеской встречи», но и подчёркивает контраст между «скитанием» и родным пристанищем («уголком»). Таким образом – через репрезентацию *чай как основа домашнего уюта* – художественный концепт «чай» включается в важнейшие для русской культуры первой половины XIX в. концептуальные поля *дом* и *дружба*¹⁰.

¹⁰ Можно предположить, что в данном случае, как и в повести М. Погодина, упоминание в стихотворении «*душистого*» чая позволяет сделать вывод о том, что это также был традиционный русский травяной чай (ср.: китайский и индийский чай не включал в XIX в. ароматических добавок, но обладал ярким запахом).

Репрезентации художественного концепта «чай» можно встретить и в произведениях **А.С. Пушкина**. Так, например, в романе «Евгений Онегин» чай упоминался 9 раз:

Прикажут Ольге чай готовить,
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.

[Пушкин 1957: 61]

<...>

Смеркалось; на столе блистая
Шипел вечерний самовар.
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился лёгкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струёю
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стекла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель О да Е.

[Пушкин 1957: 91]

<...>

И чай несут. Люблю я час
Определять обедом, чаем
И ужином. Мы время знаем

В деревне без больших сует:
Желудок – верный наш брегет...

[Пушкин 1957: 145]

Помимо чая, герои романа «Евгений Онегин» пили квас, а также брусничную воду. Однако эти два напитка относились к *основной части* трапезы, которую автор, в отличие от чаепития, описывает с некой иронией:

Вошёл: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток;
За ним roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

[Пушкин 1957: 15]

При всём внешнем сходстве процитированных выше поэтических фрагментов из романа «Евгений Онегин» с эпизодами из произведений В. Нарезного, М. Погодина и О. Сомова следует признать, что их художественные функции существенно различаются.

С одной стороны, в романе «Евгений Онегин» чай присутствует в качестве атрибута русской жизни – *элемента повседневности, части национальной культуры*: в произведении упоминается о том, как его готовят; сообщается, что его пьют дома и на балах. Чай и чаепитие – так же, как и в упомянутых выше произведениях – включены в распорядок дня и соотносятся с некими житейскими *устоями* («обед», «чай», «ужин»), а также с «бытовым» аспектом жизни (не

случаен поэтому тот факт, что в двух из трёх эпизодах «чай» соотнесён именно с несколько «приземлённой» и «домовитой» Ольгой).

С другой стороны, в данных примерах чай не связывается с «закостенелым» национальным бытом и соотносится с гораздо более широким культурным (можно сказать *международным*) контекстом. Во втором эпизоде, например, упоминается «*китайский чайник*» и мальчик, подающий сливки (в соответствии с *английской традицией*); привязанность чаепития к определённому времени также связывала русскую чайную культуру с английской. Одновременно можно отметить и то, что в третьем эпизоде «чай» рассматривается как некий самостоятельный *способ времяпрепровождения* – наряду с «обедом» и «ужином» (что в целом соответствовало и *китайской традиции*¹¹, которая не соотносила чаепитие с приёмом пищи). Рискуём предположить, что «чай» в данном случае не является уже *травяным* (хотя он – в соответствие с уже сложившейся литературной традицией – и был назван «душистым»); на это же косвенно указывает и его цветовая характеристика («тёмный»), и соотнесённый с напитком международный «англо-китайский» контекст.

С.И. Ермоленко, характеризуя семейный «идиллический хронотоп» романа «Евгений Онегин», отмечает: «Пушкиным обозначены почти все составляющие идиллического чаепития в “русском доме”: и “блистающий”, ярко начищенный, “шипящий” (поющий) самовар, и чайник с чашками <...> (может быть, семейная реликвия), и «душистый», ароматный, щедро заваренный («темной струею» «бегущий» «по чашкам») чай, и даже «сливки» к нему – всё это символы уюта, домашнего тепла. Да и время для чаепития самое подходящее – вечернее, когда дневные дела и заботы позади и можно насладиться отдыхом и покоем в кругу семьи...». При этом литературовед подчёркивает, что описание выполняет в

¹¹ О китайских традициях употребления чая А.С. Пушкин мог узнать не только из упомянутой выше книги А.Л. Леонтьева «Уведомление о чае и шёлке...», но и из личного общения с о. Иакинфом [Бичуриным], лучшим в Европе знатоком Китая, прожившим в этой стране 13 лет.

романе важную художественную функцию: «Однако одна деталь вносит в эту семейную идиллию едва уловимую нотку диссонанса. Согласно традиции, главной в чайной церемонии обычно была хозяйка дома либо старшая из дочерей. В семействе же Лариных эту роль выполняет младшая из сестер – Ольга <...>. И эта как будто бы незначительная деталь указывает на особое положение в доме Татьяны, которая «в семье своей родной / Казалась девочкой чужой» [Ермоленко 2016: 218].

Степень проникновения концепта «чай» в русское национальное культурное сознание 1830-х гг. засвидетельствовано фактом появления «крестьянской пьесы» – посвященного чаю «сельского водевиля» «Ханский чай¹²», созданного писателем-крестьянином **Е.И. Алипановым** в 1835 г. Сюжет пьесы связан с напитком, к которому по-разному относятся действующие лица произведения. Главный герой, носящий фамилию Чаев, по своему социальному статусу – крестьянин; о его «богатстве» свидетельствует стоящий на окне самовар. С типичными пристрастиями героя читатель знакомится уже в первых репликах пьесы: «Статень, приятень, и, шуточное ль дѣло, выжилъ цѣлых два года в Питерѣ <...> когда не глянь на окно – самоваръ словно жаръ горить...» [Алипанов 1835: 3]. Чаев тратит все деньги и время на чай (которого за свою жизнь выпил «два озера»), не платит оброк хозяину – помещику Экономову; решив жениться, он приходит в дом невесты на рукобитье с самоваром и чайным сервизом и заявляет невесте, что любит ее больше, чем Ханский чай (в то время как другие крестьяне называют чай «антихристовой травой» и «пагубой души»). По ходу пьесы выясняется, что Чаев обманывает своего барина, пытаясь продать ему поддельный чай, за что получает наказание.

¹² «Ханский чай», «Хан чай», «Хаанчай» – традиционный монгольский напиток, который готовился по особой рецептуре (в частности, в него добавлялась соль) и особо ценился в России. В данном случае – высококачественный дорогой чай.

Примечательно, что на данное произведение обратил внимание В.Г. Белинский, посвятив этой пьесе небольшую статью. Поскольку в пьесе отсутствует важная для критика актуальная общественная проблематика, художественные качества произведения были оценены им весьма низко: в произведении, по его мнению, «нѣтъ ни правдоподобія, ни вѣроятности, ни характеровъ, ни образовъ, ни лицъ, и наконецъ – никакой цѣли, никакого намѣренія» [Белинский 1905 V: 441]. При этом В.Г. Белинский заявил о частичном принятии мысли автора, вынесенной в эпиграф произведения, связав её с «вечными проблемами» российского общества. Полностью процитировав эпиграф, критик пишет: «Нѣкоторые просвѣщенные люди заключаютъ, что лучше крестьянамъ пить чай, нежели вино. Неоспоримая истина! Но перестаютъ ли тѣ крестьяне пить вино, которые пьютъ чай? Нѣкоторые просвѣщенные люди черезъ насъ отвѣчаютъ г. Алипанову, что если крестьяне, начиная пить чай, и не перестаютъ пить вино, то перестаютъ быть пьяницами, и вообще пьютъ вина несравненно меньше» [Там же].

В пьесе Е.И. Алипанова присутствуют уже знакомые репрезентации концепта «чай» – *элемент русской жизни, характеристика национального уклада жизни* (правда, речь уже идет не о купеческом, а о «народном» укладе), *товар*, *показатель социального положения и заменитель алкоголя*.

Сельский водевиль и критическая статья о нём иллюстрируют огромный интерес к чаю и столичной публики 1830-х гг., и низших слоев общества, которые, как демонстрирует текст пьесы, относятся к напитку по-разному. При этом можно отметить, что в пьесе актуализируется не только связанные с экономикой репрезентации концепта «чай», но и относительно новое сопоставление чая и вина, которое появляется в произведениях ряда писателей – современников крестьянина-драматурга: Н.В. Гоголя, О.М. Сомова, А.М. Вельтмана, а также в

творчестве писателей следующего периода – А.Н. Островского, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого.

Водевиль Е.И. Алипанова – несмотря на его невысокий художественный уровень – отчетливо показал: концепт «чай» оказался связан в народном сознании с важной частью русского быта. В значительной степени все репрезентации, выявленные в произведении, можно объединить в рамках одной главной репрезентации, которая появлялась в творчестве многих писателей рассматриваемого этапа, – *чай как характеристика русского быта*.

2.3. Н.В. Гоголь: чай как характеристика национального уклада

«Ключевыми» произведениями третьего этапа, демонстрирующими особенности функционирования концепта «чай» в русской литературе второй половины 1830 – 1840-х гг., можно считать произведения **Н.В. Гоголя** – его повести («Невский проспект», «Портрет», «Записки сумасшедшего», «Нос», «Шинель»), комедию «Ревизор» и поэму «Мёртвые души».

Гастрономические привычки Н.В. Гоголя не раз становились предметом исследования: их, в частности, подробно описывали биографы и современники писателя. Так, М.П. Погодин в «Записках» изображал процесс «вкушения» Н.В. Гоголем макарон: «Вот приносятся макароны в чашке, открывается крышка, пар повалил оттуда клубом. Гоголь бросает масло, которое тотчас расплывается, посыпает сыром, становится в позу, как жрец, готовящийся совершать жертвоприношение, берет ножик и начинает разрезать...» [Погодин 1865: 887]. При этом биографические источники не приводят никаких сведений о какой-то особой привязанности Н.В. Гоголя к чаю¹³.

¹³ Такой информационный вакуум, однако, не стал для производителей чая препятствием к тому, чтобы выпустить напиток, названный в честь Н.В. Гоголя. Травяной сбор «Гоголь», содержащий листья малины, смородины, ежевики и черной рябины, в настоящее время выпускается под брендом «Домашние истории» [Всё другое: электронный ресурс]. Любовь

В произведениях Гоголя чай чаще всего упоминается в *гастрономическом* или в *экономическом* аспекте и, как правило, органично связывается с *сюжетом* произведений. Примером этого могут служить знаменитые «Петербургские повести» Гоголя. В повести «Невский проспект» (1833–1834) питье чая (упоминаемого вместе с кофе) выступает неотъемлемой частью жизни главной улицы Санкт-Петербурга. Чай на Невском проспекте пьют как состоятельные горожане, так и менее обеспеченные слои населения. Характерные для русской литературы иллюстрации аристократического чаепития соседствуют в повести с упоминанием чая как любимого напитка бедных «петербургских художников», которые пили «чай с двумя приятелями своими в маленькой комнате», когда они скромно толковали о своём любимом предмете (то есть живописи), и вовсе «небрегуши об излишнем» [Гоголь 1966 III: 12].

В повести «Портрет» (1832–1842) упоминание чая оказывается сопряжено с двумя значимыми в судьбе главного героя моментами: с попыткой хозяина дома, который в старости «...уже не щеголял, не хвастал, не задибался, любил только пить чай и болтать за ним всякий вздор», выселить художника из квартиры [Там же: 79], и с размышлениями Чарткова о будущей жизни: «Теперь я обеспечен, по крайней мере, на три года, могу запереться в комнату, работать. На краски теперь у меня есть; на обед, на чай, на содержанье, на квартиру есть; мешать и надоедать мне теперь никто не станет...» [Там же: 82].

В повести «Записки сумасшедшего» (1834) упоминание чая встречается в эпизодах, иллюстрирующих безумие героя. В частности, Аксентий Иванович приводит слухи о животных, обладающих человеческими качествами, рассказывая об их любви к заморскому напитку: «Я читал тоже в газетах о двух коровах, которые пришли в лавку и спросили себе фунт чаю» [Там же: 18]. В

классиков русской литературы, в том числе Н.В. Гоголя, к чаю, не раз становилась предметом исследования ученых [Бахтадзе 1961; Барыбин, Давыдова 2005; Цзоу 2007; Коваль 2009; Якушева 2009; Спиридонова 2020].

другом месте повести автор воспроизводит переписку двух собачек Фидель и Меджи, в которой также содержится упоминание чая; чай выступал здесь показателем особого «аристократического» положения одной из собачек: «Я пью чай и кофий со сливками. Ах, ma chere, я должна тебе сказать, что я вовсе не вижу удовольствия в больших обглоданных костях, которые жрёт на кухне наш Полкан» [Там же: 192]. Описание того, как животные пили чай и рассуждали о нем, подчеркивают необычность и нестандартность мышления Сумасшедшего, а также его отход от привычного и традиционного поведения, принятого окружающим обществом. Кроме того, в приведенных фрагментах можно увидеть характерное для Н.В. Гоголя высмеивание устоявшихся в российском обществе традиций аристократического чаепития.

В повести «Нос» (1836) уже сам факт упоминания заведения «Кушанье и чай» [Там же: 49] достаточно красноречиво характеризует повседневный российский быт; «несколько фунтов чаю или сукна» [Там же: 81] интерпретируются как хороший подарок официальному лицу (хотя и несколько уступающий деньгам); предложение «выкушать» совместно «чашечку чаю» воспринимается как благодарность за «большую приятность» [Там же: 65].

Главный герой повести «Шинель» (1841) Акакий Акакиевич Башмачкин, вступая на путь экономии, вызванной необходимостью сшить новую шинель, в первую очередь отказывается от чая: «Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя, по крайней мере, в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи...» [Там же: 148]. В этом же произведении употребление чая показывается как *органичная часть досуга* петербургских чиновников – время, «когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлебывая чай из стаканов с копеечными сухарями <...>, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский

человек...» [Там же: 140], поэтому отказ Акакия Акакиевича от чаепития может интерпретироваться и как временный выход из своего сословия. Примечательно, что после появления у героя новой шинели его приглашают принять участие в коллективном чаепитии: «...Один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно, для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знается даже с низшими себя, сказал: “Так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник”. Чиновники, натурально, тут же поздравили помощника столоначальника и приняли с охотой предложение» [Там же: 151]. Посещение Акакием Акакиевичем этого мероприятия становится для него роковым, поскольку драгоценную шинель отнимают у него при возвращении с этого чаепития.

Таким образом, уже в «Петербургских повестях» можно заметить определенную закономерность, связанную с обращением Гоголя к мотивам чая и чаепития. Как правило, концепт «чай» появляется в тексте тогда, когда необходимо подчеркнуть *материальное положение и сословную принадлежность* героев, одновременно он способствует *экспликации наиболее значимых для развития сюжета ситуаций*. Концепт «чай» играет совершенно особую роль в повестях: будучи фоновой деталью и занимая, казалось бы, незначительное пространство в тексте, чай, тем не менее, возникает в самые яркие моменты и подталкивает сюжет к дальнейшему развитию и кульминации.

Упоминается чай и в пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор» (1835): «Сами извольте посудить: казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар» [Гоголь 1966: 31], – сетует Городничий. «В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик, – оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай» [Там же]. В этих словах Городничего чай упоминается не только как напиток, но и как *часть традиции* оставлять «на чай», т. е. выражать свою благодарность деньгами. При этом оба значения слова оказываются связаны не только между собой, но и с

предыдущей репликой героя о чае: два целковых, оставленных в качестве чаевых, являются достаточно щедрыми «бонусом», а следовательно, на них действительно можно приобрести чай.

Примечательно, что чай не упоминается в таких произведениях Н.В. Гоголя, как «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1832) и «Женитьба» (1842). Этот факт полностью вписывается в сложившееся в русской культуре и литературе противостояние: там, где есть «горилка», нет места чаю, и наоборот. О подобной борьбе двух напитков пишет крупнейший исследователь чая и водки в России В.В. Похлебкин: «...Между водкой и чаем как бы существует некое скрытое соперничество и ведётся как бы скрытая борьба за распространение и «влияние» в народе» [Похлебкин 1995: 8].

Особую роль концепт «чай» играет в поэме «Мертвые души» (1842). Еда в произведении неоднократно становилась предметом внимания исследователей, ученые говорили об ее «важности и значимости в композиционной структуре художественного текста» [Николаева 2018: 182]. Однако концепт «чай» и его художественные функции в поэме «Мертвые души» специально не исследовались. При этом именно чай является в произведении некой «константой»: этот напиток присутствует в каждой главе и подается на стол каждого помещика, которого посещал Чичиков.

Чай упоминался уже в первых строках «Мертвых душ». Описывая гостиницу уездного города NN, в которой останавливался Чичиков, Гоголь замечает: «...Купцы по торговым дням приходили сюда сам-шест и сам-сём испивать свою известную пару чаю» [Гоголь 1984 V: 7]. Примечательно, что чай в этом фрагменте неразрывно связан с купеческим сословием, – несмотря на то что в литературе периода 1830-х гг. чай уже не являлся непременным атрибутом жизни именно купцов. Одна из ключевых репрезентаций концепта «чай» литературы XIX вв. – *показатель социального положения / статуса* (в данном

случае – *атрибут купеческого быта*) – появляется уже в самом начале поэмы, что подготавливает все дальнейшие неожиданные и нелогичные «путешествия во времени», которые на протяжении всего произведения будут сопровождать читателя.

Исследователи нередко характеризуют художественное время поэмы как парадоксальное, отмечая, что сюжет произведения существует «вне времени», а неожиданные противоречия лишь подчеркивают вневременной характер произведения. «Странные метаморфозы и алогичные деформации изображенного Гоголем времени делают невозможной его правдоподобную конкретизацию и усиливают «неопределенность», так что время года действительно «неизвестно» [Кривонос 2011: 237]. Неожиданную связь чая с купеческим сословием в поэме «Мертвые души» можно также внести в список подобных парадоксов, важных для реализации художественного замысла произведения.

Отдельно следует уточнить, что именно представляла собой «пара чая», о которой пишет Н.В. Гоголь. Вопреки очевидной ассоциации, это не две чашки чая, а способ сервировки, предполагающий подачу двух чайников – заварочного и с кипятком. Подробно питье чая «парами» описывает, например, П.И. Мельников-Печерский, отмечая, что пары подавались по числу гостей: «Они угощались двенадцатью парами чая» [Мельников-Печерский 1998: 30]. Упоминание в тексте подобного «сервиза» позволяет говорить о «китайских мотивах», появляющихся в описании чаепития Н.В. Гоголем: как известно, именно таким образом принято пить китайские сорта чая, предполагающие многократную заварку¹⁴.

Продолжая описание гостиницы, Н.В. Гоголь уподобляет чайные чашки «птицам-чайкам». «Половой бегал по истертым клеенкам, помахивая бойко

¹⁴ Подобная традиция существует и в наши дни; с той лишь разницей, что вместо чайника с кипятком используется термос

подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу; те же картины во всю стену, писанные масляными красками» [Гоголь 1984 V: 7]. Представленный в данном фрагменте гостиничный быт позволяет сделать вывод об огромной популярности чая, хотя первоначально он был заявлен как исключительно купеческий напиток. «Летающие» подносы с большим количеством чашек говорят о том, что чай был самым востребованным напитком в гостинице.

В главе, посвященной Манилову, чай упоминается дважды, причем выступает он здесь в качестве такой детали, без которой умиротворенный, погруженный в мечты дух этого помещика проиллюстрировать невозможно. Описывая распорядок дня приказчика Манилова, Н.В. Гоголь отмечает: «А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился и кумился с теми, которые на деревне были побогаче, подбавлял на тягла победнее, проснувшись в девятом часу утра, поджидал самовара и пил чай» [Там же: 31]. Н.В. Гоголь высмеивает приказчика – крестьянина, добравшегося до власти. Традиционная для литературы начала XIX в. репрезентация концепта чай – *показатель социального статуса* – приобретает здесь особое, гротескное звучание. Стремление героя сделать самовар неизменной частью своего быта – вместе с прочими особенностями поведения героя – предстает у Гоголя как некая пародия на аристократический образ жизни, что, собственно, и помогает понять сущность маниловского приказчика.

Чай становится той деталью, которая придает иронический оттенок размышлениям о жизни самого Манилова: «Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом чрез эту реку начал строиться у него мост, потом огромный дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах» [Там

же: 37]. В мечтах Манилова о благополучии неизменно возникает чай, и в каждом фрагменте актуализируется целый ряд репрезентаций данного концепта: *атрибут безмятежной жизни, органичная часть досуга, атрибут дружбы* и, в меньшей степени, – показатель *социального положения*.

Чай оказывается на столе и у следующего помещика – Коробочки: «А с чем прихлебнете чайку? Во фляжке фруктовая» [Там же: 47], – спрашивает хозяйка Чичикова, имея в виду настоящую на фруктах водку. Вопреки ожиданиям читателя, «с чем» обозначает не «с какой закуской» будет подан чай, а «с каким спиртным напитком» его будут пить. В этом отрывке актуализируется классическая для русской литературы репрезентация концепта – *чай как часть алкогольной культуры*.

«– Недурно, матушка, хлебом и фруктовой.

Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большею свободою, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился» [Там же]. Автор поясняет, что чай, объединенный с «фруктовой», может служить символом особой близости, и в этом факте можно увидеть реализацию уже упоминавшейся ранее репрезентации *чай как атрибут дружеского общения*. «У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста...» [Там же], – размышляет далее автор. Внимательный читатель, к которому обращается в романе Гоголь, мог бы добавить, что такой «мудрец» не только будет иначе «говорить» с богатым помещиком, но иначе будет – и чай пить.

Чай упоминается и при посещении Чичиковым Ноздрева: «Чичиков ушел в комнату одеться и умыться. Когда после того вышел он в столовую, там уже стоял на столе чайный прибор с бутылкою рома» [Там же: 83]. Примечательно, что и здесь чайный прибор соседствует с ромом: такой способ чаепития, согласно точке

зрения автора, должен свидетельствовать об особой потенциальной близости участников чаепития.

Соседство чая с «горячительными напитками», впервые появившееся в главе, посвященной Коробочке, сохраняется и в последующих главах, что помогает раскрыть основную идею произведения. Н.В. Гоголь замыслил «Мертвые души» как некую «лестницу» духовного восхождения читателя (которое в первом томе сопровождается «духовным нисхождением» персонажей произведения), поэтому закономерно, что детали быта, характеризующие первого помещика, сохранялись или усиливались в последующих главах.

Описав чайный стол, автор переходит к изображению общего вида столовой Ноздрева: «В комнате были следы вчерашнего обеда и ужина; кажется, половая щетка не притрагивалась вовсе. На полу валялись хлебные крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти» [Там же]. В этом изложении чаепитие, изображенное в лучших традициях русской литературы и культуры, соседствует с другой пришедшей из Европы привычкой – табакокурением. Однако если чайную атрибутику автор изображает достаточно живописно, то от табака в «Мертвых душах» остается лишь зола, лежащая прямо на скатерти и свидетельствующая о неряшливости помещика, – с одной стороны, и запущенности хозяйства – с другой.

Наиболее ярко и гротескно – и в то же время тонко и точно – чай представлен в главе, посвященной центральному герою – Плюшкину: «– А что, вы уж собираетесь ехать? – сказал он, заметив небольшое движение, которое сделал Чичиков для того только, чтобы достать из кармана платок. Этот вопрос напомнил ему, что в самом деле незачем более мешкать. – Да, мне пора! – произнес он, взявшись за шляпу. – А чайку? – Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время. – Как же, а я приказал самовар» [Там же: 129]. Неловкий и неуместный намек на желание выпроводить гостя Плюшкин тут же пытается

завуалировать дежурным предложением выпить чай. Впрочем, упоминание о чае в качестве знака гостеприимства быстро сменяется менее возвышенными рассуждениями: «Я, признаться сказать, не охотник до чаю: напиток дорогой, да и цена на сахар поднялась немилосердная. Прощка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Мавре, слышишь: пусть его положит на то же место, или нет, подай его сюда, я уже снесу его сам. Прощайте, батюшка, да благословит вас Бог, а письмо-то председателю вы отдайте» [Там же]. Плюшкин мастерски актуализирует в своей речи репрезентации концепта «чай», отождествляющие этот напиток с общением, гостеприимством и дружбой, однако сам напиток на столе так и не появляется. От высоких материй Плюшкин быстро переходит к репрезентации *товар*, причем актуализируется она в самой очевидной своей форме, довольно редкой для русской литературы в целом и для творчества Гоголя в частности: герой рассуждает о ценах на напиток, а также на сахар, с которым состоятельные люди привыкли пить чай. Примечательно, что в главе о Плюшкине описание чаепития сопровождается упоминанием не табака и не «фруктовой», а сухаря – главного символа плюшкинского быта. Сочетание дорогого чая со старым сухарем можно назвать кульминацией, построенной на характерных для гоголевской поэтики контрастах.

Концепт «чай» является ключевым для раскрытия образа Плюшкина – «прорехи на человечестве»: репрезентация *чай как атрибут дружеского общения* раскрывает отношение героя к людям, а репрезентация *чай как товар* позволяет воссоздать портрет Плюшкина, подчеркивая основные пороки персонажа. Обращение к чаю в главе, посвященной Плюшкину, построено на контрасте «показного» и «истинного», гостеприимства и жадности, богатства и бедности, духовного и материального, возвышенного и низменного.

Чай сопровождает Чичикова и в гостинице: «Поздно уже, почти в сумерки, возвратился он к себе в гостиницу, из которой было вышел в таком хорошем

расположении духа, и от скуки велел подать себе чаю» [Там же: 213]. Здесь возникают как традиционная для русской литературы репрезентация – *чай как атрибут путешествия*, так и новая – *чай как таймкиллер*. Едва Чичиков приступает к чаепитию, на пороге появляется Ноздрев: «Прохожу мимо, вижу свет в окне, дай, думаю себе, зайду, верно, не спит. А! вот хорошо, что у тебя на столе чай, выпью с удовольствием чашечку» [Там же]. Чай вновь становится «точкой опоры», вокруг которой в «Мертвых душах» разыгрывается комическое воплощение гостеприимства. Имплицитно в этих отрывках присутствует и репрезентация *чай как товар*: Чичиков не случайно «от скуки» пьет дорогостоящий напиток, а Ноздрев выражает готовность подкрепиться чаем за чужой счет. «Прикажи-ка мне набить трубку! Где твоя трубка?» [Там же] – заявляет Ноздрев, и в этом эпизоде упоминание чая вновь соседствует с табаком. Поскольку известно, что сам Чичиков не курит, можно предположить, что готовность героя разделить с Ноздревым чайную трапезу, но не «трубку», свидетельствует о его неискренности, скрывающейся за внешним гостеприимством. Такой вывод позволяет сделать существовавшее в России XIX в. отношение к табаку: «В обществе же в целом отношение к табаку было весьма снисходительное, к тому же, многие считали его невинной – и безвредной – забавой. <...> Не курили в ту пору в Петербурге разве священнослужители и старообрядцы» [Богданов 2007: 13].

Чай, причем *чай как знак гостеприимства*, – гостеприимства настоящего, искреннего, а не показного – присутствует и в жизнеописании главного героя. Узнав, в какую церковь приходила дочь понытчика по воскресным дням, герой «становился всякий раз насупротив ее, чисто одетый, накрахмаливши сильно манишку, – и дело возымело успех: пошатнулся суровый понытчик и зазвал его на чай!» [Гоголь 1984 V: 231].

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт «чай» актуализируется в большинстве произведений Н.В. Гоголя – и в «Петербургских повестях», и в комедии «Ревизор» детали, связанные с чаепитием, позволяют воссоздать атмосферу эпохи и места действия, будь то элитарные столичные заведения или провинциальная гостиница. Упоминание чая выявляло в тексте произведений контрасты, которые служили выразительной деталью изображаемого быта и позволяли писателю сделать гротеск более ярким.

Наиболее значимым как для сюжета, так и для поэтики произведения является концепт «чай» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». «Стремясь объективно показать людей того времени, уклад и быт их жизни, Гоголь использует детальное описание, портретную характеристику, интерьер, говорящие фамилии, а также образы еды» [Николаева 2018: 183], – пишет современный исследователь. Огромное внимание в поэме автор уделяет угощениям, среди которых обязательно присутствует и чай. Более того, роль чая в «Мертвых душах» гораздо более значительна, чем роль прочих угощений. Ключевыми репрезентациями концепта в поэме являются следующие: *знак гостеприимства, атрибут дружеского общения, товар, маркер социального статуса, часть алкогольной культуры*. Чаепитие характеризовало героев поэмы, атрибуты чайной трапезы становились яркими деталями, иллюстрирующими быт того или иного помещика. Помещики в «Мертвых душах» не похожи друг на друга, но в каждом доме Чичикова сопровождает чаепитие. По сути анализ репрезентаций концепта «чай» в произведениях Н.В. Гоголя демонстрирует следующую мысль: все их разнообразие объединяется идеей о чае как о *неотъемлемом элементе русской жизни*, характеризующем *традиционный русский уклад*.

Не менее значимой в этой связи оказывается и мысль о том, что репрезентации концепта становятся у Гоголя важнейшим художественным

приемом, определяющим особенности *поэтики* произведений. Чай оказывается неразрывно связан с ключевым символическим лейтмотивом произведения – *дорогой*. Репрезентация *чай как атрибут путешествия* сближает поэму Н.В. Гоголя с другими текстами русской литературы, в которых чай входит в семантическое поле «дорога», а сам путь наделяется символическим значением. Чай пьет автобиографический герой Н.М. Карамзина в «Письмах русского путешественника»; чай пьет и Печорин во время путешествия по Кавказу в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова. При этом в «Письмах» чай является одновременно и «дорожным», и «домашним» напитком, – и в этом аспекте чай фактически приравнивался к кофе в качестве атрибутов «собственного дома» и «домохозяйства». Примечательно, что как в «Письмах», так и в «Мертвых душах» чай наделяется амбивалентной природой, выступая одновременно и как атрибут дороги, и как незаменимый в любом хозяйстве продукт.

В поэме встречается ряд примеров, где традиции чаепития героев подвергаются осмеянию. Н.В. Гоголь сатирически описывает неумеренное потребление чая постояльцами гостиниц, излишнюю любовь к чаю маниловского приказчика, высмеивает «элитные» пристрастия героев. Гротескно представлено и несостоявшееся чаепитие у Плюшкина, который считает чай слишком дорогим продуктом, однако изображает готовность его подать, намекая гостю на необходимость как можно быстрее ретироваться.

2.4. Выводы

Художественный концепт «чай» изначально был связан с представлениями о диалоге разных национальных культур и о «национальном колорите», который ассоциировался с этим напитком, а также с путешествиями, которые оказывались стержнем, организующим такой диалог. Исследованный материал показывает, что в русской культуре конца XVIII – первой половины XIX в. сформировалась традиция *литературного чаепития*, и чай сделался *мотивом* многих

литературных произведений, в которых он соотносился с разнообразными *контекстами*, что и привело к появлению *художественного* концепта «чай».

В «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина концепт «чай» оказался соотнесен с представлением о повседневном дружеском общении и о бытовом укладе, характерном для домашнего хозяйства. В тексте этого произведения возникают и другие репрезентации рассматриваемого концепта, которые в дальнейшем будут активно развиваться в русской литературе: *атрибут путешествия, атрибут общения, часть повседневной трапезы, часть национальной культуры, средство достижения справедливого решения вопросов, основа уюта и домашнего хозяйства*, наиболее значимой из которых была репрезентация *чай как способ диалога культур*.

В русской литературе 1820–1830-х гг. концепт «чай» становится способом характеристики российского быта, сословной и семейной «микроэкономики» и одновременно начинает использоваться как художественный прием, необходимый для организации *сюжета*, характеризующий *стиль* произведения и способствующий выражению *позиции автора*.

В 1930-е гг. концепт «чай» соотносится в первую очередь с *бытовым* аспектом жизни русских людей и нередко становится показателем ее *ритма*. Репрезентации концепта оказываются связанными с рядом *культурных контекстов* и образуют *концептуальные поля*, сопоставленные с другими значимыми концептами русской культуры: «дом», «дружба», «общение» и т. д. В этот период появляются новые варианты репрезентаций концепта «чай»: *неотъемлемый элемент русской жизни, способ времяпрепровождения, часть русской «алкогольной культуры», средство характеристики внутреннего мира героя, заменитель / «спутник» алкоголя, показатель статуса человека*; актуализируется и репрезентация *чай как товар*.

Фрагменты чаепития в художественных произведениях данного периода нередко соотносятся с ключевыми сюжетными эпизодами, выражающими концептуальные положения автора.

В творчестве Н.В. Гоголя концепт «чай» представлен практически во всех вариантах репрезентаций, возникших в русской литературе в 1820–1830-х гг.; одновременно в его произведениях возникают и некоторые новые репрезентации концепта: *чай как знак гостеприимства, атрибут дружбы, показатель роскоши, атрибут картины безмятежной жизни, органичная часть досуга, часть алкогольной культуры, таймкиллер*. Очень важными для писателя становятся «социальные» и «экономические» репрезентации концепта: *чай как показатель статуса персонажа, как товар, как показатель материальной обеспеченности человека, «чай» («чаевые») как способ материального выражения благодарности*.

В «Мертвых душах» репрезентации концепта «чай» способствуют раскрытию *внутреннего мира* героев, выражают *оценку автора* (например, *иронию*) и нередко становятся средством *пародии*; репрезентации связываются с важнейшим лейтмотивом произведения (дороги) и эксплицируют *наиболее значимые для развития сюжета ситуации*.

На протяжении рассматриваемого периода художественный концепт «чай» проходит определённую эволюцию: из *атрибута общения и способа межкультурной коммуникации* он постепенно превращался в важный *признак традиционного русского быта*. Поэтому репрезентация *чай как характеристика традиционного национального (русского) уклада*, объединяющая ряд названных выше репрезентаций 1820–1830-х гг. (в произведениях Н.М. Погодина, Е.И. Алипанова, Н.В. Гоголя), представляется знаковой для этого времени.

ГЛАВА III. КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Особенностью литературного процесса второй половины XIX в.¹⁵ стало активное становление литературной жизни России, формирование и развитие реализма, углубление психологизма. Центральной проблемой, стоящей перед Российским государством (и соответственно литературой) в эти годы был «крестьянский вопрос», для решения которого правительством было предпринято несколько попыток.

На протяжении рассматриваемого периода происходит несколько подъемов и спадов духовной жизни страны, сопровождавшихся размежеванием общественно-литературных позиций, формированием различных идейных течений, что привело к обогащению русской литературы и поиску новых путей ее развития, выразившихся через творчество И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.Н. Островского, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и других писателей, которые стремились раскрыть характер человека, – как в контексте окружающей действительности, так и вне такового. Углублялось изображение окружающей персонажей действительности, динамично развивались жанры психологического романа, рассказа и очерка. Обращение литературы к этим жанрам является знаменательным с точки зрения настоящего исследования, так как внимание к личности человека невозможно без умения «заставить» людей мыслить, без обращения писателей к ярким бытовым деталям, без актуализации знаковых концептов культуры.

Вместе с тем в литературе и критике стали усиливаться философские тенденции: «...В философии теоретические построения сопрягались с идеей общественного идеала, в литературе – с вопросами смысла бытия, жизни и

¹⁵ В соответствии с логикой настоящей диссертации вторую половину XIX в. предлагается отсчитывать с 1848 г., а завершать период – 1900 г.

смерти» [Потапенков 2009: 101]. Русская литература второй половины XIX в. открыла новую картину мира, ранее не выражавшуюся в художественных текстах: литературный язык стал обогащаться новыми художественными концептами, а ключевые концепты русской культуры, одним из которых являлся «чай», стали обретать новые репрезентации.

На протяжении второй половины XIX в. чай и чаепитие прочно вошли в жизнь различных сословий русского общества (прежде всего в жизнь города) и стали восприниматься как органичная часть национального быта. Этот процесс сопровождался появлением специальных книг, посвященных чаю, в которых излагалась история напитка в России и Китае, описывались его полезные свойства, процесс выращивания и технология производства¹⁶. Стали появляться и книги, в которых изображалось чаепитие, адресованные специально детям¹⁷.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала русской литературы второй половины XIX в. не позволяет сделать определенные выводы об однонаправленной *эволюции* рассматриваемого в диссертации концепта, то есть о выделении определенных этапов, периодов его развития, однако об общей тенденции говорить возможно – это увеличение количества возникающих в литературе репрезентаций и использование их в качестве значимых *элементов формы* художественных произведений.

Своеобразие появляющихся в русской литературе репрезентаций концепта «чай» было связано в большей мере с особенностями индивидуальной поэтики писателей. Именно этим фактором обусловлена структура третьей главы.

¹⁶ См.: Китайский чай (подробное о нем описание) с присовокуплением статей: о кофе, шоколаде и сахаре / Сост. Н. Ржанов. М.: Тип. В. Готье, 1856. 60 с.; Чай, по старинным русским сведениям: из журнала «Домашняя беседа» / Д. Прозоровский. СПб.: Тип. Морского министерства, 1866.

¹⁷ См., например: *Поленова М.А.* Слушать не наслушаться [Лето в Царском селе]: Рассказы для детей младшего возраста. 5-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. 189 с.; глава первая – «Утренний чай». Первое издание книги вышло в 1852 г. М.А. Поленова – мать великого русского художника В.Д. Поленова.

В первом ее разделе раскрываются репрезентации концепта «чай», возникшие в произведениях русской литературы конца 1840-х – конца 1870-х гг. Выбор писателей, среди которых есть художники как «первого», так и «второго» ряда (А.Ф. Вельтман, М.В. Авдеев, И.С. Тургенев, А.Н. Островский, Г.И. Успенский, Л.Н. Толстой), обусловлен, с одной стороны, тем, что в их творчестве, как представляется, лучше всего выразились репрезентации исследуемого художественного концепта; с другой – тем фактом, что произведения этих авторов представляют самые разные сферы жизни русского общества.

Второй и третий разделы главы посвящены И.А. Гончарову и Ф.М. Достоевскому – писателям, в творчестве которых художественный концепт «чай» раскрылся наиболее полно, через большое количество разнообразных репрезентаций. В процессе анализа творчества этих авторов в диссертации ставилась задача показать, какую роль играют репрезентации концепта в поэтике художественных произведений, как они способствуют раскрытию *идеи* произведения и авторского отношения к *образам персонажей*, как организуют *сюжет*.

В четвертом разделе главы исследуются репрезентации концепта в русской литературе двух последних десятилетий XIX в., завершающих период. В качестве материала для анализа было выбрано творчество трёх писателей, представляющих литературу периода, а также публицистические произведения, в которых описываются «чайные путешествия».

Пятый раздел главы содержит выводы, касающиеся развития репрезентаций художественного концепта «чай» на протяжении всего рассматриваемого периода – с конца 1840-х до конца 1890-х гг.

3.1. Русская литература 1850 – 1870-х гг.: чай как спутник

делового общения

Первым «знаковым» текстом исследуемого периода стал цикл **А.Ф. Вельтмана** «Приключения, почерпнутые из моря житейского» (1848) – произведение, обратившее на себя внимание читающей публики конца 1840-х – начала 1850-х гг.

Герои произведения постоянно пьют чай. Уже первый (и центральный) роман цикла «Саломея» изобилует обращениями к этому концепту. «На протяжении всего творческого пути Вельтман с особым усердием и активностью работает над созданием образов материального мира. Именно эти образы в концентрированном виде представляют нам авторскую систему ценностей, дают возможность узнать внутренний мир романтика, познакомиться с его концепцией человеческого бытия», – замечает современный исследователь [Шалпегин 1999: 12]. Литературовед, в частности, пишет: «В 1830-е гг. чай стал знаковым образом материального мира, а чаепитие – одним из явлений, ради воссоздания которых, как отмечают исследователи, автор отвлекается от центрального сюжетного ствола для того, чтобы дать [этому предмету или явлению] подробное живописное описание» [Там же: 13].

Подобные тенденции соответствовали традиции жанра плутовского романа, к которому можно отнести и произведение А.Ф. Вельтмана. «Плутовской роман в основном работает хронотопом авантюрно-бытового романа – дорогой по родному миру» [Бахтин 1975: 301]. Герой «Приключений», Дмитрицкий, – человек, идущий этой «дорогой по родному миру», вступает в противостояние с этим миром, что проявляется уже на бытовом уровне: «Для него просто была мука, когда отрывали его *от дела*, не только службой, но и глупым обычаем закусывать, обедать, пить чай и ужинать» [Вельтман 1957: 20] (под «делом» здесь понималась карточная игра).

В этом и других фрагментах произведения писатель максимально точно выразил состояние души увлеченного чем-либо, в особенности карточной игрой, человека. Игрок забывает о насущных потребностях, у него пропадает желание принимать пищу. Неудивительно, что герой отказывается и от «глупого обычая» пить чай: чаепитие, как следует из контекста произведения и общего контекста русской литературы и культуры середины века, может являться полноценной обильной трапезой, которую невозможно осуществить «между делом». Традиционный быт, неотъемлемой частью которого является сопровождаемое принятием большого количества пищи чаепитие, становится фоном, на котором разворачиваются приключения Дмитрицкого. Противоречие между поступками героя и бытовым контекстом его жизни показывает степень увлечения игрой и красочно иллюстрирует его образ. При этом герой отвергает не только общепринятые традиции, но и привычки других игроков, – такие, например, как наблюдение за игрой, покуривая трубку, которое не предполагает участия в самом процессе: «Он сердился, что явный недостаток в деньгах прекращал игру и ему ничего не оставалось делать, кроме как сказываться больным и, завернувшись в шинель, лежать враспяжку на одре тоски. Сидеть бездельником подле стола, смотреть, как играют другие, и спокойно покуривать трубочку – на это Дмитрицкий был не способен как оказывается...» [Там же: 21].

Вместе с тем, как оказывается, в представлении Дмитрицкого сосуществование карт и чая вполне возможно. Когда герой приходит отыгрываться в дом пана Желынского, то вовсе не отказывается от предложенного чая:

– Прикажете сливок и сухарей, или с ромом будете пить? У нас ром самый лучший, ямайской.

– С чем хочешь... Поди, поди сюда! [Там же: 26].

Однако этот чай уже не предполагает обильных угощений: он пьется вместе с ромом, а из закуски предлагаются только сухари. Чайно-игровой церемонии аккомпанирует также и табак; при этом не только отбрасываются традиции угощения, но и отвергается «краеугольный камень» русского чаепития – самовар:

– Самовар ставлю!

– Кто тебя просил? дурак!

– Да сами же сказали, чтоб сейчас же самовар был готов.

– Не нужно! здесь есть чай готовый... [Там же].

Таким образом, символическая роль чая как *знака гостеприимства* сохраняет свою значимость для персонажей, однако традиции церемонии максимально упрощаются, что позволяет героям пить чай, не отвлекаясь от игры. Для этого используется противопоставленная самовару заранее подготовленная заварка («чай готовый»). В этом эпизоде между игроками и служанкой Пейсой разворачивается дискуссия, которую можно назвать «трехсторонней межкультурной коммуникацией». Чай с ромом и самовар выступают как традиция *русской* культуры; *польский пан* предлагает «готовый чай», а *еврейская служанка* видит в напитке исключительно *товар*, который стремится дороже продать, не заботясь о его качестве: «...Какой тут жидовский чай – труха! а деньги дерут такие, что...» [Там же]. Показательно, что русская чайная культура в данном эпизоде оказывается только «фоном», не связанным ни с одним из героев произведения: для Дмитрицкого способ употребления или приготовления чая не имеет никакого значения, а обращение к традициям «русского» чаепития (ром, самовар) обусловлено лишь тем, что действие произведения происходит в Российской Империи.

«Еврейский подход» к чаепитию является нормой, характерной для данной местности (город Бердичев), однако автор счел необходимым оставить бытописательный комментарий, потому что «...этой картины, не только живой,

но и писаной, не найдешь даже и в Москве» [Там же: 22]. Сама «картина» выглядит таким образом: «А может быть, пан покушает чего-нибудь? а может быть, пан чай будет пить?... пан с ромом пьет?... а может быть, пан желает что купить?» Только что пан заикнулся, Пейса уже исчезла, прокричала в нос на дворе: «Хаймэ, Хаймэ!» – и еще что-то по-своему, и жидок Хайм бежит в ряды. Глядь, из какой-нибудь лавки крадется Хайм, а за Хаймом из всех лавок бегут Хаймы, Мошки, Иоски, Абрамки и Шлёмки с узлами. Хайм в двери, и все за ним» [Там же].

В подобном *экономическом* ключе концепт «чай» многократно актуализируется на страницах романа. В частности, описывая быт пожилой героини Мавры Ивановны, автор указывает, что аренда угла в год обходилась ей в 20 рублей, в то время как фунт (менее 500 граммов) чая в те же годы стоил 6 рублей [Там же: 34]. Напиток, предназначенный для редких церемоний, оказывался второй статьей расходов Мавры Ивановны. Упоминаются в тексте романа и особые «чайные» деньги, однако на этот раз речь идет не о «чаевых», а о расходах на покупку чая для какого-нибудь торжества, которые составляют половину расходов на остальные угощения («столовые»): «Что вы это, Аграфена Ивановна, не в первый раз мне свадьбу править; случалось отпускать и пудик серебра, не то что дюжину столовых да полдюжины чайных» [Там же: 52].

Национальные особенности чаепития, тесно связанные с *экономическими* характеристиками, становятся лейтмотивом произведения: «На постоялом дворе Федора Петровича угостили по-русски, чем бог послал: сперва чайком с московскими калачами, а потом предложили поужинать щец да жареной говядинки» [Там же: 48]. При этом в описываемом чаепитии находят отражение традиции не только русского, но и иных народов: «Я и чай с маслом чухонским однажды попробовал – очень недурно» [Там же: 99]. Интересно, что если

традиции чаепития народов Российской Империи героями полностью принимаются, то французские обычаи, наоборот, высмеиваются:

– Ваше превосходительство! Французу кондитеру спросить что-то нужно!

– Ну, спроси, что?

– Да что ж мне спрашивать его? – я говорил ему, что самовар еще рано ставить, вода перекипит, так он не слушает меня. А чай будет дрянь, на мне же изволите взыскать... Привез каких-то конфет к чаю, я говорю: что с конфетами чаю не кушают, что нужно белого хлеба, да он и слушать не хочет... Я ему говорю: не за свое, брат, взялся! уж где тебе знать вкус в чаю, не ваш, мусье, продукт... [Там же: 254].

Чай в романе А.Ф. Вельмана оказывается неотъемлемым *атрибутом гостеприимства*, а также указывает на *единство духа* участников чаепития: устами Федора Петровича чаепитие провозглашается как сугубо коллективное времяпрепровождение: «Кто? да это уж жизнь такая, неприятно же врозь пить чай... да добро бы в полдень, а то сегодня я по сю пору чаю еще не пил!» [Там же: 186].

Таким образом, важнейшим напитком, употребляемым героями романа «Приключения, почерпнутые из моря житейского», является чай. Чай стал главной бытовой деталью произведения; являясь бытописателем, автор в мельчайших подробностях отразил культуру чаепития в Бердичеве и Москве, точно подметил отношение к напитку представителей разных национальностей. Через взаимодействие с чаем раскрывается характер главных героев: увлеченность карточной игрой Дмитрицкого, практичность Желынского, хозяйственность Марфы Ивановны, хитрость Пейсы. В произведении актуализируется множество репрезентаций концепта «чай»: *средство межкультурной коммуникации, атрибут дружеского общения, товар, самостоятельная трапеза, элемент роскоши, часть алкогольной культуры,*

атрибут гостеприимства. При этом новым для русской литературы вариантом реализации концепта оказывается обращение к нему как к неотъемлемому *атрибуту карточной игры*.

Внимание исследователя не могут не привлечь репрезентации концепта «чай» в творчестве весьма известного в конце 1840-х – начале 1850-х гг. писателя **М.В. Авдеева**. Произведения этого автора оценивались русской критикой неоднозначно, хотя первые его сочинения, в числе которых был романский цикл «Тамарин», произвели настоящий фурор, а имена героев быстро стали нарицательными.

В повести «Варенька» (1849) – части данного романного цикла – чай упоминается довольно часто. «Мавра Савишна спросила меня, не хочу ли я закусить, и хоть я и отказался и сказал ей, что сейчас только чай пил и закусывал, и честью уверял, что сыт, но она все-таки велела подать водку и завтрак: такая уж была хлебосолка!» [Авдеев 1868: 13] – восторгается Иван Васильевич, от имени которого ведется повествование. В данном эпизоде чай «с закуской» показан в качестве *альтернативы* полноценному приему пищи, причем в качестве основного напитка к завтраку герою предлагается вовсе не чай, а водка. Горячительный напиток представляется повествователю вполне логичным завершением «хлебосольного» завтрака, в то время как «питие чая с закуской» делает прием пищи неполноценным. В этом фрагменте актуализируются две связанных между собой репрезентации концепта: *чай как часть трапезы* и *чай как альтернативная трапеза*, а сам чай – и это стало традиционным для русской литературы – соперничает с алкогольным напитком – водкой.

Прочие упоминания чая в «Вареньке» связаны с воспроизведением сцен *аристократического быта*: «Мы пили чай на террасе. Потом баронесса сказала, что она хочет посмотреть сад. <...> Она как будто была вынута из другой картины, картины иного общества, иного круга, и гармонировала не по единству

с другими лицами, а только по контрасту. Все это пришло мне в голову, пока я, усевшись на четвертом крае стола, пил чай со сдобными домашними булочками и слушал Мавру Савишну» [Там же: 37].

В другой повести М.В. Авдеева «Иванов» (1851), входящую в тот же цикл «Тамарин», чай становится *атрибутом безделья и ни к чему не приводящего размышления*: «Что же делать! Ведь надобно же быть чем-нибудь! Не могу же я сидеть сложа руки, когда всякий встречный на улице имеет право спросить меня, что ты здесь делаешь, когда этот вопрос, наконец, беспрестанно стоит передо мной, когда я должен каждую минуту отвечать на него и себе и другим? <...> Разве, например, не хорошая минута посидеть вечер с вами да поговорить о маленьких вещах, которых всегда так много на душе, провести вечер, как теперь, например, или как мы проводили у вас в деревне: чай на террасе, перед глазами старый сад, деревья неподрезанные...» [Там же: 110].

Чай не просто сопровождает необходимое для души Иванова праздное времяпрепровождение, позволяющее обсуждать духовные проблемы – он делает такой досуг не пустой тратой времени, а в некотором смысле оправданным способом жизни. Герой понимает, что вести беседы за чаем – это благородное занятие, которым вполне можно объяснить безделье. В другом фрагменте этого произведения чай – традиционно для русской литературы – соседствует с табаком: «Несколько времени все сидели молча, каждый о чем-то тихо задумавшись. Только дым сигар и папирос тонкими синеватыми и изгибающимися струями тянулся в камин да душистый желтый чай легко испарялся из стаканов, сквозя в них как чистый янтарь и переливаясь от огня золотистыми красками. Тамарин первый прервал молчание» [Там же: 143].

Разнообразные варианты репрезентаций художественного концепта «чай» находим в творчестве **И.С. Тургенева** – писателя, очень чутко воспринимавшего

свое время и активно воздействовавшего на общественное мнение и вкусы читателей 1850–1860-х гг.

В своих ранних поэтических произведениях – поэмах «Параша» (1843) и «Помещик» (1845) – писатель (в соответствии с традицией русской литературы 1830 – начала 1840-х гг.) запечатлел традиции «сословного» (в данном конкретном случае купеческого) чаепития. В фокусе внимания автора в дальнейшем обычно оказывается другое сословие российского общества – дворянство, однако *дворянское* чаепитие было нераздельно связано с чаепитием *купеческим*: «Уже в первой поэме “Параша” отец героини, “помещик беззаботный”, пьет чай, соблюдая русский купеческий обычай совершать торговые сделки обязательно во время чаепития» [Сокольский, Сокольская 2018: 1]:

Сперва служил, и долго; наконец,
В отставку вышел и супругой плотной
Обзавелся; теперь большой делец!
Живет в ладу с своими мужичками...
Он очень добр и очень плутоват,
Торгуется и пьет чаек с купцами.

[Тургенев 1970: 219]

Таким образом, в поэме И.С. Тургенева проявляется репрезентация концепта «чай», имплицитно присутствующая и в произведениях других писателей рассматриваемого периода, – *атрибут делового общения*.

В связанной художественными принципами с «Парашей» поэме И.С. Тургенева «Помещик» также нашли отражение существовавшие в это время тенденции литературного чаепития:

За чайным столиком, весной,
Под липками, часу в десятом,

Сидел помещик столбовой,
Покрытый стеганым халатом.
Он кушал молча, не спеша;
Курил, поглядывал беспечно...
И наслаждалась бесконечно
Его дворянская душа.

[Тургенев 1982: 153]

Чай представлен в этом тексте как *атрибут вольготной жизни помещика (элемент роскоши)*, при этом чай соседствует с табаком (что в дальнейшем стало для русской литературы традицией).

Разнообразные репрезентации концепта «чай» появляются и в прозаических произведениях И.С. Тургенева, созданных в конце 1850 – начале 1860-х гг. Рекой льется чай и в романе «Дворянское гнездо» (1859). Приглашая к столу, Марфа Тимофеевна говорит Паншину: «А впрочем, станемте-ка лучше чай пить; да на террасу пойдемте его, батюшку, пить; у нас сливки славные – не то что в ваших Лондонах да Парижах» [Тургенев 1859: 43]. Напиток в речи героини ласково называется «батюшкой», что подчеркивает особое значение чая в жизни современников автора. Чай уподобляется отцу – тому, кто дарует человеку жизнь. Традиционно для И.С. Тургенева герои пьют чай со сливками. Несмотря на то что употребление чая со сливками было характерно именно для Англии, героиня противопоставляет «местное» чаепитие «лондонскому» – однако речь, безусловно, идет не о превосходстве традиций русского чаепития над английскими канонами, а о качестве сливок.

На страницах романа упоминается и традиция сугубо русская: «это у нас второй, праздничный чай» [Там же: 107], – говорит Настасья Карповна Лаврецкому. В чем именно заключается «вторичность» и «праздничность» анонсированного чаепития, в тексте не уточняется, однако есть основания

полагать, что гостям предлагается обильная и особо торжественная чайная трапеза, дополняющая ежедневный обыденный распорядок чаепитий. Помпезность церемонии и объем угощений, подаваемых к самовару, являются важными составляющими русской традиции. Подтверждение данному факту находим как на страницах русских классиков, так и в культурологических исследованиях: «Существовала купеческо-помещичья культура чаепития. Это тот самый самовар, и обязательно большое количество сладостей и еды. Из сладостей использовали сахар, мед, варенье, из еды – пироги с разнообразной начинкой (овощи, грибы, ягоды, творог, рыба и мясо), пряники, калачи, бублики» [Коваль 2014: 181].

Герои романа И.С. Тургенева придают значение не только следованию канонам чаепития, угощениям, но и обстановке, в которой подается напиток. В тексте представлено множество *чайных топосов* (дом, терраса, сад), и все они полностью соответствуют национальной традиции, а некоторым уделяется особое внимание: «На другое утро хозяин и гость пили чай в саду под старой липой» [Тургенев 1859: 137]. Вместе с тем на страницах романа чай не только становится финальным аккордом в процессе достижения гармонии с природой, но и сам по себе способен менять настроение героев и ход событий: «Паншину казалось, что он знает ее век, а Лиза, та самая Лиза, которую он все-таки любил, которой он накануне предлагал руку, – исчезала как бы в тумане. Подали чай; разговор стал еще непринужденнее» [Там же: 266]. Напиток был подан в момент наивысшего накала страстей и разрядил обстановку, что позволяет сделать вывод об актуализации в тексте репрезентации концепта *чай как атрибут диалога*.

В романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» концепт «чай» реализуется в традициях русского литературного чаепития, однако вместе с тем «родные» обычаи в тексте противопоставлены «иноземным» («Парижам и Лондонам»). Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что чай показан в романе *как*

способ межкультурной коммуникации. Отдельный акцент автор делает на исключительной роли чая в торжественном застолье: таким образом в тексте романа представлены репрезентации *чай как альтернативная трапеза* и *чай как угощение.* Традиционно важной составляющей тургеневского чаепития оказывается решение за самоваром важных *личных* и *общественных* вопросов, напиток становится неотъемлемым *атрибутом личного или делового общения.* Новаторство писателя выражается и в актуализации понимания чая как *источника гармонии с природой,* характерного прежде всего для традиционной китайской культуры. Чаепитие в саду становится составляющей многих произведений русских писателей второй половины XIX в., однако именно И.С. Тургенев стремится подчеркнуть, что чай пьется не просто в саду, а именно «под липой», чем указывает на умиротворение, воцарившееся в душах героев. Таким образом, в романе возникает новая репрезентация исследуемого концепта – *чай как способ достижения гармонии с природой.*

Чай пьют и герои романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862). В частности, напиток упоминается при описании построенной Николаем Петровичем беседки («беседка» – как и «дом», «терраса», «сад» – еще один русский вариант «чайного топоса»): «Одна только беседка из сирени и акаций порядочно разрослась; в ней иногда пили чай и обедали» [Тургенев 1976: 165]. Таким образом, чай в данном примере ассоциируется с неспешным ритмом жизни консервативного старшего поколения и становится *атрибутом неспешного времяпрепровождения.*

Подобным образом концепт «чай» актуализируется и в другом фрагменте романа: «– Я думаю, чай готов? – промолвила Одинцова.

– Господа, пойдете; тетушка, пожалуйста чай кушать.

Княжна молча встала с кресла и первая вышла из гостиной. Все отправились вслед за ней в столовую. Казачок в ливрее с шумом отодвинул от

стола обложенное подушками, также заветное, кресло, в которое опустилась княжна; Катя, разливавшая чай, первой ей подала чашку с раскрашенным гербом» [Там же: 224–225].

Однако в тех эпизодах, где появляются гости Кирсановых, чаепитие сопровождается накалом страстей:

– Извини, папаша, если мой вопрос тебе покажется неуместным, – начал он [Аркадий], – но ты сам, вчерашнею своею откровенностью, меня вызываешь на откровенность... ты не рассердишься?..

– Говори.

– Ты мне даешь смелость спросить тебя... Не оттого ли Фен... не оттого ли она не приходит сюда чай разливать, что я здесь? [Там же: 166].

Развивая традиции русского литературного чаепития, И.С. Тургенев в романе «Отцы и дети» соединяет чай с его постоянными (для русской литературы конца 1840-х – 1850-х гг.) литературными «спутниками»: табаком, алкоголем, обильными угощениями: «Он налил три бокала и рюмку, провозгласил здоровье “неоцененных посетителей” <...> Когда очередь дошла до варенья, Аркадий, не терпевший ничего сладкого, почел, однако, своею обязанностью отведать от четырех различных, только что сваренных сортов, тем более что Базаров отказался наотрез и тотчас закурил сигарку. Потом явился на сцену чай со сливками, с маслом и кренделями» [Там же: 256]. Интересно отметить, что чай несколько раз упоминается в произведении опять-таки вместе со сливками, а в одном из эпизодов подчеркивается, что герои предпочитали употреблять напиток с холодными сливками.

Таким образом, можно сделать вывод, что в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» концепт представлен в репрезентациях *чай как атрибут размеренной жизни, чай как часть алкогольной культуры, чай как важная составляющая трапезы*. При этом чай традиционно для русской литературы соседствует с

табаком. Ситуация же накала страстей за чайным столом позволяет сделать вывод о том, что в тексте актуализируется и еще одна репрезентация – «*решение вопросов за чаем*».

Традиции «литературного чаепития» в конце 1840-х – 1870-х гг. активно развивал **А.Н. Островский**. В основе его пьесы «Свои люди сочтемся» (1849) лежит классический сюжет русской литературы середины XIX в. – купеческая женитьба. Концепт «чай» в данном произведении показан в традициях литературы предшествовавшего периода («Сватовство» О.М. Сомова, «Черная немочь молодого человека» М.П. Погодина и др.). Чай символизирует устоявшийся уклад, а чайная церемония, как и многие другие купеческие традиции, показываются как *обычаи*, которые новым поколением в полной мере уже не принимаются. При этом чай в сознании отдельных героев интегрируется в общую систему питания и становится для них одним из многочисленных напитков, – хотя и основным.

В пьесе «Свои люди – сочтемся» чай упоминается уже в самых первых репликах героев:

Аграфена Кондратьевна (входя). Так, так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет ни заря, не поемши хлеба Божьего, да уж и за пляску тотчас!

Липочка. Как, маменька, я и чай пила, и вотрушку скушала. Посмотрите-ка, хорошо? Раз, два, три... раз... два... [Островский 2020: 266].

Зрители не видят на сцене ни самовара, ни чашек, однако слышат упоминание этого напитка из уст героини. Примечательно, что чаепитие ассоциируется здесь с «хлебом насущным», – то есть с тем, что непосредственно соотносится с Богом и противопоставлено «греховному» – танцам. При этом в другом фрагменте пьесы Аграфена Кондратьевна уже не связывает чай с приемом пищи: в то время как Рисположенский пьет и закусывает, героини удаляются для того, чтобы испить чай за отдельным столом:

...С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. Вот к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (*Пьет.*)

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдем-ка, чай, уж самовар готов; да покажу я тебе, есть у нас кой-что из приданого новенького» [Островский 2020: 906].

Разумеется, уход героинь продиктован сюжетом: Рисположенскому с Большовым предстоит разговор с глазу на глаз, однако отношение к чаю позволяет раскрыть взгляды героев одновременно и на традиции, и на предстоящее замужество, – ситуацию, лежащую в основе произведения. Липа противопоставляет чай танцам, поскольку для нее актуальные нормы поведения оказываются важнее традиций, символом которых становится данный напиток. Рисположенский, предпочитающий чаю «горячительное», сопровождается обильной закуской, олицетворяет *деловой подход* к решению вопросов, а для Аграфены Кондратьевны и Устиньи, постоянно пьющих чай, традиции являются краеугольным камнем бытия, что проявляется в других их действиях и репликах: «Да чтоб лоб крестил по-старинному» [Островский 2020: 968]. Обе героини являются последователями старообрядческой веры, и потому соблюдение национальных традиций, в том числе традиции чаепития, имеет для них наивысшую ценность.

Вопрос о том, какую роль играет чай в системе питания русского человека, в конце концов встает и перед Большовым: «Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь, а и так-то сидеть одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать» [Там же: 977]. Данная дилемма («закусить» или «выпить чай») включена в монолог героя, в котором действительно звучат вечные вопросы бытия, – например, о скоротечности жизни человека и его земном предназначении. Таким образом, вопрос о порядке питья чая встает в один ряд с *философскими*

вопросами, касающимися *устройства мироздания*, что, как бы это парадоксально ни звучало в контексте пьесы основоположника национального русского театра, восходит к древней *китайской* традиции.

Чай как важнейший атрибут московского купеческого быта возникает и в последующих пьесах А.Н. Островского – например в «Женитьбе Бальзаминова» (1866). В этом произведении чай возникает уже в первой ремарке: «Бальзаминова (пьет чай) и Матрена (стоит у двери)» [Островский 2020: 196]. Напиток упоминается и в самой первой реплике героини пьесы: «Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, после бани-то!» [Там же]. Заметим, что в этой пьесе Островского (практически впервые в литературе) отразилась традиция пить чай после бани, до сих пор чтимая русским народом¹⁸. Необходимо обратить внимание и на то, что в анализируемом фрагменте пьесы ремарка, посвященная чаю, соседствует с характеристикой уровня благосостояния героев: «Бедная комната у Бальзаминовых» [Там же].

Сваха, Акулина Гавриловна Красавина, не чтит традиции чаепития, однако прекрасно понимает, что чай – это упрощенная альтернативная форма трапезы, и это ее не устраивает:

Бальзаминова. Чайку не хочешь ли?

Красавина. Ну его! И без него жарко. Что такое чай? Вода! А вода, ведь она вред делает, мельницы ломает. Уж ты меня лучше ужо как следует попотчуй, я к тебе вечерком зайду [Там же: 203].

Помимо того, что сваха предпочитает чаепитию полноценный прием пищи – даже если чаепитие, как следует из контекста, предполагает некоторое количество еды – на сцене она пьет другой напиток – водку. Герои пьес

¹⁸ Примечательно, что в единственном более раннем упоминании такого чаепития, принадлежащем бытописателю И.Т. Кокореву («Очерки о Москве», 1846), баня была показана как важнейшее (и первое по значимости) место, где в России употреблялся чай: «Его пили после бани, “с устатку”, “с холоду”, “с дороги”» [Кокорев 1959: 104].

А.Н. Островского, предпочитающие водку – в соответствии с традициями, сложившимися в русской литературе – не любят чай. Эту «закономерность» обнаруживаем и в пьесах Гоголя («Ревизор», «Женитьба»), где чаепитие замещалось описанием употребления иных напитков. Определённую ориентацию Островского на творчество Гоголя можно увидеть и в пьесах «Свои люди сочтёмся» и «Женитьба Бальзаминова», где чаепитие изображается в качестве неотъемлемого *атрибута замоскворецкого быта*. Вслед за Гоголем писатель нередко использует подобные сцены для осмеяния отдельных персонажей.

Актуализируется концепт «чай» и в более поздних сочинениях А.Н. Островского. Так, в пьесе «Волки и овцы» (1875) напиток показан в качестве *фона жизни*: наряду с диваном он становится показателем неспешного времяпрепровождения:

Лыняев. Ведь у нас одна беседа: ближних судить. А мне некогда сегодня критикой заниматься, домой нужно.

Мурзавецкая. Ну, да как же! Деловой человек, важные занятия! А приедешь домой, на диван ляжешь, я ведь знаю. Все диваны пролежал, поминутно пружины поправляют.

Лыняев. Положение-то горизонтальное больно заманчиво.

Павлин приносит на подносе чайник, чашку и сахарницу. Анфуса наливает и пьёт вприкуску.

Мурзавецкая (*Анфусе*). Вот тебе и работа, и пей сиди! (*Лыняеву.*) На что это похоже, как ты разбух!

Лыняев. Сердце у меня доброе, и совесть чиста, вот и толстею. Да теперь похудею скоро, забота есть.

Мурзавецкая. Вот редкость-то! Что за забота?

Лыняев. Волка хочется поймать, травленого. На след никак не попаду [Островский 2004: 456].

Образ жизни, выстроенный вокруг чая, роднит героев А.Н. Островского и с героем И.А. Гончарова – Обломовым, однако для первых чай становится делом *сугубо личным*, исключающим вмешательство посторонних людей в описываемый процесс: «Мурзавецкая. Пойдем, и я с тобой. Терпеть не могу из лакейских рук; то ли дело усесться подле самоварчика» [Там же: 465]. Далее в пьесе в тесной связке с рассмотренными репрезентациями встречаем еще одну – *чай как хронометр*:

Чугунов. Встали?

Павлин. Сели чай кушать [Островский 2004: 502].

Подобное обращение к чаю точно указывает собеседнику, насколько давно встал герой и в течении какого времени он сможет приступить к делам.

Наверное, самой известной в драматургии Островского сценой, в которой упоминается чай, можно считать сцену утренней трапезы Кнурова и Вожеватова в «Бесприданнице» (1878):

Кнуров. Нет, что хорошего; люди посмотрят, скажут: ни свет ни заря – шампанское пьют.

Вожеватов. А чтоб люди чего дурного не сказали, так мы станем чай пить.

Кнуров. Ну, чай – другое дело.

Вожеватов (Гавриле). Гаврило, дай-ка нам чайку моего, понимаешь?..
Моего!

Гаврило. Слушаю-с. (Уходит.)

Кнуров. Вы разве особенный какой пьете?

Вожеватов. Да все то же шампанское, только в чайники он разольет и стаканы с блюдечками подаст.

Кнуров. Остроумно [Там же: 8].

В данной сцене, одной из первых в пьесе, проиллюстрировано классическое (для литературы 1840–1860-х гг.) противостояние в русской литературе и культуре употребления двух напитков – *вина* и *чая*; под видом социально одобряемого действия – чаепития – маскируется употребление героями шампанского.

Примечательно, что чай в текстах А.Н. Островского довольно часто противопоставлен *греху* и тем самым соотнесен с православными традициями, *морально-этическими дилеммами*. Данное обстоятельство идет вразрез с известной русской пословицей: «Курить – бесам кадить, а кто пьет чай – спасение не чай». Логично предположить, что подобное противопоставление сопровождало процесс принятия заморского напитка русской культурой: если в эпоху Петра I чай, как и все иноземное, отождествлялся с грехом, то к концу XIX в. оказался противопоставлен реальным порокам – таким, как винопитие.

В поздней драматургии А.Н. Островского, таким образом, воплощение получили следующие репрезентации концепта «чай» – *символ сословных и религиозных традиций, фон жизни, повод для постановки морально-этических проблем, катализатор философских размышлений, чай (чаепитие) как личный, интимный процесс*.

Один из наиболее ярких писателей-разночинцев – **Г.И. Успенский** [Кулешов 1983: 21]. Формируя тенденции, на которые ориентировались в своем творчестве другие писатели-народники (а в дальнейшем развивал такой художник, как В.А. Гиляровский), Г.И. Успенский отразил в очерках народную жизнь, создав при этом «целую систему социально-психологических характеристик, раскрывающих “безобразие” жизни того времени» [Пруцков 1980: 52]. Уже на страницах первого крупного произведения Г. Успенского – цикла очерков «Нравы Растеряевой улицы» (1865) – находим множество сцен чаепития.

Общение персонажей в очерках Г. Успенского непременно происходит за чаем. Вот как описывается общение со знакомым чиновником «молодого малого» – pistolетного мастера по прозванию Прохор Порфирыч: «Сидя где-нибудь в углу в тесной квартирке одного из своих знакомых чиновников, Прохор Порфирыч не спеша прихлебывал горячий чай и не переставая говорил» [Успенский 1955: 8].

Разговор героя с чиновником касается не только конкретных бытовых вопросов, но и общих проблем жизненного устройства:

«Чиновник наливал чай и, указывая Порфирычу на чашку, прибавлял:

– Ну-ко... опрокинь!

Порфирыч брал чашку, садился на прежнее место и продолжал развивать перед чиновником теорию о том, как бы “надо” по-настоящему, “ежели б без полоумства”» [Там же].

Выпив чаю, Прохор Порфирыч углублялся в философию. В рассмотренном эпизоде напиток, место которому находится даже в «тесной квартирке», оказывается не только *атрибутом дружеского общения, важнейшей составляющей гостеприимства и способом организации диалога «представителя власти»* (пусть даже и незначительного по своему статусу) *с представителем «простого народа»,* но и своеобразным *катализатором философской мысли.*

Другая сцена описания чаепития, участником которого оказывается Прохор Порфирыч, также разворачивается в доме чиновника: «Прохор Порфирыч тщательно украсил себя чем мог, <...> и не спеша отправился попить чайку и посидеть к чиновнику Богоборцеву» [Там же: 62]. Подобные закономерности в визитах героя к государственным служащим не случайны: характеризуя Прохора Порфирыча, писатель подчеркивает, что ремесленник не пил спиртного, а потому мог дружить лишь с определенными группами чиновников – слишком старыми

или слишком молодыми – потому как представители этих поколений также были не подвержены пристрастию к горячительному напитку. Пожилые чиновники, по наблюдению Г. Успенского, в силу различных причин не имели сил и возможностей придаваться пагубной привычке, а молодые еще не пристрастились к таковой. Помимо представителей этих двух возрастных групп, в круг общения Прохора Порфирыча входили служащие, так или иначе не вписывающиеся в атмосферу Растеряевой улицы, которые избегали общения с коллегами.

Следовательно, чай – классический для русского текста XIX в. «антагонист» алкоголя – замещая традиционное «топливо» народно-чиновничьей коммуникации, которым обычно являлось спиртное, становится для непьющего героя Успенского способом открытия дверей высоких кабинетов. О том, что сходство героев, с которыми Прохор Порфирыч мог установить тесный контакт, было обусловлено не только возрастом, свидетельствует и их речь: из уст служащих звучат главным образом короткие выкрики, сопровождаемые междометиями. Диалог героев опять-таки связан с чаем – с необходимостью подавать напиток или ускорить темп его потребления:

– Ф-фу, батюшки...

– Жарко-с! – говорил Порфирыч, отирая лицо платком.

– Беда! – сказал хозяин.

Начался вялый разговор, поминутно прекращавшийся за отсутствием всяких новостей. Обоюдные усилия хозяина и гостя завязать разговор были напрасны. Наконец ударили к вечерне.

– Э-э-э! – радостно произнес хозяин. – Самоварчик пора.

– Авдоть! Авдотья-а!.. [Там же: 63].

В общении Прохора Порфирыча с Богоборцевым чай оказывается не только отправной точкой коммуникации, но и ее центром: вне контекста чаепития в

разговоре героев сразу же возникает неловкая пауза, смещение же внимания собеседников на напиток позволяет им выйти из коммуникативного тупика. Примечательно, что хозяин дома Богоборцев, почитающий традиции, привык к тому, что чай подается по расписанию, при этом время чаепития определяется по колокольному звону (то есть соотносится с сакральным контекстом). Еще одна связанная с чаем деталь, позволяющая понять строгий уклад, царящий в доме Богоборцева и демонстрирующая его относительное богатство, – наличие у чиновника специальной посуды, предназначенной для употребления чая: «Хозяин вынимал из шкафа чайную посуду» [Там же: 64]. Литературный, исторический и культурный контекст показывает здесь, что чай сам по себе довольно долгое время продолжал оставаться дорогостоящим напитком, а специальный сервиз вплоть до конца XX в. был в России предметом особой гордости его владельца [Борзова, Гордеева, Чистяков 2013: 173].

Стоит обратить внимание и еще на одну сцену чаепития героев Успенского, где самовар, закипающий в напряженной обстановке, становится *средством охлаждения накала страстей*. Автор обращается здесь к описанию чаепития для того, чтобы, сначала обратив внимание на повисшее в воздухе напряжение, показать, что именно «прихлебывание» чая становится звуком, прерывающим тревожную тишину:

«Стучали часы, бойко кипел самовар. От самовара и от солнца, ударявшего прямо в окна, в комнате делалось душно <...> Гробовое молчание» [Успенский 1855: 67]. Внимание гостей, сконцентрированное на конфликте вокруг курицы, внезапно перемещается на напиток: «Все замирает. Сын начинает опрометью хлебать чай.

– Нет, это Сеня... – тихо говорит дочь» [Там же].

Чай помогает выстраивать социальные связи и другому непьющему обитателю Растеряевой улицы – Семену Ивановичу Толоконникову, однако

особенности характера персонажа не позволяют ему войти в общество чиновников, потому выстроить отношения вокруг чая Семену Ивановичу удаётся лишь с одним-единственным купцом, причем и эту связь нельзя называть прочной: «Из таких людей, в ряду его знакомых, был только один купец, который хотя и допускал его откушать чайку, но особенной важности особе его не придавал» [Там же: 116]. Писатель отмечает, что герой довольствовался и одиночным чаепитием, поскольку такое времяпрепровождение полностью заменяло ему любое общение: «Цалуйся с своим самоваром» [Там же: 135] – однажды заявляет Семену Ивановичу кухарка.

Таким образом, по свидетельству писателя, чай являлся вторым по значимости (после водки) напитком Растеряевой улицы. Чаепитие оказывается важнейшим и единственным для непьющих героев способом выстраивания социальных связей. В тексте произведения актуализируются преимущественно следующие репрезентации концепта «чай» – *атрибут общения, средство налаживания социальных связей и способ решения конфликтов*. В очерках Г. Успенского нашли отражения и другие значимые варианты репрезентации изучаемого концепта – *чай как атрибут гостеприимства, катализатор размышлений, способ демонстрации традиции* (альтернативной «пятичасовой» трапезе, отсылающей к английскому обычаю). Опосредованное воплощение получает в творчестве Г. Успенского и репрезентация чая в качестве *атрибута достатка*.

Репрезентации исследуемого концепта «чай» несколько раз появляются на страницах романа-эпопеи **Л.Н. Толстого** «Война и мир» (1869). Связанные с чаем детали быта, неоднократно упоминаемые в тексте произведения (чайный столик, сервиз и т. п.) дают понять, что в период создания произведения чай являлся неотъемлемой частью жизни русского общества. Художественное пространство романа буквально «пропитано» чаем в высочайшей концентрации, а потому само

описание чаепития представляется излишним – оно является обыденным занятием героев произведения: «Княжна облокотила свою открытую полную руку на столик и не нашла нужным что-либо сказать» [Толстой 1985 IV: 18].

Упоминание чая присутствует и во фрагментах, посвященных войне: в них рассматриваемый концепт актуализируется в духе времени описанных в романе событий – в построенном на антитезах изображении походного быта чай становится *маркером социального благополучия* и «нормальной» жизни: «Офицеры торопливо пили чай и завтракали, солдаты пережевывали сухари» [Толстой 1985 IV: 340]. Полагаем, что данный подход к восприятию и воспроизведению чая вполне соответствует духу времени и может считаться для русской литературы середины XIX в. уже «классическим», однако в «Войне и мире» прослеживается все-таки иная закономерность. Ранее нами выделялись репрезентации концепта «чай», иллюстрирующие особый статус данного напитка: чай представлялся как *дорогостоящий товар, атрибут роскоши и материального достатка*. Однако если в литературе середины XIX в. чай нередко рассматривался в контексте *товарно-денежных отношений*, то актуализация данного концепта в ситуации войны помогает раскрыть *суть* данной репрезентации – как важнейшую тенденцию изображения чая в литературе. Элитарность чая не была связана напрямую с его стоимостью – она определялась прежде всего тем, что это был напиток высших слоев населения – дворян, офицеров и проч.

Яркие репрезентации концепта «чай» появляются и в последующие периоды творчества Л.Н. Толстого – в частности в его драматургии. Напиток многократно показывается в качестве *сценического атрибута* и упоминается в репликах героев пьесы «Власть тьмы» (1886).

Отношение действующих лиц к чаю определяет их здоровье – как физическое, так и духовное. Говоря о состоянии отравленного мужа, Петра,

Анисья отмечает, что даже в таких обстоятельствах чай может быть отвергнут: «А он выпил с чаем-то, да и говорит: мне и чай-то противен. Я говорю: больному все горько» [Толстой 1982 XI: 44]. В другой сцене Петр, любящий горячительные напитки, а значит, с точки зрения автора, подверженный нравственной болезни, в разговоре со строгим в моральном отношении крестьянином Акимом отзывается о чае весьма презрительно, что позволяет говорить об отношении автора к чаю как мерилу духовного здоровья:

Петр. Что ж? Коли так, так до трактира дойти и магарычи. Пойдем, дядя Аким, водочки выпьем.

Аким. Не пью я ее, вино-то, не пью.

Петр. Ну, чайку попьешь.

Аким. Чаем грешен. Чаем, точно.

Петр. И бабы-то чайку попьют. Ты, Микита, смотри, овец-то перегони да солону подбери [Там же: 36].

Примечательным представляется обращение к чаю в разговоре Никиты с отцом, подозревающим о скверном поступке сына:

Аким. Не могу я, значит, тае, в вашем доме, тае, не могу, значит, быть, быть не могу, простите.

Никита. Да куда ж ты от чаю-то?

Аким (*подпоясывается*). Уйду, потому, значит, нехорошо у тебя, значит, тае, нехорошо, Микишка, в доме, тае, нехорошо. Значит, плохо ты живешь, Микишка, плохо. Уйду я.

Никита. Ну, буде толковать. Садись чай пить [Там же: 69].

Отказ от совместного чаепития подается как знак явного неуважения. Поведение сына оказывается для Акима настолько неприятным, что совместная чайная трапеза становится для героя недопустимой; при этом согласие выпить чай может считаться знаком примирения. Никита, указывая на несерьезность

дела, предлагает прекратить разговор и сесть за самовар, не возвращаясь к теме диалога: чай должен стать финальной точкой в бессмысленном, по мнению Никиты, споре: «Садись чай пить, вот и разговор весь» [Там же]. Его отец, наоборот, настаивает на том, что совместная чайная трапеза с плохим человеком может осквернить и его самого, то есть усматривает в напитке не только символическую, но ритуальную составляющую: «Не могу я, значит, тае, чай пить. Потому от скверны от твоей, значит, тае, гнусно мне, дюже гнусно. Не могу я, тае, с тобой чай пить» [Там же].

В пьесе Л.Н. Толстого любовь к чаю соотнесена с *физическим и духовным состоянием героя*. Кроме того, совместное чаепитие не только *символизирует теплые взаимоотношения*, но и несет *сакральный* смысл: чай пьют только единомышленники, конфликтующие герои не могут вместе сидеть у самовара, а чаепитие у недостойного хозяина «оскверняет» гостя.

Таким образом, анализ произведений русской литературы конца 1840-х – 1880-х гг. показывает, что на протяжении рассматриваемого периода в ней активно использовались как сформировавшиеся ранее репрезентации концепта «чай» (*часть трапезы, элемент повседневности, атрибут общения, атрибут дружбы, часть национального уклада, основа уюта и домашнего хозяйства, товар* и др.), так и некоторые новые их варианты (*источник гармонии с природой, символ сословных и религиозных традиций, повод постановки морально-этических проблем, мерло духовного здоровья, часть межкультурной коммуникации, фон философских размышлений, атрибут карточной игры, атрибут безделья, фон жизни, хронометр* и др.).

Появление всех этих многочисленных репрезентаций показывает, что, с одной стороны, концепт «чай» глубоко вошел в жизнь всех сословий российского общества и оказался связан с различными бытовыми аспектами национальной жизни; с другой – стала усиливаться его «знаковая», «символическая»

составляющая, приводящая к возникновению религиозных, морально-этических и философских репрезентаций.

Однако *доминирующими* на данном этапе развития русской литературы становятся репрезентации, связанные с *деловой, экономической, социальной* сферами жизни, когда чай становится важным средством решения проблем (*чай как атрибут делового общения, средство налаживания социальных связей, способ решения конфликтов, чай как товар, чай как коллективное времяпрепровождение, способ измерения времени (хронометр), маркер социального благополучия* и др.) Именно такого типа репрезентации концепта появляются в произведениях А.Ф. Вельтмана, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, Г.И. Успенского, отчасти – Л.Н. Толстого. Эти репрезентации оказываются соотнесены с основной идеей произведений и служат **раскрытию закономерностей социальной жизни** России XIX в.

3.2. И.А. Гончаров: чай как способ межкультурной коммуникации

Описание чаепития, как было показано ранее, появляется во многих произведениях русской литературы XIX в. В середине столетия чай стал не только традиционным напитком, но и важным *элементом сюжета* произведений литературы, *способом характеристики героев*. Художественные функции репрезентаций концепта «чай», их роль в *поэтике* произведений можно проследить на примере произведений И.А. Гончарова.

В романе «Обыкновенная история» (1847) чай упоминается всего один раз: «У ней [Агрофены] горе выразалось по-своему. Она в тот день с ожесточением разлила чай и вместо того, чтоб первую чашку крепкого чаю подать, по обыкновению, барыне, выплеснула его вон: “никому, дескать, не доставайся”, и твердо перенесла выговор» [Гончаров 1997–2004 I: 173]. В этом эпизоде чай, являющийся, казалось бы, малозначительной бытовой деталью, играет роль «горючего» для дальнейшего развития сюжета. Вместе с тем читатель понимает,

что чай – это барский напиток, а выливание драгоценной заварки – поступок отчаянный. При этом наказанием за такое деяние является выговор. Таким образом, в данном фрагменте можно выделить репрезентацию изучаемого концепта *чай как маркер эмоционального состояния героя* в новом, ярком ее воплощении.

Если в конце XVIII в. «этапным» для представления концепта «чай» текстом были «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, то в середине XIX в. таким произведением стал «Фрегат “Паллада”» (1858) И.А. Гончарова. Оба этих произведения сближают некоторые жанровые и сюжетные особенности, внимание авторов к описанию традиций разных народов. «Письма русского путешественника» стали одним из первых произведений русской литературы, в котором оказалась описана культура чаепития: репрезентации концепта «чай», представленные в нем, могли служить основой как для формирования данного лингвокультурного концепта в концептосфере современного русского языка, так и для формирования художественного концепта «чай» в русской литературе последующего периода. В качестве главной особенности изображения чаепития у Карамзина можно назвать то, что автор, описывая быт европейских стран, использовал описание употребления напитка в качестве «зеркала» традиций того или иного региона, то есть своеобразного проявления диалога России с Европой.

Современные литературоведы отмечают, что И.А. Гончаров продуктивно развивает традиции Н.М. Карамзина, и эта преемственность выразилась в идейно-философской концепции «Фрегата “Паллада”»: «Отталкиваясь от «Писем русского путешественника» <...>, Гончаров интерпретирует прогресс в духе философско-просветительских идей восемнадцатого столетия» [Редькин 2010: 400]. Эти произведения сближают и особенности художественной формы, способы художественной презентации описываемых явлений: «Гончаров

продолжает традиции Н.М. Карамзина, используя прием сравнительной дескрипции, возникающий при сравнении хорошо известного, родного, и нового, экзотического» [Белова 2019: 10].

В травелоге «Фрегат “Паллада”» концепт «чай» включается в семантическое поле «еда». «В письмах Гончарова (как и в очерках «Фрегат Паллада») мотив еды <...> актуализируется в те моменты, когда автор сталкивается с чуждой ему культурой, чужими правилами питания (прежде всего, путешествия, жизнь за границей)» [Колягина 2012: 56]. На каждой стоянке фрегата именно обед становился основным событием: будучи ярким проявлением особенностей местного быта, он позволял узнавать чужеземные традиции и культуру. Важнейшую роль в описании гастрономических традиций народов в произведении играет чай, который становится маркером «своего» и «чужого».

Чай упоминается уже на первых страницах «Фрегата “Паллада”». Размышляя о предстоящем путешествии, герой предвосхищает знакомство с чайной культурой других стран. В произведении отразились важнейшие содержательные компоненты концепта «чай»: чай представлен не только как напиток, но и как *уникальное растение*, а также как *результат тяжелого рабского труда* и как *товар*: «Я видел его [“поэтический образ”, сопровождающий путешественника] на песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди тюков чая» [Гончаров 1986: 15]. Приведенная цитата иллюстрирует новый для русской литературы, но традиционный, например, для китайской культуры подход к описанию чая как напитка, который оказывает *благотворное воздействие на состояние тела и души человека*, становясь в сознании автора «спутником» некоего «*поэтического образа*» – обобщенной фигуры *носителя английского культурного кода*, которого можно встретить как в Англии, так и в ее колониях: «И какой это образ! Не блистающий красотой, не с атрибутами силы, не с искрой демонского огня в

глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках» [Там же]. Своим существованием образ свидетельствует об унификации традиций, уничтожающих уклад жизни «дикарей», о чем сожалеет автор. В контексте размышлений путешественника, разочарованного проникновением «английского духа», детали, указывающие на британскую экспансию, не могут быть названы поэтическими, однако он упоминает их с доброй иронией и теплотой, и поэтическую коннотацию образу добавляет именно чай. Примечательно, что в произведении С. Стинга «Englishman in New York», созданном в XX в. и не содержащим колониального подтекста, образ англичанина за пределами Великобритании также представляется автору поэтическим. При этом чай упоминается уже в первой строчке – как напиток, противопоставленный кофе: «I don't drink coffee, I take tea, my dear» [Sting: электронный ресурс].

Автор изображает чаепитие во время обеда на Мысе Доброй Надежды в центре Британской Капской колонии. Описанию обеда предшествует изложение антропологических характеристик жителей Южной Африки и анализ традиций, языка и культуры местного населения. Лишь отдельные детали – преимущественно особенности ландшафта – напоминают путешественнику о том, что он находится далеко от европейской цивилизации, хотя знакомство с городом автор резюмирует словами «та же Англия» [Гончаров 1986: 118]. Присутствие «английского духа» подчеркивают использованные в травелогге топонимы: «Tablemountain» («Столовая гора»), «Lion's head» («Львиная гора»), «Deavil's-pick» («Чертов пик»), названия учреждений («Welch's hotel», «Halfway»), а также диалоги с местными жителями, причем речь персонажей приводится на английском языке (с последующим переводом).

Подобная тенденция проявляется в подробном описании различных обеденных блюд, большинство из которых знакомы путешественнику по

английской части вояжа: «О пирожном я не говорю: оно то же, что и в Англии, то есть яичница с вареньем, круглый пирог с вареньем и маленькие пирожки с вареньем да еще что-то вроде крема, без сахара, но, кажется... с вареньем» [Там же: 121]. Отдельно упоминаются экзотические фрукты, однако автор не описывает их подробно. «Потом стал расставлять перед каждым маленькие тарелки, <...> янтарного цвета виноград и к нему большую хрустальную чашку с водой, груши, гранаты, фиги и арбузы» [Там же].

Множество эмоций и размышлений вызывает у путешественника финал трапезы, во время которого гостям предлагаются напитки: «Тут еще дали кому кофе, кому чаю и записали на каждого за всё съеденное и выпитое, кроме вина, по четыре шиллинга: это за обед. Мне подали чаю; я попробовал и не знал, на что решиться, глотать или нет. Я стал припоминать, на что это похоже: помню, что в детстве вместе с ревенем, мятой, бузиной, ромашкой и другими снадобьями, которыми щедро угощают детей, давали какую-то траву вроде этого чая. В Англии он казался мне дурен, а здесь ни на что не похож. Говорят, это смесь черного и зеленого чаев; но это еще не причина, чтоб он был так дурен; прибавьте, что к чаю подали вместо сахара песок, сахарный конечно, но все-таки песок, от которого мутный чай стал еще мутнее»¹⁹ [Там же: 122].

В главе, посвященной Капштату, автор делает акцент на принципах сервировки, подаваемых блюдах и особенностях «шведского стола»: гости платят за обед из множества блюд фиксированную сумму (четыре шиллинга). В дальнейшем внимание автора переключается на чай, изначально упоминаемый в числе прочих блюд. Смесь зеленого и черного чая оказывается единственным угощением, не знакомым автору, и этот напиток вызывает удивление и отвращение – чувства, описанные с обращенной на себя иронией.

¹⁹ Возможно, это была вовсе не «смесь зеленого и черного чая»: в Южной Африке путешественнику традиционно подают особый местный напиток – *ройбуш*.

Чай становится кульминацией «интернационального» обеда и заставляет героя сравнивать напиток не только с уже знакомыми зарубежными сортами, но и с растительными отварами, характерными для российских широт. Описывая чаепитие, Гончаров обращается к ключевой для произведения антиномии «свое – чужое» и отвечает на вопрос, почему столь велика в жизни человека роль путешествий: потому что оно, считает автор, позволяет лучше понять родную культуру. Герой воспринимает заморский напиток через «призму» чая, который пьют на родине: «Все были дома, сидели около круглого стола и пили микстуру с песком, то есть чай с сахаром. Это пародия на то, что мы пьем у себя под именем чая» [Гончаров 1986: 155]. Ирония автора направлена на оба продукта – африканский и российский, – которые не являются в полной мере «настоящими». На первый взгляд, писатель дает отечественной заварке низкую оценку, однако слова «пародия» и «микстура» применяются к чаю, который герой пробует в Африке. Из этого может следовать вывод, что во время путешествия автор постигает новые истины, но при этом остается приверженцем традиций. Текст не позволяет сделать однозначный вывод о том, что, по мнению автора, все же является «настоящим чаем», а что – «микстурой», однако эталоном представляется то, что герой воспринимает как «свое».

В главе, посвященной Сингапуру, автор вновь сравнивает чай с лекарством: «Чай – микстура с сильным запахом и вкусом – точно лекарственной травы» [Там же: 214]. Такое восприятие не мешает относиться к сингапурскому чаепитию как к важной традиции: «Мы спросили в отеле содовой воды и чаю и уселись наверху, на балконе. Мои товарищи вздумали все-таки идти гулять; я было пошел с ними, но так как надо было идти ощупью, то мне скоро надоело это, и я вернулся на балкон допивать чай. Тут приходило и уходило несколько, по-видимому, живущих в номерах трактира англичан и американцев. Они садились на кресла и обе ноги клали на стол (их манера сидеть), требовали себе чаю и молчали» [Там же].

Сравнивая традиции разных стран, автор описывает чаепитие в Японии: «Вдруг из дверей явились, один за другим, двенадцать слуг, по числу гостей; каждый нес обеими руками чашку с чаем, но без блюдечка. Подойдя к гостю, слуга ловко падал на колени, кланялся, ставил чашку на пол, за неимением столов и никакой мебели в комнатах, вставал, кланялся и уходил. Ужасно неловко было тянуться со стула к полу в нашем платье. Я протягивал то одну, то другую руку и насилу достал. Чай отличный, как желтый китайский. Он густ, крепок и ароматен, только без сахару» [Гончаров 1986: 295]. Автор описывает чаепитие, отталкиваясь от знакомых традиций, – например, упоминает блюдца, являющиеся атрибутом чайного сервиза в России.

Обретенный путешественником опыт позволяет герою в конечной точке маршрута – Японии – сравнивать новые сорта напитка со знакомым «желтым» китайским чаем. При этом чаепитие оказывается не составной частью трапезы или атрибутом дружеской беседы, а самостоятельной *церемонией* – моментом торжественной встречи представителей двух государств. Завершая путешествие, автор резюмирует опыт знакомства с чайными культурами разных стран, показывая относительность человеческих пристрастий:

«Замечу только, что некоторые любители в Китае действительно подбавляют себе в чай цветы или какие-нибудь душистые специи; в Японии кладут иногда гвоздику. Кажется, отец Иоакимф²⁰ тоже говорит о подобной противозаконной подмеси, которую допускают китайцы, кладя в черный чай жасминные, а в желтый [—] розовые листки. Но это уж извращенный вкус самих китайцев <...> Англичане пьют свой черный чай и знать не хотят, что чай имеет свои белые цветы.

²⁰ Архимандрит Иакинф [Бичурин] (1777–1853) – востоковед, автор «Статистического описания Китайской империи», изученного И. Гончаровым до путешествия.

У нас употребление чая составляет самостоятельную, необходимую потребность; у англичан, напротив, побочную, дополнение завтрака, почти как пищеварительную приправу <...> Американцы пьют один зеленый чай, без всякой примеси. Мы удивляемся этому варварскому вкусу, а англичане смеются, что мы пьем, под названием чая, какой-то приторный напиток. Китайцы сами, я видел, пьют простой, грубый чай, то есть простые китайцы, народ, а в Пекине, как мне сказывал отец Аввакум²¹, порядочные люди пьют только желтый чай, разумеется без сахара. Но я – русский человек и принадлежу к огромному числу потребителей, населяющих пространство от Кяхты²² до Финского залива, – я за пекое: будем пить не с цветами, а цветочный чай и подождем, пока англичане выработают свое чутье и вкус до способности наслаждаться чаем *рекое flower*, и притом заваривать, а не варить его, по своему обыкновению, как капусту» [Гончаров 1986: 337].

Анализ чайных пристрастий жителей разных стран становится способом проникновения в национальные традиции. Например, чай «пекое» кажется путешественнику наиболее близким, так как цветы в чае вызывают у него ассоциации с традиционной российской заваркой. Можно отметить, что И.А. Гончаров предвидел изменение вкусов англичан: со временем в Великобритании чай с цветочными добавками стал цениться выше, чем «обычный».

Восприятие чая автор формирует, основываясь на информации, которая ему стала известна во время путешествия. Необходимо отметить, что некоторые факты, связанные с русской традицией, противоречат другим литературным источникам. Принято считать, что в России чай пьют «между делом», запивают им «основные» блюда, на что указывают репрезентации концепта «чай» в русской

²¹ Архимандрит Аввакум [Честной] (1801–1866) – востоковед, участник экспедиции фрегата.

²² Интересно отметить, что восточной точкой отсчёта границ России оказывается не Тихий океан, а «чайная столица» России – Кяхта.

литературе 1800–1855 гг.: «чай как элемент быта» (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский), «чай как часть трапезы» (А.Н. Островский, В.Т. Нарезный), «чай как атрибут дружбы и общения» (И.И. Козлов, М.П. Погодин) [Бурдин 2020: 86]. В произведении Гончарова чай и «чайная культура» становятся поводом для размышлений о жизни народов, иллюстрацией процесса формирования самобытных традиций. Познакомившись с чайной культурой разных стран, автор делает вывод о том, какие традиции ему ближе, что кажется странным и удивительным, а что – понятным и одобряемым.

Такой процесс представляется закономерным. Если Карамзин утверждал концепцию национальной самобытности как средства, демонстрирующего способы преодоления Россией «негативного историко-политического опыта Европы» и сохранения «самобытных черт собственного исторического развития» [Алеврас 2008: 42], то Гончаров был исследователем источников культурологической информации (среди которых были традиции, связанные с приемом пищи). Ключевые репрезентации концепта *чай как средство выражения особенностей национальной культуры* и *чай как способ межкультурной коммуникации* служили авторской идее и способствовали раскрытию замысла произведения.

Репрезентации концепта «чай» в травелоге «Фрегат “Паллада”» были развиты в романе «Обломов» (1859). В «Обломове» концепт «чай» представлен как *неотъемлемая часть светского приема*, который противопоставлен репрезентации *чай как элемент традиционного быта*.

Обломов отвергает высшее общество (по крайней мере, часть его обычаев), а чаепитие оказывается единственной светской привычкой, которую он готов принять. Чайный стол становится «пограничной» зоной между «замкнутым» личным миром героя и «открытым» высшим светом – единственным местом, где герой готов вести общение. Так, Обломов отвергает приглашение Волкова

смотреть балет, однако предлагает ему альтернативный вариант общения – встретиться после спектакля за чаем (репрезентация *чай как средство дружеского общения*): «– Приезжайте вечером чай пить, из балета: расскажете, как там что было, – приглашал Обломов» [Там же: 23]. Традиции такой трапезы не вызывают у героя восторга, и он игнорирует духовную составляющую чаепития: чай для него – это не экзотический, а *повседневный* напиток, который можно пить, не соблюдая каких-либо церемоний (лежа, запивая им булки).

Все это позволяет сделать вывод о близости героев Гончарова и Карамзина: они чтят национальные традиции и исследуют чайную культуру других стран. Мысли, на которые наталкивает героя-путешественника описание чаепития, направлены на глобальное сопоставление «своего» и «чужого» – только мир, с которым встретился Путешественник на фрегате «Паллада», оказался значительно шире, чем мир «Русского Путешественника» Н. Карамзина: он включал не только Европу, но и Африку и Азию. Гипотетическое сходство Обломова с Путешественником на фрегате в контексте отношения к чаю интерпретируется как *возможность духовного перерождения в ходе путешествия*, мотив которого периодически возникает на страницах романа «Обломов»: для того чтобы герой увидел в чае нечто большее, чем повседневный напиток, ему было необходимо отправиться в плавание и познакомиться с традициями разных стран.

Травелог (или «географический роман») И.А. Гончарова «Фрегат Паллада» иногда называют «Путешествием Обломова» [Массон 2016: 22; Энгельгарт 2000: 20]. Взаимосвязь этих двух произведений очевидна: «Мотив путешествия отчетливо проявляется в романе “Обломов”, наиболее близком по времени создания к «Фрегату “Паллада”» [Массон 2016: 22]. Б.М. Энгельгардт называл «Фрегат “Паллада”» «четвертой частью» тетралогии, в которую, по его мнению, также входят романы «Обыкновенная история» (1847), «Обломов» (1859),

«Обрыв» (1869). Литературовед утверждает, что текст «Фрегата» изначально задумывался как продолжение романа «Обломов» [Энгельгардт: 20], а образы автобиографического героя травелога и романа тесно связаны.

Символично, что Илья Ильич Обломов – так же, как и герой «Фрегата Паллада» – являлся ценителем чая. Чай, который пьет Обломов, – в отличие от чая, предлагаемого на стоянках фрегата, – не становится в тексте романа поводом для развернутых рассуждений, однако этот атрибут в описаниях быта помещика занимает в сознании и жизни героя одно из центральных мест, проигрывая лишь дивану. Чай становится таким же спутником Обломова, как и предмет мебели, на котором он проводит большую часть своей жизни, – тем более что герой обычно пьет лежа: «С полчаса он все лежал, мучась этим намерением, но потом рассудил, что успеет еще сделать это и после чаю, а чай можно пить, по обыкновению, в постели, тем более, что ничто не мешает думать и лежа» [Гончаров 1935: 10].

Чай сопровождает Обломова и во сне: «...Он сидит в летний вечер на террасе, за чайным столом, под непроницаемым для солнца навесом деревьев, с длинной трубкой и лениво втягивает в себя дым, задумчиво наслаждаясь открывающимся из-за деревьев видом, прохладой, тишиной» [Гончаров 1935: 10]. Подобный тип репрезентации концепта «чай» (*атрибут картины безмятежной жизни*) встречался в русской литературе и ранее, – например, на страницах поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», в которой грезам о вечернем времяпрепровождении за чаем предавался Манилов; в мечтах этого героя чай оказывался неизменным признаком благополучия.

В «Обломове» представлены и другие типы традиционных для русской литературы репрезентаций концепта «чай», например – *чай как часть алкогольной культуры*: «Перед Иваном Матвеевичем и Тарантьевым стоял чай и бутылка рому» <...> «– Чаю! – мрачно приказывал Иван Матвеевич, и когда половой подал чай и ром, он с досадой сунул ему бутылку назад. – Это не ром, а

гвозди! – сказал он и, вынув из кармана пальто свою бутылку, откупорил и дал понюхать половому» [Гончаров 1935: 483]. Кроме того, чай традиционно соседствует с табаком в качестве *таймкиллера* и *атрибута дружеской беседы*: «Он отпил чай и из огромного запаса булок и кренделей съел только одну булку, опасаясь опять нескромности Захара. Потом закурил сигару и сел к столу» [Там же: 315]. Как и во многих других произведениях русских писателей XIX в., чай в романе «Обломов» служит *неотъемлемой частью трапезы*, и Обломов – как и многие другие герои сочинений писателей XIX в. – запивает им выпечку.

Обломов безразличен к жизни светского общества, однако разделяет модное увлечение чаем, «захватившее» Россию в XIX в. Слуга Обломова Захар обставляет чаепитие как некое «снисхождение» героя к гостям и их привычкам: «Захар на всех других господ и гостей, приходивших к Обломову, смотрел несколько свысока и служил им – подавал чай и проч. – с каким-то снисхождением, как будто давал им чувствовать честь, которою они пользуются, находясь у его барина» [Там же: 99]. При этом сам Обломов какого-либо трепета по отношению к дорогостоящему напитку не испытывает и считает допустимым хранить его вместе с мылом, – более того, настаивает на том, что порядок вещей должен быть именно таким, поскольку сохранность чая представляется для Обломова не таким важным фактором, как удобство и возможность быстро находить необходимые вещи (в числе которых оказывается чай):

«Однажды он пришел и вдруг видит, что мыло лежит на умывальном столике, щетки и вакса в кухне на окне, а чай и сахар в особом ящике комода.

– Это ты что у меня тут все будоражишь по-своему – а? – грозно спросил он. – Я нарочно сложил все в один угол, чтоб под рукой было, а ты разбросала все по разным местам?

– А чтоб чай не пахнул мылом, – кротко заметила она [Анисья, жена Захара]» [Там же: 291].

Таким образом, в романе «Обломов» актуализировались уже ставшие классическими для русской литературы репрезентации концепта «чай»: *элемент быта, часть алкогольной культуры, часть трапезы*. Однако в данном произведении присутствуют и другие – более «современные» – типы репрезентаций концепта: второй раз в русской литературе появляется репрезентация «чай как атрибут картины безмятежной жизни, впервые обнаруженная в поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголя. Наиболее ярко в романе актуализирована репрезентация чая в качестве *атрибута светского приема*, которая становится для произведения ключевой.

Чай неоднократно упоминается в романе И.А. Гончарова «Обрыв» (1869). Петербургская жизнь в произведении противопоставлена жизни «не разбуженной цивилизацией» Малиновки, где расположено имение героя. Все упоминания чая в тексте романа оказываются связанными с бытом именно этого поместья.

Интерьер кабинета Татьяны Марковны описывается таким образом: «На виду красовались старинные саксонские чашки, пастушки, маркизы, китайские уродцы, бочкообразные чайники, сахарницы, тяжелые ложки. <...> Еще там был круглый стол, на котором она обедала, пила чай и кофе, да довольно жесткое, обитое кожей старинное же кресло, с высокой спинкой рококо» [Гончаров 1997-2004 VII: 60]. Чайный стол оказывается объединяющим центром роскошного кабинета Татьяны Марковны, вокруг которого располагаются разнообразные предметы, связанные с восточной и западной культурой, а само чаепитие становится способом пересечения исконно русского быта с современными модными столичными веяниями. Чай обретает символическое значение, а чайный стол становится тем местом, где возможен диалог разных, непохожих друг на друга героев (Райский, Вера, Татьяна Марковна, Марфенька, Опенкин, Бережкова): «Чай он пил с ромом, за ужином опять пил мадеру, и когда все гости

ушли домой, а Вера с Марфенькой по своим комнатам, Опенкин все еще томил Бережкову рассказами о прежнем житье-бытье в городе» [Там же: 324].

За общей чайной трапезой у Бережковых собираются не только «городские» и «деревенские» персонажи-дворяне, но и представители многих других сословий: «Чай и кофе пила, непосредственно после барыни, Василиса, потом горничные и пожилой Яков» [Там же: 63]. При этом – как стало уже традиционным для русской литературы – чай «соседствует» с кофе и в некотором смысле «конкурирует» с вином: «Кучерам, дворовым мужикам и старосте в праздники подносили по стакану вина, ради их тяжелой работы» [Там же]. Как следует из ранее приведенного фрагмента, носители «столичной» культуры употребляют чай вместе с алкоголем, а «мужики» пьют вино, и уже без чая. Из текста романа становится понятным, что чай, как и сахар, в этот период продолжал оставаться в России довольно дорогим продуктом: «Он [Тит Никонич] же сообщал Татьяне Марковне, что сахар подешевел в Нижнем, чтобы не обманули купцы, или что чай скоро вздорожает, чтоб она заблаговременно запаслась» [Там же: 70]. В какой-то момент в рассуждениях героя культурологический аспект концепта «чай» полностью объединяется с аспектом *экономическим* и даже *политическим*: «А вот теперь Амур там взяли у китайцев; тоже страна богатая – чай у нас будет свой, некупленный: выгодно и приятно... – начал он опять свое» [Там же].

Таким образом, в романе И.А. Гончарова «Обрыв» чай занимает существенное место. Отношение героя к чаю способствует раскрытию его внутреннего мира; сам напиток объединяет героев, а чайный стол становится точкой пересечения разных культур и сословий. В романе присутствуют следующие репрезентации концепта: *чай как атрибут общения, чай как часть алкогольной культуры, чай как элемент роскоши, чай как товар.*

Репрезентации концепта «чай» во всех рассмотренных произведениях И.А. Гончарова объединяет связь с национальной культурой и бытом. Практически все использованные писателем репрезентации концепта уже появлялись в русской литературе ранее – в произведениях Н.В. Гоголя, А.Н. Островского. И.С. Тургенева и других рассмотренных нами писателей. Одновременно И.А. Гончаров воспроизвел репрезентацию, впервые появившуюся в XVIII в. в книге А.Л. Леонтьева «Уведомление о чае и шелке» – *чай как результат тяжелого труда* и ввел в литературу новый вариант репрезентации концепта – *чай как спутник поэтического образ автора – обобщенного носителя английского культурного кода*, опосредованно соотнесенный с «восточной» культурой. Однако наиболее значимой для творчества писателя стала репрезентация ***чай как способ межкультурной коммуникации***, реализованная в «географическом романе» «Фрегат “Паллада”», которая развивала традицию «диалога культур», заложенную в «Письмах русского путешественника».

3.3. Ф.М. Достоевский: чай как показатель дисгармонии мира

Совершенно особое место чай занимает в произведениях Ф.М. Достоевского. Писатель обращается к концепту «чай» рекордное для литературы изучаемого периода количество раз: чаепитие включено в текст практически всех его сочинений. Каким бы ни был контекст, обстановка вокруг героев, одно оставалось неизменным – везде их сопровождает чай, который становится своеобразной *константой* произведений автора.

Сам Ф.М. Достоевский был истинным ценителем напитка, и эту страсть отразили в своих воспоминаниях многие из его современников. «Отец любил сам разливать чай и всегда пил очень крепкий чай. Он выпивал два стакана и брал третий с собой в кабинет, где пил его во время работы небольшими глотками»

[Фокин 2016: 21], – отмечает дочь писателя Любовь Федоровна, описывая распорядок его дня. М.А. Александров, метранпаж издательства, где печатался Ф.М. Достоевский, представлял питье чая как своеобразный ритуал, являвшийся органичной частью творческого процесса: «Чай Федор Михайлович пил крепкий и сладкий, по несколько стаканов, сидя за своим письменным столом, ходя за каждым стаканом через залу в столовую, где стоял самовар и чайный прибор, и наливал его себе сам» [Фокин 2007: 14].

Со своеобразным «чайным ритуалом» писателя оказывалось сопряжено использование другого, уже укрепившего свои позиции в России, иноземного продукта – *табака*: «Сидя за чаем, Федор Михайлович или пробежал газеты, или набивал себе папиросы-пушки из желтой маисовой бумаги... Курил он довольно много...» [Фокин 2007: 12]. Любил писатель и кофе, причем питье кофе также сопровождал определенным ритуалом: он всегда употреблял его в тишине и одиночестве. Тем не менее, как современники, так и биографы Ф.М. Достоевского утверждали, что из всех трех продуктов особую позицию – как в жизни, так и в творчестве писателя – занимал именно чай.

Художественные функции бытовых деталей в произведениях Ф.М. Достоевского неизменно привлекают внимание исследователей. Одним из прямых или косвенных результатов научных изысканий, посвященных данной проблеме, является признание того, что наиболее значимые детали в произведениях писателя связаны с чаепитием героев. Исследователь О.А. Деханова посвятила ряд работ изучению художественной детали в творчестве Ф.М. Достоевского. Предметом анализа при этом стали разнообразные бытовые нюансы, нашедшие отражение в текстах писателя. Так, в статье «Отражение ольфакторных традиций второй половины XIX века в произведениях Ф.М. Достоевского» написанной исследователем в соавторстве с

нутрициологом М.Е. Дехановым, были рассмотрены «ароматические» детали, которыми изобилуют сочинения писателя [Деханова, Деханов 2016].

Другой подход к интерпретации художественных деталей, предложенный О.А. Дехановой, был реализован в работе «Прочсть Ф.М. Достоевского глазами его современников. Один из аспектов современных комментариев» [Деханова 2018]. В данном труде исследователь концентрируется на тех художественных деталях произведений Ф.М. Достоевского, которые могли быть интерпретированы лишь современниками автора. Современному читателю не всегда понятны реалии XIX в. и знаковый смысл отдельных атрибутов ушедшей эпохи нередко утрачивается. О.А. Деханова считает использование тех или иных деталей очень значимым художественным приемом творчества Ф.М. Достоевского, и потому предлагает не пренебрегать неясными современному читателю моментами, а использовать для их понимания комментированное чтение, позволяющее реконструировать картину мира современника писателя. «Венцом» всех деталей в произведениях Ф.М. Достоевского исследователь справедливо считает элементы «гастрономического» текста, важнейшим из которых оказывается чай.

В работе «Комментарии к “гастрономическому языку” Достоевского как необходимый инструмент “медленного чтения”» ученый подчеркивает важность как самих «пищевых» деталей в исследуемых произведениях, называя рассмотрение гастрономического текста «необходимым», так и значимость конкретных эпизодов чаепития, что делает «чай» одним из ключевых слов. «Особое положение среди гастрономического антуража текстов Достоевского занимает тема чая. Вернее, тема чаепитий, так как в большинстве случаев речь идет не о свойстве чая как такового, а именно о процессе его употребления» [Деханова 2018: 42].

О.А. Деханова отмечает: «Систематизировать упоминания чая и чаепитий у Достоевского достаточно сложно» [Там же: 44], однако предлагает некие выводы, показывающие символическую сущность чаепития в творчестве писателя. Так, чай О.А. Деханова связывает с такими антиномиями как «жизнь – смерть», «дом, семья – бездомность, одиночество» и др. При этом чай и организованная чайная церемония ассоциируются с жизнью в доме, с теплым общением в кругу семьи; отсутствие чая – со смертью, а нарушение чайных традиций – с утратой семьи и дома.

Исследователь обращается к анализу «карты напитков» русской литературы – сосуществованию и конкуренции чая и алкоголя. Об этой тенденции О.А. Деханова пишет как в работе, посвященной «гастрономической детали», так и в специальном труде «Театр трапезы и винная карта в романе «Братья Карамазовы».

Результатом обращения ученых (в том числе О.А. Дехановой) к исследованию концепта «чай» в творчестве Ф.М. Достоевского стало детальное определение места чая в системе ценностей и пищевых традициях героев произведений писателя. Принципиальным итогом анализа является выделение репрезентации концепта *чай как показатель достатка* в качестве основной. Именно в подобном ключе чаще всего актуализировался изучаемый концепт в творчестве Ф.М. Достоевского, при этом упоминание чая в контексте *социального неравенства* всегда присутствовало в наиболее значимых для развития сюжета моментах.

Концепт «чай» играет важную роль в повести «Записки из мертвого дома», написанной в 1860–1861 гг. В основу произведения Ф.М. Достоевский положил описание своего пребывания на каторге в Омске в 1850–1854 годах. Отсутствуют основания полагать, что в эту эпоху в местах заключения существовала какая-то

особая чайная культура; если она и складывалась, то параллельно с формированием общих традиций русского чаепития.

Исходя из текста произведения, сложно сказать, насколько популярен был чай в остроге, однако тот факт, что чай в условиях каторги представлял огромную ценность как для главного автобиографического героя, дворянина Горянчикова, так и для других персонажей, отрицать невозможно. В середине XIX в. чай продолжает оставаться дорогостоящим товаром, соответственно в остроге он был доступен незначительному числу арестантов. Тем не менее в повести чай фигурировал в списке основных продуктов, потребляемых заключенными.

«Таким образом, они проносили табак, кирпичный чай, говядину, калачи и проч. и проч., кроме только разве одного вина» [Достоевский 1982 III: 74], – пишет Ф.М. Достоевский о продуктах, приносимых в острог с «базара». Эти строки дают основания предположить, что речь идет о том или ином восточном, предположительно китайском, чае, – либо поставляемом в брикетах («кирпичах»), либо имеющем красный («кирпичный») оттенок при заварке (то есть, скорее всего, имелся в виду чай, относимый по китайской классификации к категории «пуэр»). Примечательно, что здесь – как и в других фрагментах повести – чай упоминался рядом с «вином», точнее запрещенной в остроге водкой, которая, несмотря на этот статус, служила стержнем всей жизни каторги – как экономической, так и духовной.

Если «вино» в «Записках из мертвого дома» – это контрабандный товар, описанию оборота которого посвящены огромные фрагменты текста, то «чай» в произведении – это прежде всего напиток. «Вино» в романе не пьет главный герой; казалось бы, не пьют «вино» и другие персонажи – они только «копят» на него – заказывают, покупают, нивелируют последствия возлияния. Питие же чая является существенной частью жизни главного героя в остроге, пьют чай и другие персонажи.

В «Записках из мертвого дома» можно выделить два основных варианта восприятия чая героями – чай предстает в повести и как *неотъемлемый элемент быта*, и как *показатель достатка*.

Интерпретация чая в качестве необходимого и общепризнанного компонента каторжного быта предлагается, например, при описании первых дней пребывания героя на каторге: «Между прочим, они научили меня, что должно иметь свой чай, что не худо мне завести и чайник, а покамест достали мне на подержание чужой и рекомендовали мне кашевара, говоря, что копеек за тридцать в месяц он будет стряпать мне что угодно, если я пожелаю есть особо и покупать себе провиант...» [Там же: 30].

С другой стороны, в контексте осторожной жизни чай интерпретируется и как *элемент роскоши*, признак идеализируемой каторжниками «городской жизни»: «Ишь, дома лаптем щи хлебал, а здесь чай узнал; господского питья захотелось, – проговорил мрачный арестант» [Там же: 38]. В другом фрагменте произведения чай также показан как знак особого статуса дворянина: «Скажите, пожалуйста, – продолжал я расспрашивать поляка, – ведь вот они тоже едят свое кушанье, а я пью чай. А между тем они смотрят, как будто завидуют за этот чай. Что это значит? – Это не за чай, – отвечал поляк. – Они злятся на вас за то, что вы дворянин и на них не похожи» [Там же: 38–39]. Именно эта сторона «осторожного чаепития» получает в повести дальнейшее развитие.

За счет возможности пить чай и угощать им других Горянчиков обретает в глазах арестантов особое уважение, а совместное питье чая позволяет герою избежать одиночества: «Петров был отменно доволен, выпил, крякнул и, заметив мне, что я совершенно оживил его, поспешно отправился в кухню, как будто там без него чего-то не могли решить. Вместо него ко мне явился другой собеседник, Баклушин (пионер), которого я еще в бане тоже позвал к себе на чай» [Там же: 127]; «Я пробовал было расспрашивать и разузнавать об них у Аким Акимыча, с

которым очень любил пить чай, чтоб не быть одному. Мимоходом сказать, чай, в это первое время, был почти единственною моею пищею. От чаю Аким Акимыч не отказывался и сам наставлял наш смешной, самодельный, маленький самовар из жести, который дал мне на поддержание М. Аким Акимыч выпивал обыкновенно один стакан (у него были и стаканы), выпивал молча и чинно, возвращая мне его, благодарил и тотчас же принимался отделявать мое одеяло...» [Там же: 88]. Чай становится на каторге и *предметом своеобразного натурального обмена*: «Помолившись, Аким Акимыч подошел ко мне и с некоторою торжественностью поздравил меня с праздником. Я тут же позвал его на чай, а он меня на своего поросенка» [Там же].

С чаем в произведении неразрывно связана и другая «барская» сторона пребывания героя в остроге. В процессе приготовления чая и самого чаепития окружающие персонажа люди прислуживают ему, – как в качестве особого «знака уважения», так и в виде оказания «платной услуги»: «Пробил барабан, и все отправились на работу, а я остался дома. Сушилов в это утро встал чуть не раньше всех и из всех сил хлопотал, чтоб успеть приготовить мне чай. Бедный Сушилов! Он заплакал, когда я подарил ему мои арестантские обноски, рубашки, подкандальники и несколько денег» [Там же: 301]; «Только что Чекунов подал мне чай (мимоходом сказать, на палатной воде, которая приносилась разом на целые сутки и как-то слишком скоро портилась в нашем воздухе), отворилась с некоторым шумом дверь, и за усиленным конвоем введен был только что наказанный шпицрутенами солдатик» [Там же: 176].

Первоначальное неприятие героями Горянчикова и соответствующего статусу его «барского» облика усиливается при помощи упоминания о «роскошном напитке» на его столе: «На этот счет простой народ вовсе не так щепетилен и чутко умеет различать дело. Устьянцеву не понравился собственно я, не понравился ему мой чай и то, что я и в кандалах, как барин, как будто не

могу обойтись без прислуги, хотя я вовсе не звал и не желал никакой прислуги» [Там же].

Большой ценностью являлся в остроге не только сам чай, но и, как следует из приведенных отрывков, другие «компоненты» чаепития. «Платной» в каторжном госпитале могла оказаться даже наиболее чистая и пригодная для заварки чая вода. «Платной» была и теплая вода в бане, так как большинство арестантов обходились «бесплатной» холодной. Такие предметы, как самовар и посуда, были самодельными, сконструированными из других вещей или требующими серьезных усилий для поддержания своего функционала.

В повести описывается не только процесс создания, обретения и ремонта чайных принадлежностей, но и их хранения: «В низу столика была еще полка: там сохранялись у пивших чай чайники, жбаны с квасом и прочее; но пивших чай между больными было очень немного» [Там же: 171]. Интересно отметить, что по отношению к «чайнику» употребляется глагол «завести» (в отличие от традиционного «приобрести»), а по отношению «к самовару – глагол «держатъ» (в отличие от традиционного «иметь»). Это свидетельствует о том, насколько ценными были для героев предметы чайной утвари. С этой точки зрения показателен и тот факт, что, помимо основного значения глагола «держатъ», В. Даль приводит следующие – «содержать, иметь, хранить» [Даль 2000: 209], а значение слова «заводный» определяется им как «имуций, достаточный» [Там же: 250].

Чай в «Записках из мертвого дома» Ф.М. Достоевского является одним из ключевых концептов произведения. Этот напиток упоминается в тексте чаще любого другого продукта, его ценность особенно ощутима в контексте повести, сюжет которой разворачивается на каторге в Омске. В тексте чай имплицитно противопоставлен «вину»:

	Чай	«Вино»
Периодичность употребления	Ежедневно	По праздникам, церковным и «личным»
Состав пьющих	Поодиночке, в небольшой компании	Поодиночке
Легальный статус	+	–
Высокая цена	+	+
Популярность	+	+
Качество	?	–
Пьет главный герой	+	–
Наличие особых традиций питья в условиях каторги	–	+

Из напитков, помимо чая и «вина», в «Записках из мертвого дома» упоминается квас, однако подробное описание использования кваса в тексте отсутствует: можно лишь предполагать, что он являлся повседневным напитком тех, кто не пьет чай. О кофе в произведении ничего не сказано. Таким образом, возникает новая репрезентация концепта – *чай как привычка*. Питание чая героем на каторге не продиктовано обстановкой, традициями, окружением – герой выбирает чай из ряда других напитков, чай сопоставлен с прочими распространенными привычками арестантов – такими, как курение табака – и собственными привычками Горянчикова – например, мыться в бане в теплой, а не в холодной воде, как это делают другие герои.

В «Записках из мертвого дома» чай соотнесен с едой, а чаепитие может рассматриваться как *альтернативная трапеза*: чай становится «единственной пищей» героя или является дополнением к другим блюдам. Чай многократно упоминается в ряду таких продуктов, как «калачи», «говядина», «поросенок». Таким образом, на первый план в «Записках из мертвого дома» выходит

традиционная для русской культуры репрезентация исследуемого концепта *чай* как *трапеза*. Особое звучание в «каторжном» контексте приобретает репрезентация *чай* как *показатель достатка*, реализованная через противопоставление: состоятельные герои здесь пьют заморский напиток не в привычной обстановке, а в окружении тех, кто не может себе этого позволить. Отношение к чаю является важной характеристикой того или иного героя. В этой связи возникает еще одна традиционная для литературы рассматриваемого периода репрезентация – *чай как товар*, являющаяся одной из трех (растение, товар, напиток) ключевых ипостасей в лингвокультурном концепте «чай». Причем в «Записках из мертвого дома» чай часто выступает не просто как обычный *товар*, но как товар, предназначенный для *натурального обмена* с целью расчета между арестантами за другие продукты, изделия и услуги. Кроме этого, чай традиционно является *элементом дружбы* и *атрибутом общения*: за чаем герои разговаривают, входят друг другу в доверие.

Многократная актуализация концепта «чай» в «Записках из мертвого дома», наряду с другими представленными в настоящем исследовании концептами – такими, как «вино», «табак», «пища», а также, например, «карты» – служит для выражения важной авторской идеи. Ф.М. Достоевский стремится передать пребывание на каторге в максимально светлых тонах, чтобы таким образом шокировать читателя, призвать его к сравнению каторжной жизни с жизнью вольной. В адресованном Н.В. Медному письме от 20 сентября 1860 г. Ф.М. Достоевский писал: «Одним словом, полная, страшная, настоящая мука царилла в остроге безвыходно. А между тем (я именно хочу это высказать) поверхностному наблюдателю или иному белоручке с первого взгляда жизнь каторжника могла бы показаться даже иной раз отрадною» [Якубович 1999: 532].

Лейтмотивом произведения являются размышления автора о *ценности свободы*. Противопоставляя полную трудностей и лишений жизнь русского

человека на свободе относительно комфортному пребыванию арестанта на каторге, автор выражал «мысль о свободе как основном, необходимом условии человеческого существования» [Там же: 533]. Именно в отсутствие свободы, а не тех или иных материальных благ, автор видит трагедию арестанта и доносит до читателей эту идею, привлекая порой абсурдное противопоставление двух миров через призму нескольких знаковых концептов, одним из которых являлся чай.

Подобным образом концепт «чай» был представлен в другом произведении Ф.М. Достоевского – «Преступлении и наказании». Данный концепт на этот раз не актуализировался в Эпилоге, посвященном каторге, однако в основном тексте произведения играл весьма значимую роль. Как и в «Записках из мертвого дома», чай возникает в романе на стыке роскоши и нищеты, при встрече героев разного социального положения и достатка. Как отмечают исследователи, подобные репрезентации концепта «чай» вполне соответствовали атмосфере современного Ф.М. Достоевскому Петербурга: «В Петербурге полюса сословности превращались, если можно так выразиться, в курьезы сословности, и эту тонкую культурно-психологическую дифференциацию в будничном самосознании и поведении петербуржцев Достоевский воспроизвел с летописной поэтической точностью» [Владимирцев 1990: 83].

Впервые чай в «Преступлении и наказании» появляется как фоновая деталь в описании дома Мармеладова: «Дверь в дальнейшие помещения или клетки, на которые разбивалась квартира Амалии Липпехель, была приотворена. Там было шумно и крикливо. Хохотали. Кажется, играли в карты и пили чай. Вылетали иногда слова самые нецеремонные» [Достоевский 1982 IV: 26]. Чай пьют не в самом жилье Мармеладова, а в квартире его более состоятельных соседей.

Чай возникает при повороте сюжета романа, – в момент встречи Лизаветы Ивановны с мещанами, при этом концепт «чай» выражен не напрямую, а через включенное в семантическое поле «чай» слово «самоварчик»:

– И самоварчик поставим, – прибавила жена.

– Хорошо, приду, – проговорила Лизавета, все еще раздумывая, и медленно стала с места трогаться [Там же: 63].

Данному эпизоду предшествует описание жизни Лизаветы Ивановны с сестрой, старухой-процентщицей Аленой Ивановной: автор сравнивает положение Лизаветы Ивановны с рабством: «Это была высокая, неуклюжая, робкая и смиренная девка, чуть не идиотка тридцати пяти лет, бывшая в полном рабстве у сестры, работавшая на нее день и ночь...» [Там же]. Ф.М. Достоевский отмечает, что сестра не спешила делиться богатствами с Лизаветой Ивановной, и даже по завещанию ей не полагалось ничего, поэтому героиня была весьма небогата. В этой связи акцент, сделанный гостями на самоваре, выглядел вовсе не как дань этикету, – наоборот, готовность поставить самовар предстает как жест особого гостеприимства. Нельзя утверждать, что этот жест был решающим для героини, а впоследствии и для всего сюжета романа, тем не менее в тексте он выступает как финальный аккорд, побудивший Лизавету Ивановну отправиться на судьбоносную встречу.

Чай неоднократно возникает и в комнате самого Раскольникова, причем напиток попадает к главному герою прямо с хозяйского стола.

«– Вставай, чего спишь! – закричала она над ним, – десятый час. Я тебе чай принесла; хошь чайку-то? Поди отошчал?»

Жилец открыл глаза, вздрогнул и узнал Настасью.

– Чай-то от хозяйки, что ль? – спросил он, медленно и с болезненным видом приподнимаясь на софе.

– Како от хозяйки!

Она поставила перед ним свой собственный надтреснутый чайник, с спитым уже чаем, и положила два желтых кусочка сахару» [Там же: 30].

Когда такой чай подают Раскольникову впервые, он удивляется. Однако в дальнейшем герой привыкает к этому напитку в своем меню. Следует отметить, что этот чай все же отличается от того, который пила хозяйка квартиры. В романе он характеризуется как «спитой», то есть заваренный повторно. Исходя из того, что автор уделяет этой детали внимание, можно предположить, что сорт чая, который пили герои, не был предназначен для многократной заварки, то есть Раскольникову подавали своего рода неполноценный напиток. «Он спал необыкновенно долго и без снов. Настасья, вошедшая к нему в десять часов на другое утро, насилу дотолкалась его. Она принесла ему чаю и хлеба. Чай был опять спитой и опять в ее собственном чайнике» [Там же: 68]. Несмотря на то что Раскольников может позволить себе только повторную заварку хозяйского чая и не имеет собственного чайника (а личный чайник и самовар, как заметил Ф.М. Достоевский в «Записках из мертвого дома, старались иметь даже на каторге), этот напиток постепенно становится для него привычным, и первый вопрос, заданный спящему Раскольникову Настасьей, был именно о чае:

– Чаю-то хошь?

– После, – проговорил он с усилием, смыкая опять глаза и оборачиваясь к стене. Настасья постояла над ним [Там же].

В данном фрагменте чай становится не только бытовой, но и важной художественной деталью: остывший чай подчеркивает безразличие Раскольникова к окружающей действительности:

Она вошла опять в два часа с супом. Он лежал как давеча. Чай стоял нетронутый. Настасья даже обиделась и с злостью стала толкать его.

– Чего дрыхнешь! – вскричала она, с отвращением смотря на него. Он приподнялся и сел, но ничего не сказал ей и глядел в землю.

– Болен аль нет? – спросила Настасья, и опять не получила ответа.

– Ты хошь бы на улицу вышел, – сказала она, помолчав, – тебя хошь бы ветром обдуло. Есть-то будешь, что ль?

– После, – слабо проговорил он, – ступай! – и махнул рукой.

Она постояла еще немного, с состраданием посмотрела на него и вышла.

Через несколько минут он поднял глаза и долго смотрел на чай и на суп. Потом взял хлеб, взял ложку и стал есть [Там же].

Отметим, что заботу Настасьи о Раскольникове, вызывающую у него поначалу искренне удивление, автор подчеркивает неоднократно. Столкнувшись с безразличием квартиранта, не понимая истинных причин такого состояния Раскольникова, Настасья испытывает целую гамму чувств – сострадание, обиду и злость. *Чай как знак заботы*, заботы, способной соседствовать с целой гаммой чувств – важная репрезентация концепта «чай», использованная в романе Ф.М. Достоевского.

Заметим, что остывший или не вовремя поданный чай позволяет соотнести собственное субъективное ощущение времени героями с художественным временем романа. Раскольников не замечает, как остывает чай, поданный Настасьей, а Катерина Ивановна забывает вовремя подать чай к концу поминок: «Соня вспыхнула, а Катерина Ивановна вдруг расплакалась, тут же заметив про самое себя, что она слабонервная дура и что уж слишком расстроена, что пора кончать, и так как закуска уж кончена, то разносить бы чай» [Там же].

В дальнейшем упоминание о чае вновь появляется в похожем контексте. Утром после убийства старухи-процентщицы, когда Раскольникова вызывают в полицию, герой отказывается от предложенного Настасьей чая:

– Чаю бы выпил? Хошь, что ли? Принесу: осталось...

– Нет... Я пойду: я сейчас пойду, – бормотал он, становясь на ноги [Там же: 92].

Раскольникову предлагается чай с хозяйского стола, и Настасья подчеркивает, что это недопитые «остатки». При этом репрезентация концепта «чай» здесь оказывается в чём-то созвучной китайской чайной культуре, в которой чай рассматривается как универсальный *источник сил и здоровья*. Не зная об истинных причинах тяжёлого состояния героя, Настасья предполагает, что чай может помочь Раскольникову преодолеть упадок сил. Настаивая на том, чтобы он выпил чай, Настасья беспокоится:

– Поди, и с лестницы не сойдешь?

– Пойду...

– Как хошь [Там же].

Совершенно иначе чай воспринимается Раскольниковым в обстановке трактира, куда он приходит накануне убийства, одолжив у Алены Ивановны очередную сумму денег: «Он спросил чаю, сел и крепко задумался. Странная мысль наклеывалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его» [Там же: 65]. Здесь Раскольников уже сам заказывает чай, предпочитая его другим, более привычным для трактира напиткам. Разумеется, в трактире ему подают не «спитой» чай и не остатки заварки. Чай помогает ему сосредоточиться на обдумывании плана убийства. В этом же трактире чай пьют студент и офицер, также обсуждающие старуху-процентщицу: «Почти рядом с ним на другом столике сидел студент, которого он совсем не знал и не помнил, и молодой офицер. Они сыграли на биллиарде и стали пить чай» [Там же].

После совершения убийства Раскольников вновь приходит в трактир и заказывает себе чай. Вместе с чаем он просит подать газеты, чтобы вновь погрузиться в размышления о произошедшем:

“А пусть!” – подумал он.

– Водки прикажете-с? – спросил половой.

– Чаю подай. Да принеси ты мне газет, старых, этак дней за пять сряду, а я тебе на водку дам [Там же: 155–156].

Показателен тот факт, что чай и водка в данном отрывке поменялись местами: сам гость пьет чай, но трактирщику оставляет не чаевые, а «на водку».

В более светлых тонах чай представлен в эпизоде, описывающем посещение Разумихиным Раскольников. Главный герой и его гость едят суп, пьют пиво и чай, угощая напитками Настасью:

Вошла Настасья, неся две бутылки пива.

– А чаю хочешь?

– Хочу.

– Катай скорей и чаю, Настасья, потому насчет чаю, кажется, можно и без факультета. Но вот и пивцо! – он пересел на свой стул, придвинул к себе суп, говядину и стал есть с таким аппетитом, как будто три дня не ел.

– Я, брат Родя, у вас тут теперь каждый день так обедаю, – пробормотал он, насколько позволял набитый полный рот говядиной, – и это всё Пашенька, твоя хозяйюшка, хозяйничает, от всей души меня чествует. Я, разумеется, не настаиваю, ну да и не протестую. А вот и Настасья с чаем. Эка проворная! Настенька, хошь пивца?

– И, ну те к проказнику!

– А чайку?

– Чайку пожалуй.

– Наливай. Постой, я тебе сам налью; садись за стол [Там же: 119].

В представленном фрагменте присутствуют классические для русской литературы и культуры репрезентации концепта «чай», в соответствии с которыми напиток выступает как важная *часть застолья*. Данное упоминание чая завершает сложившуюся в романе симметрию: убийству предшествует чаепитие в трактире, спустя несколько дней после убийства Раскольников также заказывает

в трактире чай. Если до убийства Настасья угощала чаем Раскольников, то теперь он угощает ее.

По словам современного исследователя творчества Ф.М. Достоевского, «автор “Преступления и наказания” не был дотошным бытописателем Петербурга, как представители “физиологического” или этнографического направления в русской литературе. Но и глубоко чуждый самодовлеющего бытового эмпиризма, он воссоздавал четкий историко-этнографический фон в своих «петербургских поэмах». Этот фон образуют неисчислимы культурно-бытовые детали и обстоятельства из столичной жизни, нередко, кстати, вызывающие большой интерес у этнографов-историков» [Владимирцев 1990: 82].

Множество подобных деталей возникает при описании чаепития героев. Как отмечают исследователи, в описании быта горожан (особенно служащих) Ф.М. Достоевский продолжает традицию Гоголя, – и такая связь не представляется возможной без проведения параллелей в использовании репрезентации концепта «чай»: «Nevertheless, Dostoyevsky consistently thematized state service, particularly civil service. His portrayals of servitors, however, depended not on first hand experience, but on literary tradition: in his treatment of the hierarchy ranks, Dostoyevsky was continually in dialogue with Gogol» [Reifman 2016: 5].

Отражая культуру русского чаепития, концепт «чай» в романе «Преступление и наказание» включал как традиционные репрезентации чая – *чай как часть быта, часть трапезы, атрибут дружбы и общения*, так и новые, сформированные уже самим Ф.М. Достоевским, – *чай как средство для размышлений, чай как лекарство и источник сил*. Фактор использования в концепте новых, ранее не присущих ему смыслов, которые вкладывает в него автор или читатель, способствовал тому, что концепт обретал *художественное* содержание. Возникшая впервые в «Бедных людях» особая, характерная для Достоевского репрезентация *чай как показатель достатка* получила новое

прочтение – в романе она представлена через ситуацию *угощение чаем*, а также через описания качества напитка. В тексте присутствует и важная для психологической линии романа репрезентация *чай как хронометр* – герои сверяют свои внутренние часы со временем подачи чая, а также с температурой остывающего напитка.

Как и в «Записках из мертвого дома», в романе «Преступление и наказание» упоминания о чае возникают при описании особого состояния жизни – на границе свободы и несвободы, жизни и смерти, роскоши и нищеты. Подобные репрезентации концепта «чай» соответствуют атмосфере современного Ф.М. Достоевскому Петербурга, в котором «полюса сословности превращались, если можно так выразиться, в курьезы сословности, и эту тонкую культурно-психологическую дифференциацию в будничном самосознании и поведении петербуржцев Достоевский воспроизвел с летописной поэтической точностью» [Владимирцев 1990: 83]. Такие «курьезы», столкновение различных культур и характеров читатель встречает и в созданном Ф.М. Достоевским образе Петербурга, и в описании каторги в Омске. Это реалистичное, живое, противоречивое бытописание строится на определенных концептах, одним из которых является «чай».

Чай встречается и на страницах других произведений Ф.М. Достоевского: так, иллюстрацию процесса чаепития можно обнаружить и в повести «Неточка Незванова» (1849), и в «Униженных и оскорбленных» (1861), и в «Кроткой» (1876), и в повести «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). Однако в этих произведениях, в отличие от рассмотренных выше, чай не играет *сюжетообразующей* роли.

Однако в творчестве Достоевского есть и еще одно произведение, в котором концепт «чай» неоднократно актуализируется. Рассмотрим репрезентации изучаемого концепта в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868).

Просьба подать чаю впервые звучит в романе из уст Ипполита: «Если вы позволите, то я попросил бы у князя чашку чаю... Я очень устал. Знаете что, Лизавета Прокофьевна, вы хотели, кажется, князя к себе вести чай пить; останьтесь-ка здесь, проведемте время вместе, а князь наверно нам всем чаю даст. Простите, что я так распоряжаюсь... Но ведь я знаю вас, вы добрая, князь тоже... мы все до комизма предобрые люди...» [Достоевский 1982 VII: 308].

Далее в тексте следует описание подготовки чаепития, определение «состава» его участников, особое внимание при этом Ипполит уделяет посуде: «Посмотрите, Лизавета Прокофьевна, эти чашки, – как-то странно заторопился он, – эти фарфоровые чашки и, кажется, превосходного фарфора, стоят у Лебедева всегда в шифоньерке под стеклом, запертые, никогда не подаются... как водится, это в приданое за женой его было... у них так водится... и вот он их нам подал, в честь вас, разумеется, до того обрадовался...» [Там же: 309]. В этом фрагменте подчеркивается амбивалентная природа чая: с одной стороны, чаепитие может быть процессом, требующим уединения, – из числа чаевников предлагается исключать то одних, то других гостей, то вовсе увести князя «к себе»; с другой стороны, чай становится объединяющим фактором – в конечном итоге все гости оказываются за общим чайным столом. Значимой представляется показанная Ф.М. Достоевским традиция хранить ценную посуду для особого случая, традиция, которую некоторые современные исследователи ошибочно называют «советской»²³.

²³ «Еще одна советская традиция – хранение посуды для особых случаев», – пишет современный исследователь [Аров 2022: 1]. Примечательно, что другие ученые, напротив, видят в этой традиции более глубокие корни, отмечая, что в СССР данная традиция сформировалась заново спустя много лет после Октябрьского переворота. На протяжении части советской эпохи, по мнению исследователя истории посуды Е.П. Борзовой, не было предпосылок как для сохранения, так и для производства высокохудожественной посуды: «Посуда первых послереволюционных лет была предельно функциональна и лишена декоративных украшений, как нечто лишнее, характерное только для буржуазного общества. Дореволюционные предметы посуды, которые обладали свойствами памятников искусства и культуры, исчезли вместе с богатыми хозяевами» [Борзова, Гордеева, Чистяков 2013: 173].

В целом в анализируемом фрагменте подача чая показана как *служение*. Оговорки, с которыми Ипполит просит у князя чай, показывают, что приглашение за чайный стол в данном контексте могло бы быть истолковано как знак особого уважения, а изысканная посуда усиливает и дополняет данный смысл.

Тот факт, что чаепитие предполагает особое внимание к гостям со стороны хозяина, отражен и в другом фрагменте, посвященном еще одному приему у князя, в котором подчеркивается, что чайная трапеза может продолжаться целый час. Такая продолжительность оценивается гостями как злоупотребление гостеприимством, а просьба подать шампанского воспринимается «старшими» гостями как нечто совершенно неподобающее: «Прошел почти час, чай отпили, и после чаю гостям стало наконец совестно еще дольше сидеть. Доктор и седой господин с жаром простились с князем; да и все прощались с жаром и с шумом. Произносились пожелания и мнения, вроде того, что «горевать нечего и что, может быть, оно всё этак и к лучшему», и пр. Были, правда, попытки спросить шампанского, но старшие из гостей остановили младших» [Достоевский 1982 VII: 293].

Следует отметить, что чай в качестве *сигнала завершения приема* уже присутствовал в произведениях русской литературы. Так, стремясь как можно скорее проводить Чичикова, Плюшкин в «Мертвых душах» упоминает чай, хотя и не имеет ни малейшего намерения подать его. Плюшкин мастерски актуализирует в своей речи репрезентации концепта «чай», отождествляющие этот напиток с общением, гостеприимством и дружбой, однако этот напиток на столе так и не появляется.

Далее исследователь приводит «формулу», определяющую место хранящейся для особых случаев посуды в быту советского человека второй половины XX в.: «Сервант демонстрировал статусную посуду – резной хрусталь, самый ценный семейный фарфор, самые дорогие сувениры. Книжный шкаф показывал образованность хозяина» [Там же].

В качестве *традиции гостеприимства* чай еще раз возникает во фрагменте, показывающем необычайную любовь генерала к приему гостей: «Дошел, наконец, до того, что и не вставало, так что и обедали, и ужинали, и чай пили часов по пятнадцать в сутки лет тридцать сряду без малейшего перерыва, едва время было скатерть переменить. Один встает, уходит, другой приходит, а в табельные и в царские дни и до трехсот человек доходило» [Достоевский 1982 VII: 254]. Данная цитата свидетельствует о том, что к моменту написания романа чай уже прочно занял место «финального аккорда» любого приема, а также что подавался он отдельно от основных блюд, – вне зависимости от того, являлся ли он отдельной частью трапезы или же служил завершением обеда и (или) ужина. Знания новоявленной «чайной этики» были необходимы как для хозяев, так и для гостей.

В романе Ф.М. Достоевского «Идиот» показано, какую роль играл чай на светских приемах в современную автору эпоху. В это время традиции чаепития прочно укоренились в этикете, и чай выполнял символические, знаковые функции. Предложение (подача) чая могло служить сигналом к окончанию приема или обозначать желание хозяина задержать гостей, выступать в качестве предложения уединиться или, наоборот, собраться всем участникам пира за общим столом; если чай изначально не входил в программу мероприятия, то подача чая служила знаком особого уважения. Наиболее постоянную репрезентацию концепта «чай» в романе (при этом имеющую связь со многими предшествующими произведениями русской литературы), можно обозначить следующим образом: *чай как «финальный аккорд» светского приема.*

В повести «Кроткая» (1876) чай упоминался только один раз, однако чаепитие оказывалось кульминацией произведения, поскольку именно во время чаепития происходит наиболее значимый диалог героев. При этом нельзя сказать, что чай является *атрибутом* напряженной беседы; из контекста следует, что

кипящий самовар неизменно присутствовал на столе героев: «Я вышел к самовару. Самовар подавался у нас всегда в первой комнате, и чай разливала всегда она. Я сел к столу молча и принял от нее стакан чая. Минут через пять я на нее взглянул» [Достоевский 1982 XII: 485]. Далее между героями начинается диалог, который обуславливает поворот сюжета произведения.

В романе «Униженные и оскорбленные» (1861) впервые нашла отражение дискуссия о *каноничности* чайной церемонии: «Ну, так и есть! – вскричала она, всплеснув руками. – Чай ханский, по шести целковых, третьего дня купец подарил, а он его с коньяком хочет пить. Не слушайте, Иван Петрович, вот я вам сейчас налью... увидите, сами увидите, какой чай!» [Достоевский 1982 IV: 212]. Александра Семеновна требует, чтобы аутентичный, высокого качества восточный («ханский») чай не только не смешивался с горячительным напитком, но и удостоился отдельной церемонии, заменяющей традиционное русское застолье, где чаепитие служит «финальным аккордом» возлияния:

Ему бы только нализаться прежде всего. Вот увидите, что он вас будет прежде чаю водкой просить.

– А что! Ведь и вправду дело: выпьем-ка, Ваня, золотую и серебряную, а потом, с освеженной душой и к другим напиткам приступим [Там же].

Именно так, в качестве предмета отдельной самостоятельной церемонии всегда воспринимали чай на Востоке. В данном фрагменте восточная традиция противопоставлена русской, а эстетическое чутье, позволяющее оценить дорогой напиток, противопоставлено приземленному желанию Маслобоева злоупотребить спиртным. В этом желании хозяйка видит нежелание гостя принять ее усилия, направленные на покупку и приготовление чая, которые были действительно грандиозными: «И она захлопотала у самовара.

Было понятно, что рассчитывали меня продержат весь вечер. Александра Семеновна целый год ожидала гостя и теперь готовилась отвести на мне душу» [Там же].

Упоминается чай и в повести «Неточка Незванова» (1849): «Чай пили у нас очень редко: матушка позволяла себе эту, по нашим средствам, прихоть только тогда, когда чувствовала себя нездоровой и в лихорадке» [Достоевский 1972 II: 177]. Отношение к чаю в доме Н.Н. свидетельствует о материальном положении семьи. Чай для героев продолжает оставаться роскошью, при этом больная матушка знает, что чай не просто обладает целебными свойствами, а может служить самым настоящим лекарством. Таким образом, в «Неточке Незвановой» была вновь актуализирована репрезентация *чай как показатель достатка*, а также вводилась репрезентация *чай как лекарство*, отсылающая к восточному восприятию чая, которое предполагало понимание чая как общеукрепляющего средства, а также к традиционному для России отношению к травяным заваркам, которые применялись и применяются в народной медицине. Показательно, что в данном произведении – так же, как и в «Кроткой» – чай появляется в момент кульминации и предшествует смерти героини.

Непосредственная связь между чаем и деньгами прослеживается и в повести «Вечный муж» (1870): «И чай изволили у нас кушать, и за вином опять посылали, за тем самым, синюю бумажку выдали [Достоевский 1982 XII: 378]. Речь здесь идет о новой пятирублевой (достаточно крупной для того времени) купюре, называемой в народе «синенькой»: «Пятирублевая ассигнация печаталась на темно-синей бумаге и почти сразу же в обращении стала именоваться не иначе как «синенькая»» [Московские торги]. Для Мавры потребление Павлом Павловичем чая и вина имело сугубо экономический смысл, позволивший ей получить 5 рублей, в то время как для Вельчанинова эта информация свидетельствовала о том, что гость был вынужден ожидать его в

течение долгого времени. Павел Павлович с помощью чая и вина коротал время. Таким образом, сам чай в повести вновь представлен как дорогостоящий продукт, а подача чая – как элемент служения; кроме того, здесь оказывается актуализирована репрезентация *чай как таймкиллер*.

Таким образом, в произведениях Ф.М. Достоевского репрезентации концепта «чай» играют исключительно важную роль, определяя развитие сюжета или характеризуя того или иного персонажа. Некоторые из используемых писателем репрезентаций концепта (*чай как атрибут быта, атрибут дружбы и общения, показатель достатка, чай как часть застолья*) уже встречались ранее в русской литературе; некоторые же (*чай как знак заботы, средство стимулирования размышлений, лекарство и источник сил*) появились впервые. В контексте произведений Достоевского эти репрезентации нередко обретали и новое, прежде всего *социальное*, значение, становясь ***свидетельством дисгармонии мира***, средством выражения важного в картине мира Достоевского «стыка» *роскоши и нищеты*.

3.4. Русская литература 1880 – 1890-х гг.: чай как товар

В русской литературе конца XIX в. происходили существенные изменения: завершался этап развития классического реализма, в реалистическом искусстве усиливались *натуралистические тенденции*, вновь актуализировался *романтический способ изображения действительности*; стало формироваться новое литературное направление – *символизм*. «Большие» жанровые формы литературы (эпопея, роман, повесть) стали постепенно уступать место «малым» формам (рассказу, очерку). Возрастала роль средств массовой информации (появившихся в этот период многочисленных журналов и газет), что способствовало быстрому развитию *публицистики* и соответствующих жанров, например *очерков* (нередко имевших документальную основу). Все эти

изменения, происходившие в историко-литературном процессе, в определенной степени затронули и репрезентации исследуемого нами концепта «чай».

Одна из особенностей рассматриваемого периода истории русской литературы – актуализация жанра *путевых очерков* (травелогов) – жанра, развивавшегося под непосредственным воздействием традиции «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина и «географического романа» «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова.

Большое воздействие на развитие этого жанра оказало издание книг русских путешественников, основным направлением исследований которых являлся Китай – родина чая. Среди таких книг можно назвать труды П.П. Семенова-Тян-Шанского («Первая поездка на Тянь-Шань, или Небесный хребет, до верховьев р. Яксарта, или Сыр-Дарьи, в 1857 году» [Семенов-Тян-Шанский 1857]), Н.М. Пржевальского («Монголия и страна тангутов: трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии» [Пржевальский 1876]; «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор» [Пржевальский 1877]; «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки» [Пржевальский 1883]), Г.Е. Грумм-Гржимайло («Описание путешествия в Западный Китай [Грумь-Гржимайло 1899] и другие издания.

Цели экспедиций, описывавшихся в этих книгах, были самые разные: изучение природы Центральной и Восточной Азии, описание жизни народов, населяющих исследуемые страны, решение некоторых дипломатических вопросов, поиск новых транспортных маршрутов (имевший военные и торговые цели) и т. п. Одна из задач, которая ставилась перед экспедициями, – нахождение новых способов поставки в Россию чая (для того чтобы составить конкуренцию англичанам в поставках чая на мировой рынок), а также поиск таких сортов чая, которые можно было бы выращивать на территории Российской Империи, например на Кавказе.

Описания путешествий в Азию в 1880–1890-е гг. регулярно публиковались во многих «толстых» журналах, выходивших большими для того времени тиражами, и эти путевые очерки пользовались немалой популярностью среди читателей. Как правило, данные журнальные публикации предшествовали дальнейшему изданию их в виде отдельных книг. Авторы очерков не ограничивались описанием природы изучаемых стран: они стремились прежде всего показать жизнь населявших их людей – показать особенности их повседневного быта, раскрыть культурные традиции и религиозные верования.

Особый интерес представляют описания экспедиций в Китай и Тибет, совершенных супругами Г.Н. и А.В. Потаниными²⁴ в 1884–1886 и 1892–1893 гг. Китай [Потанин, Потанина 2017], которые собрали и опубликовали богатейший материал о жизни и обычаях китайского народа (в том числе и о китайской чайной церемонии).

В очерке **А.В. Потаниной** «О китайской женщине» был описан почетный приём, оказанный путешественнице весной 1885 г. женой одного из генералов, руководителя провинции; во время приема подавали чай:

«Мы сели у стола в креслах и сюда нам подали чай и к нему пирожное и фрукты; пирожное очень напомнило мне европейские печенья. Фрукты в Китае подают обыкновенно очищенные от кожи и нарезанные ломтиками. Барыня брала эти лакомства палочками, которые заменяют в Китае наши вилки, и накладывала мне на отдельное блюдо. Прислуживала нам няня и ещё другая женщина. [Потанина 1895: 207]. Описание быта богатой китайской семьи, сделанное Потаниной, представляется уникальным, поскольку путешественница как женщина могла попасть во внутренние покои дома и увидеть жизнь китайской семьи (чего не могли сделать путешественники-мужчины).

²⁴ Г.Н. Потанин (1835–1920) – географ, путешественник, просветитель. А.В. Потанина (1843–1893) – этнограф, путешественница и писательница, автор очерков о культуре Бурятии, Монголии и Китая.

Особое место в рассматриваемый период заняли «чайные путешествия», непосредственной целью которых было определение мест произрастания чая, потенциальных способов доставки чайного листа в Россию и на мировой рынок, детальное исследование способов его выращивания и обработки, сопоставительный анализ цен на этот продукт, а также изучение ботанических особенностей растений.

Одно из наиболее интересных очерковых произведений, связанных с темой чая, – труд **П.Я. Пясецкого**²⁵ «Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг.», опубликованный в 1880 г. [Пясецкий 1880]. Целью описываемой экспедиции был анализ чайного рынка в зарубежных странах, исследование процесса выращивания, производства и транспортировки чая, поиск сортов чая, наиболее подходящих для акклиматизации на территории юга российского государства для выяснения перспективы выращивания чая в Закавказье.

Автор очерков провел два месяца в Хань Коу (в настоящее время Ханькоу – часть современного города Ухань), где собирал информацию, представляющую ценность для российской чайной промышленности. В тексте, написанном художественным стилем, присутствует детальное, можно сказать научное, описание процесса обработки изучаемого продукта: «Сдѣлавъ наблюдѣніе, какого достоинства чай, коммисіонеры различныхъ націй предпочитаютъ, всѣмъ другимъ, они такой и стараются готовить. Самый же способъ прекращенія броженія листьевъ или замариванья заключается въ томъ, что въ массѣ сложенныхъ листьевъ прорываютъ ходы снизу до верху, вслѣдствіе чего чай быстро охлаждается и постепенно начинаетъ сохнуть; а для просушиванья не большихъ количествъ, его просто рассыпаютъ на циновкахъ и выставляютъ въ тѣни на открытомъ воздухѣ. Для

²⁵ П.Я. Пясецкий (1843–1919) – русский врач, путешественник, художник, писатель, автор книг о совершенных им путешествиях. Впервые в России ввел в медицинскую практику использования кефира.

совершенной просушки больших помѣщеній требуется около мѣсяца» [Пясецкий 1880: 305].

Показательно, что в очерковых, бытописательных фрагментах произведения чай представлен в полном соответствии с традициями описания его в травелогах XIX в.: «Но всѣ собрались и слуги, стоящіе въ комнатѣ, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, спрашиваютъ, въ какомъ порядкѣ подавать кушанья, въ китайскомъ или европейскомъ. Съ общаго согласія отдали второе распоряженіе, потому что непріятно начинать обѣдъ чаемъ и сладостями и кончать кислыми, горькими и солеными вещами, или рисомъ, какъ это дѣлаютъ китайцы» [Там же: 207]. Таким образом, можно отметить, что чай в произведении П.Я. Пясецкого был показан не только как растение и товар, но и как *напиток, играющий важнейшую роль в международной коммуникации, являющийся частью традиций китайского народа.*

Писатель-исследователь стремился раскрыть перед российскими читателями не только особенности употребления этого напитка в Китае и его полезные свойства, но показать *китайскую точку зрения* на употребляемый в России «китайский» чай: «Когда нам случалось угощать гостей своим чаем из мандаринов или, другими словами, предлагать им попробовать “заморского чаю”, они пили его видимо неохотно, а иные просто с отвращением, хотя и старались из деликатности скрыть свои ощущения. Некоторые же, попробовав, совсем отказывались, хотя чай у нас был самого высокого качества. Выпивших я просил сказать мне откровенно, не стесняясь, как они его находят? «Бу! Бу-хао!» – (нет, не хорошо), отвечал иной откровенный человек, тряся при этом головой и делая гримасу» [Пясецкий 1880: 313–314]. Такая репрезентация концепта, которую условно можно обозначить *китайская оценка российского «китайского» чая*, – раскрывала относительность существующих общераспространенных оценок и вкусов.

Линию изучения чая, открытую работами П.Я. Пясецкого, продолжила адресованная широкому кругу российских читателей научно-популярная книга немецкого «сельскохозяйственного писателя» Генриха Землера²⁶ «Чай, разведение его в Китае, Индии, Японии и на Кавказе», переведенная в 1890 г. [Землер 1890].

В 1895 г. российским Императорским Двором была отправлена ещё одна «чайная экспедиция» под руководством **И.Н. Клингена**²⁷, целью которой было изучение сельскохозяйственных культур, пригодных для выращивания на Кавказе, а также методов их возделывания. Один из участников этого путешествия – Г.Г. Снежков – остался в Китае на год, чтобы подробно изучить процесс сбора чая на плантациях и способы работы китайских производителей чая. После завершения экспедиции её руководитель И.Н. Клинген выпустил трехтомник «Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока» [Клинген 1898], в котором изложил основы восточного пчеловодства и растениеводства, и на конкретных примерах проанализировал различные подходы к земледелию в таких «чайных» странах, как Египет, Цейлон, Индия, Китай и Япония.

Еще одно «чайное путешествие» было осуществлено профессором **А.Н. Красновым**²⁸ в 1895–1896 гг. в составе экспедиции, снаряженной «для изучения чайных районов Азии»²⁹ (Индии, Цейлона, Китая и Японии) [Краснов 1898: 1]. Автор книги описал свое пребывание на чайных плантациях Гималаев, Цейлона, Китая (округи Ханькоу и Хубэй, в том числе в китайской деревне Ян

²⁶ Г. Землер [*Heinrich Semler*] (1841–1888) – немецкий ботаник, писатель и путешественник.

²⁷ И.Н. Клинген (1851–1922) – российский ботаник, агроном, географ.

²⁸ А.Н. Краснов (1862–1915) – российский ботаник, почвовед, географ, путешественник, публицист. Профессор Харьковского университета. Совершил путешествия по Кавказу, Америке, Индии, Японии, Китаю и другим странам. Основатель Ботанического сада в Батуми.

²⁹ Скорее всего, А.Н. Краснов был участником той же экспедиции, что и И.Н. Клинген, но имел собственные цели и задачи и оставил оригинальное описание своего путешествия.

Лау Дун, жители которой были заняты производством чая, где путешественник провел 6 недель) и японских островов Хондо, Эсо и Сикоко. В книге детально описывались места выращивания чая, указывалась продуктивность плантаций, рассказывалось о жизни и быте производителей чая, называлась стоимость их труда.

Вот как изображался в книге А.Н. Краснова процесс выделки чая в отрогах Гималаев:

«Срываются верхушки молодых побегов, которые бросаются в корзины рабочими, снимающими их по утрам во всякую погоду. В дождь они работают под особыми, сплетаемыми из листьев зонтиками. Собранные листья провяливают на особых круглых циновках, располагаемых в зданиях на полках, устроенных в виде громадных этажерок. Листья вянут 5, 8 даже 12 часов. Затем их скручивают на особых машинах <...>. Скрученные листья сортируют и подвергают брожению...» [Краснов 1898: 186].

Аналогичные описания процесса производства чая появлялись в разделах книги, посвященных Цейлону, Китаю и Японии. Подробное описание производственного процесса сопровождалось многочисленными картинами жизни местного населения, рассказом об особенностях его поведения и сценах общения с людьми, отступлениями, посвященными социальному устройству общества, системе образования и верованиям людей. Такого рода произведения расширяли представления российских читателей об истории мировой цивилизации, о жизни народов других стран.

Следует подчеркнуть, что авторы этих травелогов во многом следовали традициям, заложенным Н.М. Карамзиным и И.А. Гончаровым, – показывать не только географические реалии и этнографические подробности, но и одновременно раскрывать особенности культуры, повседневного быта и социальных проблем описываемых народов.

Сделанные ими описания путешествий, безусловно, имели документальную основу, но их авторы обладали прекрасным *литературным стилем* и создавали в своих текстах яркие *художественные образы*. Они описывали не только то, что их непосредственно интересовало в научном плане (особенности чайных растений, способы выращивания чая на плантациях, специфику климата «чайных» регионов, детали производственного процесса, экономику чайного производства и т. п.), но и жизнь китайского народа и культуру Китая, поэтому большое место в их произведениях занимало описание дороги и мест пребывания в изучаемых странах, что создавало у читателей впечатление присутствия, *соучастия* в экспедициях (то есть читатель оказывался *спутником* автора). Из этих травелогов русские читатели узнавали о жизни индийского, китайского или японского народа (а также других народов, которые выращивают чай), о тяжелом труде крестьян на чайных плантациях, а также о китайской (или японской) чайной церемонии.

Полученная в ходе экспедиций П.Я. Пясецкого, И.Н. Клингена и А.Н. Краснова информация в последующие годы действительно широко использовалась в России, что позволяет сделать вывод о том, что всё закавказское чайное хозяйство первоначально основывалось на *китайских* традициях [Христоробова 2019: 62]. Такого рода книги формировали яркий образ сложного и непонятного для российских читателей Китая, «ключом» к постижению которого оказывались репрезентации чая.

Материалы, полученные в ходе «восточных» экспедиций, в дальнейшем широко использовались писателями-популяризаторами, среди которых нередко были специалисты по чайному делу, неоднократно посещавшие Китай. Примером такого рода популярного исследования, специально посвященного

чаю, можно назвать книгу купца К.А. Попова³⁰ «О чае и его приготовлении русскими в Китае», опубликованную в 1870 г. [О чае и его приготовлении...: 1870]. К.А. Попов глубоко интересовался чайным делом – и как торговец, и как промышленник (он тщательно изучал производство чая в Китае, Великобритании, Франции, Германии и других странах). Сам купец стал автором небольшой книги, в которой на основании точных фактов описал историю напитка в Китае и России, раскрыл особенности торговли и производства чая.

В рассматриваемый период издавались и другие популярные работы, посвященные чаю, среди которых можно назвать книгу «Чай в историко-географическом, ботаническом и физиологическом отношениях», составителем которой был А.Н. Хребтов. В книге описывались места выращивания чая, указывались основные сорта напитка, приводилась статистика, связанная с его производством и ценами на мировом рынке, раскрывалась польза, приносимая напитком для здоровья человека [Чай в историко-географическом...: 1873].

Аналогичная книга (точнее, брошюра) «Откуда он идет к нам и чем полезен» (автором её был обозначен некий Руйнбот) была издана в 1881 г. Книга была опубликована в серии «Народные чтения» и была, как можно предположить, адресована более «простому» контингенту читателей – крестьянам, ремесленникам, рабочим. В брошюре описывался процесс выращивания, обработки и транспортировки чая в Китае, назывались его основные сорта, раскрывалась история его употребления в России, а также роль в торговле чаем сибирского поселка Кяхта; особо подчеркивались преимущества этого напитка по сравнению с водкой [Рейнбут: 1881].

Тема «чайной столицы России» (точнее, центра пограничной чайной торговли) – поселка Кяхты – появлялась и в других публикациях, например, в

³⁰ К.А. Попов (1814–1872) – русский купец, промышленник, меценат, путешественник. Один из первых российских предпринимателей, организовавший производство чая в Китае в провинции Хубэй (недалеко от Ханькоу).

сборнике «Рассказы о Восточной Сибири» [Рассказы о Восточной Сибири: 1896] был опубликован очерк о торговле чаем в этом населенном пункте.

Аналогичные популярные издания предпринимались в России и в дальнейшем. Например, в 1892 г. была издана книга «Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая», составленная публицистом А.П. Субботиным³¹, в которой обстоятельно описывалось выращивание чая в различных регионах Китая, Японии, Индии, анализировались его сорта, способы фальсификации, статистика производства и потребления напитка, роль Кяхты в торговле чаем в России, показывалось значение напитка для борьбы с алкоголизмом [Чай и чайная торговля...: 1892].

Все рассмотренные выше популярные издания, адресованные широкому кругу российских читателей, с одной стороны, демонстрировали, насколько глубоко вошёл чай (и связанный с ним концепт) в русскую культуру; с другой – все эти тексты в совокупности раскрывали его интернациональный характер и показывали вхождение страны в мировую экономическую систему, а также вводили концепт в контекст культуры других стран – Китая, Японии, Индии.

Во всех этих текстах – как очерках путешествий, так и разнообразных популярных книгах – чай был представлен как необходимая *часть русской национальной культуры*, однако, как и следовало ожидать, на первый план в них выходили репрезентации концепта *чай как товар* (подобные репрезентации появлялись в произведениях Н.В. Гоголя, А.Ф. Вельмана, И.А. Гончарова, А.Н. Островского, Ф.М. Достоевского) и репрезентация *чай как результат тяжелого труда* (впервые представленная в книге А.Л. Леонтьева «Уведомление о чае и шелке...»).

Таким образом, в последние два десятилетия XIX в. новые репрезентации изучаемого концепта как бы «поворачивали» процесс его вхождения в культуру к

³¹ А.П. Субботин (1852–1906) – русский экономист, педагог, публицист.

самому началу, которое в 1775 г. было заложено книгой А.Л. Леонтьева – знакомству (уже на новом уровне) с происхождением чая, его производством, способами употребления на Востоке. Так в русской литературе этого периода появились варианты репрезентации концепта: *чай как часть китайской национальной культуры, чай как часть китайского / японского / индийского повседневного быта, чай как результат тяжелого труда, чай как атрибут чайной церемонии.*

Традиция описания чая и чаепития развивалась в русской художественной литературе 1880–1890-х гг. Обратимся к творчеству трех «знаковых» писателей этого периода – П.Д. Боборыкина, В.А. Гиляровского и А.П. Чехова.

П.Д. Боборыкин был писателем, продолжавшим традиции русского реализма XIX в., выразившихся в романах И.А. Гончарова и И.С. Тургенева.

Многократно актуализируется концепт «чай» в романе П.Д. Боборыкина «Василий Теркин» (1892) – одном из самых известных произведений этого автора, нашедшего признание у многих читателей и критиков 1890-х гг. (хотя в дальнейшем почти полностью забытого). Произведение, повествующее о жизни волжского купца, изобиловало обращениями к чаю. В общей сложности напиток упоминается в романе более 20 раз, что позволяет сделать вывод о необычном векторе движения сюжета – вокруг чая. Литературоведы обычно отмечают особое умение Боборыкина улавливать тенденции современности и ближайшие перспективы развития российского общества, поэтому его произведения можно считать достаточно точным отображением жизни страны в конце века.

Роман «Василий Теркин» открывает сцена отправления парохода, и питье героями чая начинается буквально сразу же после того, как судно покидает порт. «Пароход стал ползти <...>. Отдавало и горячим салом. Пассажиры второго класса давно уже чайничали у столиков, на скамейках, даже на полу, около самой машины. Волжский звонкий говор, с ударением на “о”, ходил по всему пароходу,

и женские голоса переплетались с мужскими, еще певучее, с более характерным крестьянским оканьем» [Боборыкин 1993: 7–8]. Таким образом, любовь к чаю показана в качестве неотъемлемой составляющей образа волжанина, а описание нескончаемого потока этого напитка, вместе с шумом «окающих» голосов, сразу же погружает читателя в атмосферу плавания по Волге.

Автор отмечает ряд различий в «чайной церемонии» пассажиров судна: пассажиры второго класса пьют чай где придется, громко общаясь, в то время как обитатели кают первого класса смакуют напиток «тихо и томительно» [Там же: 8]; гимназист сопровождает чаепитие табакокурением, а капитан ожидает, что чай ему подадут с «архиерейскими сливками». Употребление напитка объединяет самых разных пассажиров: в тексте показано, что чай пьют *все*, но осуществляют это *по-разному*; при этом акцент делается на особенностях потребления продукта представителями разных слоев общества, и это указывает на то, что в данном фрагменте произведения актуализируется репрезентация *чай как показатель достатка*.

Перейдя к биографии главного героя – купца Василия Теркина, автор для раскрытия его образа вновь обращается к чаю. «...Ученик, и товарищи поговаривали, что он ведет «конduitный список» для инспектора и часто захаживает к живущим на квартирах без родителей вовсе не за тем, чтобы покурить или чайку напиться, а чтобы все высмотреть и разузнать» [Там же: 47]. Чай здесь оказывается *символом общения*, но общения, основанного вовсе не на дружеских чувствах, а на их намеренной имитации – то есть *способом войти в доверие* к человеку, извлекая из этого практическую пользу, чем и занимается Василий Теркин.

Эпизоды подобного «недружественного» чаепития, имевшие место в юности героя, красноречиво раскрывают его образ. Очевидно, и в последующей, взрослой, жизни купец использовал чаепитие для достижения собственных

целей, потому предложение выпить чаю, поступающее от бесполезных для Василия Теркина людей, он просто игнорирует: «А чайшку грешного не благоугодно? На это Теркин ничего не ответил. Он, кажется, и не расслышал приглашение капитана» [Там же: 71]. Параллельно с репрезентацией *чай как атрибут общения*, приглашение капитана, сформулированное в виде оксюморона «грешного» – «не благоугодно», показывает, насколько значимое место в сознании героев занимало чаепитие. В речи капитана этот процесс постоянно сопровождается народными присказками, что позволяет сделать вывод о *чаепитии как о важной традиции волжан*, ставшей поистине народной.

Помимо репрезентации *чай как атрибут общения*, напиток одновременно оказывается и *символом одиночества*: «...И посмотрел на них вкось, оттянул нижнюю губу к одному углу и прошелся фуляровым платком по вспотевшей лысине. Пил он чай основательно, уже больше получаса; спрашивал и второй чайник горячей воды. Из собственной фляжки он подливал что-то темное в стакан, должно быть, ром» [Там же: 73–74]. Затянувшееся чаепитие Перновский решил провести в одиночестве, при этом в данном фрагменте впервые в данном произведении выражается уже известная репрезентация *чай как часть алкогольной культуры*.

В «Василии Теркине» актуализируется и другая классическая для русской литературы репрезентация – *чай как элемент трапезы*, поскольку чаепитие героев сопровождается обильной закуской: «Когда они остались вдвоем с Серафимой, она стала наливать ему чай и угощать разной домашней снедью» [Там же: 171]. В тексте романа приводится еще одно похожее высказывание, связанное с чаем: «Право, я не голодна; утром еще на пароходе пила чай и закусила. Тетенька мне всякой всячины надавала» [Там же: 223].

Таким образом, можно сделать вывод, что основными репрезентациями концепта «чай» в романе «Василий Теркин» стали следующие: *чай как атрибут*

общения и чай как часть национальной культуры; воплощение в тексте Боборыкина получили и ставшие «классическими» для русской литературы XIX в. такие репрезентации концепта: *чай как элемент трапезы, чай как мерило достатка, чай как часть алкогольной культуры*.

Роман П.Д. Боборыкина «Василий Теркин» во многом подводит итоги истории развития концепта «чай» в русской литературе на протяжении столетия. В него оказались включены основные, «опорные» репрезентации концепта, появлявшиеся практически во всех произведениях, написанных на протяжении как первой, так и второй половины века. Однако в романе были отмечены и новые варианты репрезентаций, которые частично опровергали сформировавшиеся ранее «устойчивые» репрезентации. Участие в чаепитии и любовь к чаю показывалась в произведении не как черта общего национального быта и традиционного русского уклада (как это было в произведениях Н.В. Гоголя, ИС. Тургенева, А.Н. Островского и Ф.М. Достоевского), а как составляющая *образа волжанина*; употребление чая у Боборыкина не столько сближает людей, сколько *дифференцирует* их и раскрывает *специфику разных категорий пассажиров* парохода; чай перестает быть средством *подлинного* дружеского общения и превращается в его имитацию, возникая в качестве *способа войти в доверие* к человеку ради получения корыстной *выгоды* или достижения личной *меркантильной цели*.

Конец XIX в. был связан с бурным развитием журналистики и – соответственно – с *публицистическими* жанрами. Не удивительно поэтому, что концепт «чай» нередко репрезентируется в очерковой литературе этого периода, к которой, в частности, можно отнести бытописательные произведения **В.А. Гиляровского** – писателя и журналиста, следовавшего реалистическим принципам русской литературы. Гиляровский был художником, который необычайно хорошо ощущал современность и тенденции развития культуры; в то

же время он точно характеризовал свое время и умел вычленил из множества бытовых подробностей самое важное и ценное.

Свидетельства этого писателя и журналиста, касающиеся московского быта, исследователи считают в высшей степени достоверными. «Гиляровский был живой памятью Москвы, нестареющим ее библиографом» [Шпилянский 2013: 59]. Литературовед А.А. Охременко, характеризовавший В.А. Гиляровского как писателя и журналиста, прожившего в Москве более 50 лет и завоевавшего «репутацию знатока московской жизни», особо подчеркивал, что не только скрупулезный подход библиографа, но и сами обстоятельства жизни делали его настоящим экспертом московских реалий конца XIX в. [Охременко 2013: 144]. Той же точки зрения придерживается и автор монографии «Репортажи В.А. Гиляровского» известный литературовед Б.И. Есин: «Гиляровский в конце концов оказался московским старожилом, «всезнающим» москвичом. Немного найдется людей, которые так хорошо знали бы Москву последней трети XIX – начала XX в., ее окрестности, быт и нравы, как Гиляровский» [Есин 1985: 2].

Наиболее известное и значимое произведение В. Гиляровского как писателя – повесть «Трущобные люди», которая создавалась в 1880-е гг., а полностью опубликована была уже после Октябрьского переворота, в 1957 г. Повесть «Трущобные люди» состоит из отдельных очерков-рассказов, связанных единым принципом изображения действительности и выбора персонажей, единым местом действия, описываемым историческим периодом, проблематикой и стилем.

В повести «Трущобные люди» – произведении, отразившем самые разные, в том числе и весьма неприглядные, стороны жизни москвичей конца XIX в., многократно упоминался чай. Использование этого концепта организует все рассказы в единый текст; при этом «чай» оказывается связанным с несколькими сформировавшимися ранее в русской классической литературе репрезентациями,

которые позволяют выявить смысловые линии развития культуры. «Из дядиной семьи, где он был принят и обласкан как сын родной, Воронов очутился в казармах, под командой фельдфебеля, выкреста из евреев, и дядьки, вятского мужика, заставлявшего своего “племяша” чистить сапоги и по утрам бегать в лавку и трактир с жестяным чайником за покупкой: “на две – чаю, на две – сахару и на копейку – кипятку”» [Гиляровский 1988: 8]. В приведенном примере актуализируется репрезентация концепта *чай как товар*, характеризующая экономическую ситуацию, в которой находится персонаж произведения. Обращение к напитку в контексте размышлений о материальных благах характерно для творчества Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого.

Анализ данной цитаты приводит к противоречивым выводам. С одной стороны, чай оказывается уже не столь дорогим продуктом: количество чая, необходимое для приготовления одной (или нескольких) чашек, стоит всего в два раза больше, чем вода («кипяток»), необходимая для приготовления такого объема напитка. Однако для героев В.А. Гиляровского чай всё равно является достаточно дорогим напитком, поэтому они не могут закупать его впрок и приобретают каждый раз порционно. Поскольку сам метод продажи чая небольшим количеством – «на вес» – в Москве действительно существовал, можно предположить, что такой способ торговли устраивал не только героев произведения, но и оказывался востребованным жителями города, принадлежащими к самым разным слоям населения.

Чай упоминается и в рассказе сторожа белильного завода в главе «Обреченные». Вспоминая встречу у ворот с «обреченным» – бывшим офицером, пришедшим просить работу на заводе от безысходности, сторож рассказывает: «– Здравствуй, – гырт, – Размоляев! – Заплакал и я тут... Повел его в сторожку, чайком, водочкой угостил...» [Гиляровский 1988: 14]. Чай здесь упоминается рядом с водкой, однако в данном случае речь идет не о традиции,

предполагающей употребление и того, и другого напитка и их подачу к «изысканному столу», а о «народном» характере обоих продуктов, а также – как следует из контекста – о необходимости «обогреть» и «пожалеть» путника, с чем прекрасно справляется чай – но только одновременно с горячительным. Необходимо отметить, что народный характер чая – первоначально русского травяного, а затем и «китайского» – акцентируется во всей литературе XIX в.; и особенно в творчестве таких писателей, как Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, А.Н. Островский, Г.И. Успенский.

Чай пьют персонажи В.А. Гиляровского и в кабаке; при этом напиток вновь оказывается соотнесен с водкой, однако здесь взаимосвязь между ними, на первый взгляд, устанавливается лишь на внешнем, поверхностном уровне: «Онпил водку чайным стаканом и говорил что-то своим собеседникам» [Там же: 43]. Безусловно, эта выразительная деталь («пил водку чайным стаканом») не характеризует какие-либо особенности русской чайной культуры – она подчеркивает только неумеренность героя в питии, поскольку чайный стакан имеет гораздо больший объем, нежели обычная водочная рюмка.

Автор «Трущобных людей» прежде всего стремится подчеркнуть дух бедности, присущий обстановке, в которой отсутствует отдельная посуда для разных напитков, однако – на концептуальном уровне – в данном фрагменте все же прослеживается связь этих двух «продуктов». Действие происходит в трактире, а в подобных заведениях основными напитками, употреблявшимися посетителями, были именно чай и водка. Такая же ситуация нашла отражение, например, в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором описывалось, как Раскольников, оказавшись в трактире, попеременно заказывал то чай, то водку.

В романе Ф.М. Достоевского возникала аналогичная комбинация двух традиционных «трактирных» концептов: сам гость [Раскольников] пьет чай, но

трактирщику оставляет не чаевые, а «на водку». В «Трущобных людях» чай в трактире подают гостю, не имеющему ни жилья, ни денег, который, однако, рассчитывает на то, что сумеет решить в трактире все свои проблемы: «Подали чай, за которым Колесов рассказал субъекту свое горе, как его обокрали и как, наконец, попросили удалиться из номеров» [Там же]. Показательно, что этот разговор всё-таки приносит свои плоды. Другими словами, угощение чаем оказывается первым благодеянием, «жестом доброй воли», направленным в сторону несчастного путника – употребление чая интерпретируется Гиляровским как *средство, облегчающее диалог участников и помогающее решению сложных проблем*. Подобным образом изучаемый концепт актуализировался в произведениях В.Т. Нарезного, М.П. Погодина, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова.

Третья ситуация, в которой в «Трущобных людях» упоминается чай, принципиально не отличается от двух предыдущих. Именно за чаем новый знакомый предлагает герою начать разговор о том, как решить его жизненные проблемы: «Они вышли оба вместе с паперти и пошли по улице. Дорогой он выплакал свое горе старику. Тот с участием выслушал его и сказал: – Не помочь твоему горю. Пропал значит, мошенники тебя обработали начисто. Не один ты погиб так, а многие.

– Что же теперь делать, дедушка?

– И сам не знаю что! А вот пойдем-ка в трактир, я тебя чайком напою, а там и подумаем [Там же: 46].

В рассмотренных эпизодах отчетливо прослеживается репрезентация *чай* как *угощение*. В таком качестве напиток предстает и в произведениях А.С. Пушкина, В.Т. Нарезного, А.Н. Островского. В «Трущобных людях» чай становится неким обязательным *минимальным* угощением, которое подается любому, даже незнакомому и нежеланному гостю, – вне зависимости от

обстановки и обстоятельств его появления, иными словами, напиток предлагается даже при посещении наиболее бедных домов (заведений, трактиров, сторожек) самым несчастным путникам. Оставаясь достаточно дорогим продуктом, к 80-м годам XIX в. чай становится массовым, народным напитком, и появление в литературе подобных репрезентаций концепта «чай» отчетливо иллюстрируют эту закономерность. Более того, именно за чаем в «Трущобных людях» решаются важнейшие для обездоленного русского человека вопросы: где и на что ему жить.

Следующая ситуация, в которой в произведении В. Гиляровского появляется чай, демонстрирует активное проникновение чая в русскую культуру, – в том числе в ее «фольклорную» составляющую. Героиня «Трущобных людей» исполняет песню (вероятнее всего, народную частушку), в которой упоминается чай: «За столом, где не было лампы, а стояла пустая бутылка и валялась обсосанная голова селедки, сидел небритый субъект в форменной фуражке, обнявшись с пьяной бабой, которая выводила фальцетом: И чай пи-ла, я, бб-буллки-и ела, Паз-за-была и с кем си-идела» [Там же: 49]. Спустя некоторое время героиня продолжает исполнение частушек, опуская при этом все прочие, существующие, возможно, в фольклорном тексте, строчки и вновь переходя к тем, которые посвящены чаю: «И чай пила я с сухарями, / Воротилась с фонарями...» [Там же: 56].

В процитированной песне можно увидеть метафорическую природу концепта «чай»: он помогает читателю понять особенности характера героини и среды, в которой она обитает, а также символизирует общение, которое далеко не всегда (если судить о чаепитии на основании полученных героиней песни травм) соответствует характеру традиционной чайной церемонии. Тот факт, что оказавшийся на социальном «дне» человек вспоминает о чае, может свидетельствовать о его желании подчеркнуть, что до попадания в безнадёжную ситуацию были в жизни и другие периоды, в которых находилось место и для чая

– напиток, который все еще оставался мерилем достатка (хотя бы минимального) и который не только соседствовал, но и конкурировал с иными напитками, употребляемыми героями В. Гиляровского. Использование концепта «чай» в обстановке, описанной в данном эпизоде «Трущобных людей», – некий оксюморон, подчёркивающий обращенную к самому себе иронию, и в то же время способ выражения чувств героя; обращение же к частушке демонстрирует восприятие чая как *русского народного напитка*.

В другой подобной ситуации – в ночлежке с характерным названием «Каторга» – мир, в котором пьют чай, открыто противопоставлен миру большинства обитателей «Каторги». «Хозяин самодовольно взглянул на плоды рук своих, на гудевшую пьяную ватагу, мановением руки приказал убрать все еще лежавшего и хрипевшего старика и сел за “хозяйский” стол у буфета за чай...» [Там же: 61]. Чай здесь представлен как «барский» напиток, который имеет право пить только хозяин, при этом для своего чаепития он требует создания определенной обстановки, подходящей для данной церемонии, или, по крайней мере, заявляет о необходимости убрать злоупотребивших горячительными напитками.

В произведении В. Гиляровского возникает и такое понятие, как «чаевые»: «Двери будешь отворять, калоши, платье снимать... жалованья пять, да чайных с красненькую набежит, а к празднику и с четвертную наподают, только услужить смоги!» [Там же: 67]. Обещая щедрые «чайные», купец предлагает своему новому знакомому Иванову должность швейцара. Возможно, слово «чаевые» было намеренно употреблено в непривычной форме, так как описанные в произведении ситуации весьма плохо сочетались с таким источником дохода, как получение чаевых. Реакция Иванова на такое предложение прямо свидетельствует об этом: «Иванов счел это предложение за глумление и ушел, сопровождаемый насмешками» [Там же].

Согласно имеющимся источникам, во второй половине XIX в. нельзя было назвать распространенным не только слово «чайные», но и более привычное для нас слово «чаевые»: в России практика «дачи сверх жалования» обычно называлась «дать на чай»: «Самое раннее упоминание этого слова в корпусе русского языка встречается у П. Федотова в поэме «Поправка обстоятельств, или Женитьба майора» (1848)» [Корчмина: электронный ресурс].

Единичными рублями
Там с простыми писарями
Не поладишь, им на чай
Тож полсотенку подай, –
Вот тогда язык развяжут
И вакансию укажут,
Да научат и уму,
То есть сколько и кому
Да и в руки ль самому.

[Федотов 1854: 19].

Отдаление понятия «чаевые» от самого «чая», возможно, было обусловлено тем, что для работников трактиров и ресторанов чаевые служили единственным (или основным) источником заработка: «Заработок служащего в трактире состоял из получаемой от хозяина платы и чаевых. Хозяева платили мальчикам в среднем 2,8 рубля в месяц, половым – 8,1» [Лурье 2011: 22]. Указанные в исследовании суммы несопоставимы со стоимостью проживания, поэтому именно «плата сверх жалования» являлась основным источником дохода этих служащих.

Упоминания чая присутствует и в других произведениях В.А. Гиляровского, в том числе и опубликованных уже после Октябрьского переворота, – например в цикле очерков «Москва и москвичи». В них

использовались как названные выше репрезентации концепта «чай», так и новые, характерные уже для последующего периода.

Таким образом, на протяжении всего творчества В.А. Гиляровского чаепитие оставалось одним из центральных элементов сюжета его произведений, но особенно наглядно эта особенность проявилось в текстах изучаемого периода – конца XIX в.

Можно сказать, что произведения В.А. Гиляровского во многом подвели итог развитию русской литературы классического периода, обобщали действовавшие ранее тенденции. Многочисленные репрезентации концепта «чай», которые были выявлены в цикле очерков «Трущобные люди»: *чай как средство раскрытия характера персонажа, чай как способ характеристики среды обитания героев, чай как способ организации диалога, чай как товар, чай как средство решения проблем, чай как мерило достатка, чай как угощение, выражающее добрые чувства одного персонажа по отношению к другому, чай как русский народный напиток* – с одной стороны, были созвучны традиционным репрезентациям концепта, сформированным русской литературой XIX в., с другой же – оказывались способом раскрытия характера персонажей, образа автора и окружавшей их среды.

Обобщая основные тенденции, характерные для всего столетия, обращается к традиционным для русской литературы XIX в. репрезентациям концепта чай и **А.П. Чехов**. Однако в творчестве А.П. Чехова появляются и некоторые новые варианты репрезентаций, связанные с принципами изображения человека, выбором героев и особенностями профессии автора.

Концепт «чай» многократно актуализируется в прозе А.П. Чехова. Уже в самом начале рассказа «Хирургия» (1884) герой, Вонмигласов, жалуется фельдшеру: «Сел намедни со старухой чай пить и – ни Боже мой, ни капельки, ни синь-порох, хоть ложись да помирай... Хлебнешь чуточку – и силы моей нету!»

[Чехов 1961 III: 23]. Чай здесь *олицетворяет жизнь и здоровье*, отказ от напитка – *болезнь и смерть*. В то же время в рассказе «Невеста» «злоупотребление чаем» связывается с *болезнью* героя: «Пил он чай всегда подолгу, по-московски, стаканов по семи в один раз» [Чехов 1961 VIII: 486]. При этом автор делает акцент на *местные* традиции чаепития, называя такое «злоупотребление» «московским» (подобно тому, как в романе П.Д. Боборыкина «Василий Теркин» употребление чая воспринималось как «волжский» обычай).

В контексте оппозиции «жизнь – смерть» концепт «чай» актуализировался и в рассказе «По делам службы» (1899): «Тут же, в земской избе, по случайности, находился и труп, труп земского страхового агента Лесницкого, который три дня назад приехал в Сырню и, расположившись в земской избе и потребовав себе самовар, застрелился совершенно неожиданно для всех» [Там же: 373]. Подобный поступок, совершенный за чаепитием, вызвал искреннее удивление всех очевидцев. Значимой здесь оказывается и еще одна деталь: понятые предпочли своим непосредственным обязанностям именно чаепитие, равнодушно отреагировав на самоубийство: «– А где же понятые? – Должно, чай пить пошли, ваше высокоблагородие» [Там же].

В ряде рассказов А.П. Чехова нередко на первый план выходит репрезентация концепта *чай как часть алкогольной культуры*. Так, в рассказе «Мальчики» Володя обронил за чаепитием всего лишь одну реплику: «– А в Калифорнии вместо чаю пьют джин» [Чехов 1961 V: 483]. В рассказе «Учитель словесности» реализуется новый вариант репрезентации *чай как атрибут общения – чай как атрибут конфликта*: в рассказе чай упоминается несколько раз, и каждый раз исключительно в контексте ситуации спора: «Теперь за чаем спор начался с того...» [Чехов 1961 VIII: 383].

Конечно, в прозе Чехова чай возникает и в бытовом контексте, реализуясь в таких репрезентациях, как *часть трапезы, атрибут общения, хронометр*,

показатель социального положения / статуса (рассказы «Накануне поста», «Мужики», «Трифон», «Володя», «Кухарка женится», «Случай из практики» и др.), но все-таки чаще всего обращение к концепту «чай» у Чехова оказывается связанным с антиномиями «жизнь – смерть», «здоровье – болезнь». Появляется у писателя и ставшая классической для русской литературы второй половины XIX в. репрезентация концепта *чай как часть алкогольной культуры*. Чай может выступать у Чехова и в контексте ситуации *конфликта / спора* (подобная актуализация концепта встречалась ранее в повести Ф.М. Достоевского «Кроткая» и в очерках Г.И. Успенского).

Если в рассказах Чехова чай нередко включается в семантическое поле «жизнь – смерть», то в драматургии этого автора чай предстает как *атрибут интеллектуального труда и способ отдыха интеллигенции*. В пьесах Чехова в концептуальном поле «чай» оказываются такие концепты, как «книга», «газета», «кабинет». Поскольку специфика реализации концепта «чай» в полной мере раскрывается благодаря ярким художественным деталям, напиток нередко упоминается именно в ремарках. В пьесе «Дядя Ваня» (1897) читаем: «Входят Соня и Елена Андреевна; немного погодя входит Мария Васильевна с книгой; она садится и читает; ей дают чаю, и она пьет не глядя» [Чехов 1963 IX: 487].

Действующие лица пьют чай «между делом» и в другой сцене:

Войницкий. Господа, чай пить!

Серебряков. Друзья мои, пришлите мне чай в кабинет, будьте добры! Мне сегодня нужно еще кое-что сделать [Там же: 485].

Подобным же образом концепт «чай» актуализируется и в пьесе «Три сестры» (1900):

Чебутыкин (читает газету). Цицикар³². Здесь свирепствует оспа.

³² Цицикар – город в Китае, станция Китайско-Восточной железной дороги – КВЖД. Сооружение КВЖД началось в 1897 г., и ход строительства в конце 1890-х гг. постоянно освещался российскими газетами. КВЖД должны были, в частности, способствовать экспорту

Анфиса (подходя к Маше). Маша, чай кушать, матушка. (Вершинину.)
Пожалуйста, ваше высокоблагородие... [Там же: 562].

Таким образом, А.П. Чехов углубляет транслируемое в «Войне и мире» Л.Н. Толстого представление о «внеденежной» элитарности чая. Драматург связывает напиток прежде всего с интеллектуальной элитой. В украшенных емкими и яркими деталями упоминаниях чая на страницах пьес А.П. Чехова, написанных в конце XIX в., оказались собраны воедино все ключевые аспекты этого концепта, отраженные в литературе столетия. По-новому читается у Чехова и репрезентация *чай как элемент роскоши*; при этом широкий контекст «чеховского чаепития» позволял вычленивать и прочие классические репрезентации: *чай как таймкиллер*, *чай как атрибут дружеской беседы*, *чай как средство стимулирования размышлений*.

Русская литература двух последних десятилетий XIX в. использует преимущественно те же репрезентации концепта «чай», которые были востребованы на протяжении предшествующего периода – 1850–1870-х гг., когда чай стал восприниматься как русский национальный (и даже народный) напиток, выражающий национальные традиции (*чай как часть национальной культуры*, *чай как русский народный напиток*). Чай продолжает сопоставляться (и одновременно противопоставляться) с другим «русским народным» напитком – водкой (репрезентация *чай как часть алкогольной культуры*), что, в частности, повлекло появление ряда публицистических «популярных» произведений, адресованных простому народу, в которых доказывалось преимущество чая и пропагандировалось его употребление [Чай в историко-географическом...: 1873; Рейнбут 1881; Чай и чайная торговля...: 1892].

китайских товаров (в том числе, в первую очередь, чая) в Россию. Цицикар – предполагаемое место торговли чаем, которое в перспективе могло заменить Кяхту. В этом контексте ассоциативная связь между китайским городом и русским чаепитием представляется вполне оправданной (Прим. автора – И.Б.).

Активно продолжает развиваться тенденция, особенно ярко проявившаяся в 1870-е гг., обусловленная «экономическим» (*чай как товар, чай как мерило достатка*) и «деловым» (*чай как средство решения проблем, чай как средство стимулирования размышлений*) статусом рассматриваемого концепта. В то же время можно отметить и появление некоторых новых версий репрезентаций – *чай как атрибут интеллектуального труда* и *чай как способ интеллигентного отдыха, чай как атрибут ссоры, чай как способ характеристики среды обитания героев, чай как способ войти в доверие к человеку* (с целью извлечения определенной выгоды). Появление таких репрезентаций может быть объяснено тем, что в литературе заполнялись некоторые «лакуны» в осмыслении концепта, связанные с возникновением нового социального сословия русского общества – интеллигенции и новых типов поведения.

В этот же период изображение чаепития продолжает активно использоваться как особый художественный прием – средство психологической характеристики персонажа или выделение значимой для развития произведения *сюжетной ситуации*.

Наиболее важное явление, связанное с историей функционирования концепта «чай» в русской литературе конца XIX в., – возвращение его репрезентаций в «лоно» китайской культуры: чай и чаепитие стали поводом для обращения к другим национальным культурам, что повлекло возрождение одного из контекстов, сформировавших в XVIII в. рассматриваемый концепт, и способствовало актуализации репрезентации *чай как способ межкультурной коммуникации* и включению культурного сознания русских людей в контекст мировой культуры.

3.5. Выводы

На протяжении второй половины XIX в. чай как напиток постепенно становится важнейшей частью национальной культуры, а концепт «чай»

связывается с представлениями о национальной специфике культуры, становится постоянным спутником путешествий и признаком особого комфорта и уюта, сопровождающим дружескую беседу, способом характеристики дома и его хозяина. В течение этого периода в русской литературе активно развивались способы репрезентации концепта, заложенные прежде всего в произведениях Н.В. Гоголя.

Если в первой половине века содержание концепта включает как традиционный русский «травяной» напиток, так и «новый» китайский (или английский) чай (причем последний нередко интерпретировался как чужеродный элемент быта, связанный с магией и «нечистой силой»), то во второй половине столетия рассматриваемый концепт включает преимущественно представления о «китайском» (по происхождению) чае, пришедшем в Россию через Кяхту, и именно этот чай воспринимается как «национальный» напиток все большего и большего числа сословий российского общества.

В 1850–1870-е гг. значительно увеличивается количество репрезентаций исследуемого концепта. К возникшим ранее репрезентациям (*чай как атрибут путешествия, чай как атрибут общения, чай как часть трапезы, чай как часть национальной культуры, чай как атрибут гостеприимства, чай как атрибут дружеской беседы, чай как основа уюта и домашнего хозяйства, чай как способ диалога культур*) добавляются многочисленные новые варианты, характеризующие чай как часть повседневной жизни разных сословий русского общества и эффективный способ делового общения (*чай как товар, чай как атрибут достатка, чай как способ решения актуальных проблем, чай как средство налаживания социальных связей, чай как атрибут светского приема, чай как маркер эмоционального состояния героя, чай как атрибут безделья, чай как источник гармонии с природой, чай как атрибут размеренной жизни, чай как символ сословных и религиозных традиций, чай как катализатор размышлений,*

чай как повод постановки морально-этических проблем, чай как фон философских размышлений и др.).

Основная тенденция, характеризующая развитие концепта во второй половине века, – возрастание роли репрезентаций, раскрывающих в том или ином аспекте закономерности социально-экономической и «деловой» сфер жизни российского общества (*чай как элемент делового общения, чай как характеристика жизни определённого сословия, чай как экономическая категория – как особый товар, чай как способ определения времени, чай как мерило здоровья, чай как средство справедливого / несправедливого решения проблемы*).

Так, например, денежная составляющая в «сословно-чайных» традициях находит отражение и в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, где «барский» чай конкурирует с не менее дорогим «крестьянским» вином, и в «Преступлении и наказании», где «спитой» чай оказывается не столько средством экономии, сколько показателем низкого статуса чаевника. Подобные тенденции прослеживаются и в других произведениях второй половины XIX в., в которых изображение чая и чаепития служит самым разнообразным художественным целям, – например в сочинениях И.А. Гончарова. В травелоге «Фрегат Паллада» чай лежит вне денежной плоскости, а в романе «Обрыв» служанка может позволить себе вылить, но не выпить чай. Концепция «чайной сословности» нередко была выражена в художественных текстах имплицитно: как тенденция, существующая в обществе, и как прием, организующий художественный мир произведения, что способствовало возникновению всё новых и новых репрезентаций анализируемого концепта.

В последние два десятилетия XIX в. актуализировались репрезентации, связанные с представлением о чае как *результате тяжелого труда* китайских или индийских крестьян, а также о чае как *части китайской культуры* и о чае как

особом товаре, который связывает различные народы в едином процессе межкультурной коммуникации.

В русской литературе второй половины XIX в. чай и чаепитие становятся важным «фоном» для разворачивающегося конфликта и способом раскрытия системы образов. Одна из важнейших особенностей концепта «чай» в рассматриваемый период – использование его репрезентаций в качестве особого художественного приема, применяемого для организации сюжета произведения (например, в качестве маркера особо значимых эпизодов), средства опосредованного раскрытия позиции автора, а также важного способа выражения эмоционального состояния героя. Возрастает знаковая (символическая) составляющая концепта «чай», выразившаяся в появлении религиозно-философских и морально-этических вариантов репрезентаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Популярному в Европе восточному напитку понадобилось несколько столетий для того, чтобы покорить Россию и стать неотъемлемой частью национальной кухни. Параллельно с формированием чайной культуры в Российской Империи, чай проникает и в литературу: концепт «чай» становится *культурной константой* и занимает значимое место в художественных произведениях. Репрезентации данного концепта, ставшие традиционными для текстов отечественных авторов, играют важную роль в формировании сюжета произведений, способствуют раскрытию характеров и внутреннего мира героев повестей и романов, действующих лиц пьесы, передают настроение лирического героя стихотворения. Чай становится частью концептосферы национальной культуры, и его репрезентации в художественных текстах создают феномен «русского литературного чаепития».

В русской культуре концепт «чай», с одной стороны, обогащается репрезентациями, связанными с *восточной культурой (чаепитие как процесс получения эстетического удовольствия; чаепитие как процесс укрепления здоровья и др.)*; с другой стороны, он соотносится с *западной традицией*, пришедшей из Великобритании, в которой чай был прежде всего *товаром*, средством реализации *экономической политики*.

Эстетические представления, связанные с чаем, традиции чаепития, чайная культура Востока, Запада и России, ее отражение в духовном наследии народов, история чая – все это неоднократно становилось предметом научных исследований. Важнейшим аспектом чая как культурной константы является его отражение в произведениях художественной литературы. В частности, чай стал значимым мотивом многих произведений русских писателей, и данный факт делает исследование «русского литературного чаепития» необходимым компонентом изучения истории русской культуры.

Ввиду того что рассмотрение «русского литературного чаепития» не представляется возможным без учета лингвистического, исторического, социокультурного контекста, в диссертации использован комплексный, междисциплинарный подход к выполнению исследования. Концептуальный анализ, определенный в качестве основного метода настоящей работы, позволил детально изучить концепт «чай» в русской литературе XIX в. Систематизация подходов современных ученых к методологии концептуального анализа в литературоведении стала важнейшим теоретическим аспектом данного исследования. Для выполнения качественного концептуального анализа представляется необходимым приведение к общему знаменателю позиций ученых относительно термина «художественный концепт» и сферы его применения в литературоведении.

Само понятие концепта как единицы когнитивной деятельности предполагает наличие не только общекультурных, но и *индивидуальных* концептов (или *индивидуальных репрезентаций* концепта), а отдельным видом индивидуального концепта (или производным от него) можно считать концепт *авторский*. Русская литература XIX в. продемонстрировала множество «авторских» концептов, соотнесенных с представлениями о чае, которые способствовали обогащению содержания и формы художественных произведений.

Художественный концепт «чай» ассоциировался в первую очередь с *бытовым* аспектом жизни русских людей и с ритмом обыденной жизни. Одновременно концепт «чай» в русской литературе оказался связан и с рядом культурных контекстов: чаепитие как часть домашней обстановки, семейного застолья и важная составляющая дружеского общения; чаепитие как элемент продуктивного диалога, способ решения принципиальных насущных и философских вопросов и др. Функционирование «чая» в этих контекстах

обусловило формирование концептуальных полей, связанных с другими важнейшими для русской литературы концептами – «дом», «дорога», «сон», «дружба», «баня», «вино / водка», «табак» и т. д.³³ Концепт «чай» тесно связан и с такими глобальными концептами русской культуры, как «Россия» и «Китай». Одновременно с этим процессом в сферу концепта оказались втянуты «знаковые» детали предметной изобразительности – самовар, чайник, чайный сервиз, чашка, стакан, сливки, варенье, печенье, мед, крендель, булка и др., – которые создавали специфический образ русского литературного чаепития.

Многочисленные репрезентации концепта «чай» объединяются в тематические группы: «еда» (часть праздничного стола, самостоятельная трапеза, пункт в расписании приемов пищи, финальный аккорд светского приема), «общение» (дружба, семья, единство духа, встреча, угощение, решение вопросов, деловая коммуникация, конфликт, диалог с самим собой, карточная игра, любовная драма), «диалог культур» (часть русской / английской / китайской культуры, маркер своего и чужого, традиция, путешествие), «экономика» (товар, атрибут делового общения, маркер социальной стратификации, роскошь), «здоровье» (болезнь, выздоровление, смерть, душевное равновесие, лекарство, средство против пьянства) и т. п.

³³ Эта особенность способствовала тому, что в произведениях русской литературы XX в. (как реалистического, так и постмодернистского направления) концепт «чай» стал выполнять функцию одного из потенциальных символических «заместителей» культуры классического периода. В этом плане особенно показательным обращением к этому концепту в постмодернистской литературе. Так, В.Г. Сорокин создал в 1980-е гг. произведение под названием «Роман» (опубл. в 1994 г.) [Сорокин: 2022], воссоздающее стилистические и сюжетные особенности текстов русской литературы XIX в. (произведений И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и других русских классиков) и иронически обыгрывающее их мотивы. Для достижения соответствия своего романа «русскому миру» В.Г. Сорокин обратился к ключевым концептам русской литературы, уделяя основное внимание концепту «чай», ставшему одним из основных символических атрибутов культуры XIX в. Роман представляет не «реконструкцию» традиционного национального быта, а его постмодернистскую «деконструкцию», разрушение «художественного мифа», созданного русской культурой классического периода, а репрезентации концепта «чай» становятся основным средством *деконструкции* «русского мира».

Концепт «чай» формируется через *систему оппозиций*: свое – чужое, духовное – телесное; временное – вечное; новое – традиционное; действие – покой; средство получения удовольствия – товар; труд, дело – отдых, безделье; общение – уединение; народный – элитарный; единство в кругу друзей – одиночество; альтруизм – получение выгоды; игра, развлечение – правда жизни; праздничное – будничное; роскошь – повседневность; болезнь – здоровье; жизнь – смерть; благородство – предательство и др.

Эпизоды чаепития в художественных произведениях нередко соотносятся с ключевыми сюжетными эпизодами, выражающими важнейшие концептуальные идеи автора. Наиболее масштабно «русское литературное чаепитие» представлено на страницах произведений Н.М. Карамзина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и И.А. Гончарова.

Так, питье чая побуждает героя «Писем русского путешественника» к размышлению о природе «своего» и «чужого», а знакомство с культурами других стран позволяет ему глубже понять собственную родину. Понимая важность сохранения собственных культурных традиций, Н.М. Карамзин утверждает концепцию национальной самобытности.

Концепт «чай» получает художественное воплощение в большинстве произведений Н.В. Гоголя. Например, в «Петербургских повестях» детали, связанные с чаепитием, позволяют воссоздать атмосферу эпохи и места действия, будь то элитарные столичные заведения или провинциальная гостиница. Чай служит выразительной бытописательской деталью, подчеркивает в тексте контрасты, делает гротеск более ярким.

Являясь одним из «пищевых» (включенных в тематическую группу «еда») концептов, «чай» становится ключом к раскрытию основной антиномии «свое – чужое» в травелогe И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»: в процессе чаепития происходит знакомство Путешественника с культурами других стран. Ключевая

репрезентация концепта *чай как средство выражения особенностей национальной культуры* служит здесь авторской идее и способствует раскрытию замысла произведения. Чай упоминается и в других произведениях И.А. Гончарова, в частности в романе «Обломов», в котором он изображается как некая граница между «домашней» и «светской» жизнью.

Герои Ф.М. Достоевского воспринимают чай прежде всего как атрибут достатка и одновременно как элемент роскоши, а чай и чаепитие символизируют оппозицию различных социальных миров. Многократная актуализация концепта «чай» в произведениях писателя – наряду с актуализацией других концептов – служит средством выражения авторской идеи: в отсутствии свободы (а не тех или иных материальных благ) автор видит трагедию арестанта и для воплощения этой идеи обращается к ряду знаковых концептов, одним из которых оказывается «чай».

В целом, процесс формирования концепта «чай» в русской культуре к концу века практически завершается: национальная литература демонстрирует множество репрезентаций этого концепта, связывающих его как с различными бытовыми и художественными контекстами, так и с другими концептами русской культуры, а чай и чаепитие становятся одним из символов ставшего «прошлым» классического столетия русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аввакумова Н.В., Бурдин И.В.* Понятие «концепт» в литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 7. С. 97–100.
2. *Авдеев М.В.* Тамарин // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. СПб.: Ф. Стелловский, 1868. 265 с.
3. *Адамова В.С.* Художественный концепт как единица творческого процесса в литературном осмыслении // День науки: материалы конференции. М.: МГУ, 2011. С. 654–655.
4. *Адясова Л.Е.* Концепт «Советский Союз» и его языковая экспликация в российском медиадискурсе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск: НГУ им. Лобачевского, 2015. 20 с.
5. *Азарцева А.Н., Земсков П.А.* Традиции чайной церемонии в Китае, Англии и России // Архонт. 2019. № 4 (13) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-chaynoy-tseremonii-v-kitae-anglii-i-rossii> (дата обращения: 26.02.2022).
6. *Алеврас Н.Н.* Н.М. Карамзин и феномен «карамзинского консерватизма» // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2008. С. 42–47.
7. Алиханов Е. Ханский чай. СПб: Типография Иверсена, 1835. 84 с.
8. *Анташкевич Е.М.* Харбин. М.: Центрполиграф, 2012. 783 с.
9. *Апрелкова В.В., Илин С.* Великий чайный путь: вызовы и возможности для российского приграничья (на примере Забайкальского края) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. Вып. 19. № 1. С. 47–57.

10. *Аров Ю.* Какие привычки советских людей совсем не понимает современная молодежь // *Культурология.рф* [Электронный ресурс]. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/070122/52213/> (дата обращения: 12.02.2022).
11. *Арутюнова Н.Д.* Прагматика // *Лингвистический энциклопедический словарь* под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. С. 389–390.
12. *Аскольдов-Алексеев С.А.* Концепт и слово // *Русская словесность: от теории к структуре текста: антология* под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
13. *Баранов П.П.* Идея конституционализма в политико-правовой мысли России XIX века // *Юристъ-Правоведъ*. 2012. № 2 (51). С. 59–62.
14. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
15. *Барыбин Е.В., Давыдова Ю.С.* Искусство чайной церемонии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 185 с.
16. *Бахтадзе К.Е.* Развитие культуры чая в СССР. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1961. 116 с.
17. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
18. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
19. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1. М.: АН СССР, 1953–1959. 574 с.
20. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: в 12 т. / под редакцией и с примечаниями С.А. Венгерова. Т. 5: Критические статьи. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. 580 с.
21. *Белова Н.А.* Концепт «Северные народы» в травелоге И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада // *Вестник угроведения*. 2019. № 3 (18). С. 8–16.

22. *Бережных В.* Продвижение бренда чайного пути в рамках экономического коридора Китай – Монголия – Россия // Великий чайный путь. 2019. № 1. Иркутск: Экспедиция ИнтерБайкал, 2019. С. 7–9.
23. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с
24. *Богданов И.А.* Дым Отечества, или Краткая история табакокурения. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 50 с.
25. *Болдырева Е.М.* Чеховские традиции в китайской драматургии XX века: ритуал чаепития в пьесе Лао Шэ «Чайная» // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1 (112). С. 204–214.
26. *Большакова А.Ю.* Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169–173.
27. *Борев Ю.Б.* Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: АСТ, 2003. 575 с.
28. *Борзова Е.А., Гордеева О.С., Чистяков А.Н.* Посуда в истории культуры. СПб: СПбКЛ, 2018. 307 с.
29. *Бурдин И.В.* Концепт «чай» в повести «Записки из Мертвого дома» и романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Вып. 13. Т. 2. С. 81–88.
30. *Бурдин И.В.* Чай и чаепитие в повести Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» // Континентальные глаголы: Альманах международного клуба / Н.В. Данилевская; И.Ю. Роготнев. Пермь: ПГНИУ, 2021. С. 78–83.
31. *Бурдина С.В., Бурдин И.В.* Художественный концепт «чай» в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Филологический аспект, № 11 (55). Нижний Новгород: НИЦ «Открытое знание», 2019. С. 172–176.

32. *Вайль П.Л., Генис А.А.* Русская кухня в изгнании. М.: Независимая газета, 2002. 103 с.
33. *Ван Линь.* Китайское искусство чаепития / пер. с англ. Л.А. Калашниковой. М.: Центрполиграф, 2003. 239 с.
34. *Вельтман А.Ф.* Приключения, почерпнутые из моря житейского. М.: Художественная литература, 1957. 578 с.
35. *Веснина В.С.* Чай – символ китайской культуры. М.: Наука – Восточная литература, 2017. 207 с.
36. *Владимирцев В.П.* Петербург Достоевского (проблема локальных историко-этнографических отражений) // Проблемы исторической поэтики. Вып. 1. Петрозаводск: ПГУ, 1990. С. 82–99.
37. *Войтишек Е.Э., Осипов Г.В.* Китайская рукопись X века «Спор Чая и Вина» как одно из открытий «Дуньхуанской библиотеки» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 4: Востоковедение. С. 75–92.
38. *Гиляровский В.А.* Трущобные люди. Москва и Москвичи. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1988. 787 с.
39. *Го Юй-Чунь.* Чайная торговля между Китаем и Россией в XVIII–XIX вв. В Кяхте и создание российской культуры чая // Современная научная мысль. 2020. № 5. С. 38–44.
40. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: Правда, 1984.
41. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Повести. М.: Художественная литература, 1966. 352 с.
42. *Гончаров И.А.* Обломов. М.: Гос. изд-во детской литературы, 1935. 653 с.
43. *Гончаров И.А.* Фрегат “Паллада”: очерки путешествия: в 2 т. Волгоград: Нижневолжское кн. изд-во, 1986. 608 с.
44. *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений: в 20 т. СПб.: Наука, 1997–2004.

45. *Готлиб Д.О.* Некоторые аспекты архетипического в представлении о чае у китайцев // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири № 1 (13). Иркутск: ИГЛУ, 2013. С. 12–14.
46. *Гуссерль Э.* Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 464 с.
47. *Гун Л.* Слова китайского происхождения в составе концепта «чай» // Вестник Башкирского университета. 2018. Вып. 2. № 2. С. 510–514.
48. *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо-пресс, 2000. 735 с.
49. *Даль В.И.* Толковый словарь. Т.4: Р–V. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1935. 706 с.
50. *Демьянков В.З.* Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы философии. 2001. № 1. С. 35–47.
51. *Деханова О.А.* Комментарии к «гастрономическому языку» Достоевского как необходимый инструмент «медленного чтения» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 3. С. 32–68.
52. *Деханова О.А., Деханов М.Е.* Отражение ольфакторных традиций второй половины XIX века в произведениях Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 121–156.
53. *Доржу К.Б.* Символический смысл сочетаний со словом шай («чай») в поэзии Антона Уержаа // Казанская наука. 2015. № 11. С. 151–154.
54. *Дмитриева Е.Е., Капитонова Л.А., Коровин В.И.* История русской литературы XIX века. М.: Владос, 2005. 524 с.
55. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1982. 543 с.
56. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

57. *Дрейзис Ю.А.* Художественные концепты прозы Юй Хуа: автореф. дисс. ... к. филол. н. М.: МГУ, 2013. 18 с.
58. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
59. *Землер Г.* Чай, разведение его в Китае, Индии, Японии и на Кавказе. Ботанические свойства, приготовление, подделка и всемирная торговля. М.: Издание В.Н. Маракуева, 1890. 145 с.
60. Земсков П.А. Традиции чайной церемонии в Китае, Англии и России // Архонт: электронный научный журнал. 2019. Вып. 4 (13). С. 45–48.
61. *Зусман В.* Концепт в системе научного знания // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 3–17.
62. *Иванникова А.Г., Хоречко У.В.* Концепт «чай» в русской и китайской картинах мира // Молодой учёный. 2014. № 15. С. 374–376.
63. История философии: Энциклопедия / А.А. Грицанов, Т.Г. Румянцева, М.А. Можейко. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2002. 1376 с.
64. *Имукова П.А.* Чайный церемониал в России и Англии XIX века: сравнительная характеристика // Грани истории от средневековья до современности: Материалы V Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов / Под общ. ред. Л.Н. Черновой. Саратов, 2020. С. 52–57.
65. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. М.: Сов. Россия, 1983. 512 с.
66. *Кирмасов Б.А.* Вклад первых российских переводчиков в становление отечественного китаеведения // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 3. С. 235–240.
67. Китайский чай (подробное о нем описание) с присовокуплением статей: о кофе, шоколаде и сахаре / Сост. Н. Ржанов. М.: Типография В. Готье, 1856.

- 60 с.; Чай, по старинным русским сведениям: из журнала «Домашняя беседа» / Д. Прозоровский. СПб.: Тип. Морского министерства, 1866.
68. *Клингген И.Н.* Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока. СПб: Типография главного управления уделов, 1898.
69. *Коваль К.С.* Культурные традиции русского чаепития // Аналитика культурологии. 2014. № 1 (28). С. 181–185.
70. *Козлов И.И.* Стихотворения: в 2 т. Т. 1. СПб.: А. Смирдин, 1855. 328 с.
71. *Кокорев И.Т.* Очерки о Москве. М.: Московский рабочий, 1959. 289 с.
72. *Кольцова Ю.Н.* Художественный концепт и художественный образ // Язык, культура и межкультурная коммуникация: межвуз. сб. ст. под ред. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 157–163. [А].
73. *Кольцова Ю.Н.* Концепт пути в мировоззрении Н.С. Лескова: автореф. дис. ... кандидата культурологии. М.: Изд-во МГУ, 2001. 28 с. [Б].
74. *Кольцова Ю.Н.* Концепт как категория семантической теории перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2008. № 4. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 37–48.
75. *Колягина Т.Ю.* Оппозиция «свое-чужое» в «гастрономическом» тексте И.А. Гончарова (на материале писем писателя) // Динамика систем, механизмов и машин. 2012. № 4. С. 56–59.
76. *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
77. *Кормчина Е.* Часто задаваемые вопросы о деньгах XVIII века // Арзамас [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1020> (дата обращения 01.05.2022).
78. *Коровин В., Дмитриева Е., Капитанова Л.* История русской литературы XIX века. Ч. 2: 1840–1860 годы. М.: Владос, 2005. 393 с. [А].

79. *Коровин В., Скибин С., Прокофьева Н.* История русской литературы XIX века: в 3 ч. Ч. 1: (1795–1830 годы). М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. 478 с. [Б].
80. *Краснов А.Н.* Из колыбели цивилизации: Письма из кругосветного путешествия. СПб.: Типография М. Меркушева, 1898. 660 с.].
81. *Кривонос В.Ш.* Временная структура поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии: сб. науч. ст.: к 100-летию со дня рождения проф. И.А. Дергачева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 237–255.
82. *Кривошапова Н.В.* Традиционные и новые подходы к изучению текста // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 94–103.
83. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. 245 с.
84. *Кукина Д.А., Синюткина О.Н.* «Чайный трактат» Лу Юя как доказательство существования чайной философии // *Juvenis scientia*. № 5. Нижний Новгород: Сциентиа, 2018. С. 35–36.
85. *Куприянова Е.Н., Назарова Л.Н.* Русский роман первой четверти XIX века. От сентиментальной повести к роману // История русского романа: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во академии наук СССР, 1962. С. 66–100.
86. *Кушу С.А.* Лингвокультурные концепты как отражение языковой картины мира. Автореф. дисс. ... к. филол. н. Майкоп: Аякс, 2004. 24 с.
87. *Леонтьев А.Л.* Уведомление о чае и о шёлке из китайской книги Вань боу Кюань называемой. СПб.: Императорская академия наук, 1775. 52 с.
88. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка. М.: РАН, 1993. 287 с.
89. *Лихачев Д.С.* Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. Учебное пособие. М.: Academia, 1997. 320 с.

90. *Лотман М.Ю.* Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.
91. *Лу Юй.* Канон чая / пер. с кит. А.Т. Габуева и Ю.А. Дрейзиса. М.: Гуманитарий, 2007. 123 с.
92. *Лурье Л.Я.* Питерщики. Русский капитализм. Попытка первая. СПб: БХВ, 2011. 288 с.
93. *Мазурик В.П.* Путь чая // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления. 2009. № 2. С. 385–392.
94. *Лысенко Н.К.* Концепт «чай» в различных национальных культурах: Казахстан, Россия, Великобритания // Русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества / Под ред. О.Н. Морозовой, М.В. Пименовой. СПб.: СПбГЭУ, 2016. С. 161–169.
95. *Лю Г.* Этимология слова «Чай / ча» в русском и китайском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 1. С. 55–57.
96. *Малевич В.Г.* Иллюстрированная энциклопедия. Чай: философия, традиции и атрибутика чайной церемонии. Минск: Харвест, 2008. 128 с.
97. *Мальшев А.А.* Статья «О чае» (1732 г.) как научно-популярный медиатекст XVIII века: лингвостилистические особенности // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 21 (242). Вып. 3. С. 110–113.
98. *Манджиева С.В.* Ключевые концепты в рассказах О. Генри: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград: ВГПУ, 2010. 25 с.
99. *Массон Б.В.* Путешествие как рефлексия о путешествии («Фрегат “Паллада” И.А. Гончарова) // Филологические науки. 2016. № 2 (24). С. 22–28.
100. *Меликов И.М.* Творчество и духовный мир человека // Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия. № 2, 2002. С. 76-87.
101. *Мельников-Печерский П.Т.* На горах. М.: Эксмо, 1998. 268 с.

102. *Мерзлякова И.С.* Понятие лингвокультурного концепта и его методологическое значение для изучения национальной культуры // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2008. № 2. С. 36–39.
103. *Меркушов С.Ф.* Абсурдистская деструкция советского дискурса в ранней прозе В. Г. Сорокина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12. С. 45–49.
104. *Милейко Е.В., Рус-Брюшнина И.В.* Художественный концепт как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65). Ч. 3. С. 128–130.
105. *Мосалева Г.В.* Храмово-корабельная образность в «Обломове» И.А. Гончарова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. № 5. С. 658–664.
106. *Мунчаев Ш.А.* История России. М.: Норма, 2003. 607 с.
107. *Мясников В.С.* Китайский чай в России // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 6. С. 112–130.
108. *Нардаев О.В., Нардаев С.В., Очирова З.М.* Пушкин и калмыцкий чай («Путешествие в Арзрум») // Музей и дети: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-ой годовщине Пушкинского заповедника. Псков, 2017. С. 94–97.
109. *Нарежный В.Т.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная лит., 1983. 623 с.
110. *Нерознак В.П.* Теория словесности: старая и новая парадигмы // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Антология, 1997. С. 3–10.

111. *Николаева Э.Е.* Концепт еды в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // *Мировая литература глазами современной молодежи.* Магнитогорск: МГПИ, 2018. С. 182–185.
112. *Новокрещенова И.Л.* Понятие «концепт» и его востребованность в современном литературоведении // *Вестник Воронежского государственного университета. Филология и журналистика.* 2007. № 1. С. 24–31.
113. О чае и его приготовлении русскими в Китае / Сост. К.А. Попов. М.: Тип. И.Н. Кушнерева, 1870).
114. *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции. СПб.: Гос. изд-во, 1923. 269 с.
115. *Островский А.Н.* Пьесы. М.: НЭБ Свет, 2020. 987 с.
116. *Охременко А.А.* Язык города в творческой практике В.А. Гиляровского (на материале книги «Москва и москвичи») // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки.* 2013. Вып. 26 (65). № 4–2. С. 143–148.
117. *Павленко Д.М.* Культурные традиции английского чаепития // *Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы.* Сборник статей X Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 211–213
118. *Пань Сянли.* Чай, выраженный словами / пер. с кит. Ф.Д. Сергеевой. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2019. 351 с.
119. *Перова С.В.* Чай – «растение небес» в диахроническом аспекте (на материале русского языка) // *Языковая личность и эффективная коммуникация в современном мире: материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию основания кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных*

- коммуникаций Белорусского государственного университета / Отв. ред. С.В. Воробьева. Минск, 2019. С. 135–138.
120. *Плотникова С.Н.* Концепт и концептуальный анализ как лингвистический метод изучения социального интеллекта // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 193–199.
121. *Погодин М.П.* Записки (фрагмент) // Русский Архив. М.: Типография В. Грачева и Комп., 1865. Вып. 7 (12). С. 887–894.
122. *Погодин М.Н.* Повести, драма. М.: Советская Россия, 1984. 432 с.
123. *Поленова М.А.* Слушать не наслушаться [Лето в Царском селе]: Рассказы для детей младшего возраста. 5-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. 189 с.;
124. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
125. *Постникова Е.А.* Художественный образ в сравнении со смежными понятиями филологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (31). Ч. 1. С. 147–150.
126. *Попов К.А.* Очерк торговой и общественной деятельности потомственного почетного гражданина коммерции советника К.А. Попова, с его портретом. СПб: Типография В. Веллинга: 1866. 32 с.
127. *Потанин Г.Н., Потанина А.В.* Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествие длиною в жизнь. М.: Эксмо, 2017. 448 с.
128. *Потанина А.В.* О китайской женщине // Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю: сборник статей. М.: Тип. Е. Гербек, 1895. 296 с. С. 192–216.

129. *Потапенков А.В.* Философия и литература (на примере истории русской общественной мысли) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2009. Вып. 22 (61). № 1. С. 94–103.
130. *Похлебкин В.В.* Чай и водка в истории России. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1995. 60 с.
131. *Приходько А.И.* Фрейм как тип лексического концепта // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 110–113.
132. *Простаков С.А.* Мрачное семилетие 1848–1855 годов // Политическая концептология. 2014. № 2. С. 62–69.
133. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин: роман в стихах // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: АН СССР, 1957. Т. 5. 637 с.
134. *Пясецкий П.Я.* Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1880. 560 с.
135. Рассказы о Восточной Сибири. № 233 / Сост. Ф. Девель. М.: Типография И.Д. Сытина, 1896. 127 с.
136. *Редькин В.А.* Литературно-культурологическое путешествие Гончарова // Молодой ученый. 2010. № 4 (15). С. 398–402
137. *Ржанов Н.* Китайский чай. М.: Типография Готье, 1856. 60 с.
138. *Рогова Е.Н.* Деконструкция «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского в романе В. Сорокина «Роман» // Вестник Кемеровского университета. 2012. № 4 (4). С. 122–127.
139. *Рейнбут Е.Ф.* Чай. Откуда он идет к нам и чем полезен. СПб., 1881. 40 с.
140. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1962.

141. *Соколов И.А.* Чайная торговля в Российской империи в XIX – начале XX веков. Автореф. канд. дисс. М.: МГПУ, 2010. 20 с.
142. *Сокольский И.Н.* Какая-то трава вместо чая // Наука и жизнь. 2020. № 10. С. 107.
143. *Сокольский И.Н., Сокольская С.* Тургеневское чаепитие // Наука и жизнь (онлайн). 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/open/35101/> (дата обращения: 08.04.2022).
144. *Сомов О.М.* Были и небылицы. М.: Советская Россия, 1984. 202 с.
145. *Сорокин В.Г.* Роман. М.: АСТ, 2022. 640 с.
146. *Спиридонова И.Н.* Традиции чаепития в России [Электронный ресурс]. URL: <http://inspir52.ya.ru/4548> (дата обращения: 28.05.2020).
147. *Субботин А.П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая. СПб.: Типография Северного телеграфного агентства, А.Г. Кузнецов, 1892. 706 с.
148. *Сунь И.* Визуализация и ассоциативный эксперимент как способы выявления ценностного компонента концепта чай в китайской языковой картине мира // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: материалы X международной студенческой научно-практической конференции «диалог культур – диалог о мире и во имя мира» (г. Комсомольск-на-Амуре, 25 апреля 2019 г.). С. 262–270.
149. *Таранов Д.П.* Семантика чая и кофе в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета, №. 3, 2020, С. 50–55.
150. *Тарасова И.А.* Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 742–745.

151. *Титова Ю.В.* Структура концепта и методы его описания // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2010. № 4 (52). С. 16–21.
152. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1985.
153. *Тургенев И.С.* Дворянское гнездо. М.: А.И. Глазунов, 1859. 330 с.
154. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. М.: Наука, 1978. 578 с.
155. *Тургенев И.С.* Собр. соч. в 12 т. Т.1. М.: Художественная литература, 1979.
156. *Тургенев И.С.* Стихотворения и поэмы. СПб.: Советский писатель, 1970. 479 с.
157. *У Вэйсинь.* Энциклопедия целебного чая. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. 320 с.
158. *У Тин.* Концепт «чай» в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков) // Наука и мир. 2016. № 5 (33). С. 138–140.
159. *У Шаохуэй.* История чая. М.: ООО «Международная издательская компания “Шанс”»; ООО Изд-во «Восток-Бук»; ООО Изд-во «Большая китайская энциклопедия», 2017. 127 с.
160. *Федотов П.А.* Поправка обстоятельств, или Женитьба майора // Пантеон. 1854. № 1. СПб: В. Поляков, 1854. 276 с.
161. *Фещенко В.В., Коваль О.В.* Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014. 640 с.
162. *Фильшин Н.Г.* Кяхта и северный маршрут великого чайного пути // Вестник Бурятского Госуниверситета. Экономика и менеджмент. 2017. № 2. С. 57–61.
163. *Фокин П.Е.* Достоевский без глянца. СПб.: Амфора, 2007. 464 с.

164. *Фокин П.Е.* Достоевский глазами современников. СПб.: Амфора, 2016. 460 с.
165. *Христолюбова Ю.С.* К вопросу о существовании русских чайных плантация на территории Китая 1860–1920 гг. // Современная научная мысль. 2019. № 5. С. 61–67.
166. *Цай В.* Концепт чая в китайской и русской литературах // Русский язык и культура в зеркале перевода (Материалы IX Международной конференции, 2019, Греция). М.: МГУ, 2019. С. 464–471.
167. *Цзоу С.* Национально-культурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому как иностранному китайских студентов // Известия РГПУ им. Герцена. 2007. № 1. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С. 437–441. [А].
168. *Цзоу С.* Национально-культурная специфика концепта «чай» и её учёт в обучении русскому языку китайских студентов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Т. 19. № 45. СПб.: РГПУ, 2007. С. 137–411. [Б].
169. Чай в коробе «Гоголь». Все другое [Электронный ресурс]. URL: https://vsedrugoeshop.ru/catalog/chay/chay_v_korobke_gogol/ (дата обращения: 28.01.2021).
170. Чай в историко-географическом, ботаническом и физиологическом отношениях / Сост. А.Н. Хребтов. СПб.: Издание Я.А. Исакова, 1873. 64 с.
171. Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая / Сост. А.П. Субботин. СПб.: Типография Северного Телеграфного Агентства; Изд. А.П. Субботина, 1892. 657 с.
172. Чай – символ китайской культуры / пер. с китайского С.В. Веснина М.: Наука – Восточная литература, 2017. 207 с.

173. *Чехов А.П.* Собрание сочинений: в 12 т. М.: Художественная литература, 1963.
174. *Шалтегин О.Н.* Своеобразие художественного мира А.Ф. Вельтмана: автореф. дисс. ... к. филол. н. М.: МГУ, 1999. 24 с.
175. *Шпет Г.Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989. 601 с.
176. *Шпилянский Э.М.* Гиляровский Владимир Алексеевич (1853–1935). Русский писатель, поэт, знаток Москвы и России // Клиническая геронтология. 2013. № 19 (3–4). С. 58–59.
177. *Энгельгардт Б.М.* «Путешествие вокруг света И. Обломова»: главы из неизданной монографии // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 15–73.
178. *Яковкина Н.И.* История русской литературы: XIX век. 2-е изд., стер. СПб.: Лань, 2002. 576 с.
179. *Якубович И.Д.* Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Т. 1. СПб.: Академический проспект, 1999. 540 с.
180. *Якушева Л.А.* Русское чаепитие как текст повседневной культуры // Аналитика культурологии. 2009. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 214–217.
181. *Яловая Ю.В.* Основные способы языковой репрезентации концепта // Молодая наука. Вып. 7. Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т., 2016. С. 57–59.
182. *Barthes R.* Le Degré zéro de l'écriture. Paris: Éditions du Seuil, 1953. 127 p.
183. *Davis N.* Coffee or tea? The answer might be in your genes // The Guardian. 2018. No. 11. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/science/2018/nov/15/coffee-tea-drink-choice-study-linked-genes-how-we-perceive-bitterness> (Дата обращения: 01.12.2021).
184. *Dillon J.* The Question of Being // Jacques Brunschwig, edited by Geoffrey

- E. R. Lloyd. Harvard University Press, 2000. P. 51–71.
185. *Eddington D.* Linguistics and the scientific method // Southwest journal of linguistics, Vol. 27, issue 2, 2008. P. 11–15.
186. *Frege, G.* Über Begriff und Gegenstand // Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie issue 16, 1952. P. 192–205.
187. *Higginbotham J.* Remarks on the metaphysics of linguistics. Linguistics and Philosophy, issue 14, 1991. P. 555–566
188. *Kondakov B.V., Krasnoyarova A.A., Popkova T.D.* Life retrospective of Russian emigrants in China (On the example of the novels by E. Baryakina “White Shanghai” and E. Antashkevich “Harbin”). Opción. № 23, 2019. C. 1266–1281.
189. *Lawson A.E., Alkhoury S., Benford S., Clark B.R., Falconer K.A.* What kinds of scientific concepts exist? Concept construction and intellectual development in college biology // JRST, Vol. 37, issue 9, 2000. P. 966–1018.
190. *Marantz A.* Generative linguistics within the cognitive neuroscience of language. The Linguistic Review, issue 22, 2005. P. 429–445.
191. *Ogneva E. A.* Literary conceptual domain as knowledge format // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, issue 9-10, 2020. P. 50–55.
192. *Rifman I.* How Russia learned to write: Literature and the Imperial Table of Ranks. Wisconsin: The University Wisconsin Press, 2016. 237 p.
193. *Sting S.* Englishman in New York, lyrics // Genius [Электронный ресурс] URL: <https://genius.com/Sting-englishman-in-new-york-lyrics> (Дата обращения: 01.12.2021).
194. *Tyler Varro E.* The new honest herbal: a sensible guide to the use of herbs and related remedies. Philadelphia: G.F. Stickley Co, 1987. 254 p.